

Laura Tonyan

18+

MEAN

ГЛАВА 1.

На свадьбах девушки пьют

Лолита

Ее платье самое красивое, которое я когда-либо видела. Пышное, с кружевным корсетом. Загорелые плечи остались открытыми. Подол длинной фаты скользит по траве, когда Амина медленным шагом идет к своему жениху. Она подходит к арке под надоедливый голос выездного регистратора. Та, тем временем, не перестает восхищаться красотой моей подруги, и твердит, что плохая погода сегодня не испортит праздник. Все сто пятьдесят человек, приехавших в этот торжественный день в бутик-отель, согласны с ней — женщиной в розовом костюме, очках и ужасных белых туфлях.

Ее речь такая долгая, что некоторые из моих знакомых, что сидят в одном ряду со мной, зевают. Кстати о рядах: Амина ненавидит лилии, однако деревянные белые скамейки украшены именно этими цветами. Это, наверное, идея Кости. Через буквально минуту он станет ее законным мужем, и ей придется делить всю свою жизнь с этим человеком. Ну, или сколько сейчас живут вместе молодожены? Год? Два? Пять? Ааа... хотя, нет. Пять лет — это слишком много.

Приятельница Вика, с которой мы вместе ходим на йогу, перехватывает меня у входа в главный зал. Я собиралась продолжить пить шампанское, а его сегодня очень много. И алкогольная горка превосходна. От нее еще что-то осталось, нужно успеть выпить все, что можно.

— Великолепно выглядишь, Лола! — как всегда на высокой ноте начинает Вика, оценивая взглядом мое красное платье.

Я вежливо и кротко отвечаю:

— Спасибо, ты тоже. Прекрасный вечер.

— И правда! — улыбается широко, но так будто ее заставляют — не искренне. — Волосы мне твои так нравятся, — девушка пальцами касается моих темных завитков.

Я сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза. Впрочем, и Вика хороша: ее каштановые волосы средней длины перекинута на одну сторону, оголяя левое плечо. Это позволяет зеленое платье без бретелек, в меру короткое.

— Спасибо, — снова благодарю я, оглядывая взглядом толпу.

Кого я здесь пытаюсь высмотреть? Богатые знакомые, лица которых где-то когда-то видела. Все при деньгах. И только мои родители неделю назад собрали вещи и улетели в Рим, чтобы жить в своем шикарном доме, купленном два года назад. Стоит признаться, что четыремя месяцами ранее, когда мой папочка сообщил мне о том, что они с матерью собираются так поступить, я не поверила. А оказалось, вон оно как... Больше нет личного водителя. Я без машины вовсе, без денег. Не могу жить в нашем особняке стоимостью, между прочим, в четыре миллиона евро. Вряд ли здесь кого-то может заинтересовать однушка на Пушкинской. Это все, что у меня осталось. Моя маленькая квартирка, подаренная родителями на двадцать четвертый день рождения.

Быть может, узнай Амина о том, что папа теперь руководит своим бизнесом из Рима, оставив меня здесь одну, не пригласила бы на свою свадьбу? Да ну, бред какой-то. Мы же подруги... Тогда почему мне так страшно признаться даже своим так называемым друзьям в том, что я не богата теперь. Нет у меня больше денег. Последние потратила на свадебный подарок и новое платье от Киры Пластиной. Не идти же мне на торжество в каком-нибудь

старом. Позорище какое. Пришлось выискивать выгодные предложения со скидками. Нашла еле-еле, последнее забрала. Зато платье всем нравится!

Дорогие украшения, автомобили класса люкс, лучшая косметика, самые лучшие наряды — это все люди моего окружения, к которому, по всей видимости, я больше не отношусь, потому что мой папуля решил устроить мне путевку в самостоятельную жизнь. По его мнению, я транжирю деньги налево и направо, не имею чувства меры.

«Хорошо», — думаю, отходя от назойливой Вики и принимая тут же бокал шампанского от миловидной официантки, — может быть, отец прав. Ну да, ну транжира я, но он сам говорил, что в его роду — роду армян — все такие — любят деньги. Всегда надеялся, что я в русскую мать пойду. Но даже от маминой внешности мне мало что перепало: ни зеленых глаз, обрамленных светло-коричневыми ресницами, ни длинных, но редких темно-русых волос, ни курносого носа, о котором всю жизнь мечтала. Ведь вместо него у меня прямой нос с небольшой горбинкой, правда уже «без крючка» — сразу после окончания школы мама оплатила мне пластическую операцию.

Да-да, вот так богатые мамочки балуют своих детишек.

А что ей оставалось, если я ревела стандартно несколько раз в неделю, как только приходила домой? Закрывалась в своей комнате и сама хотела отрезать эту часть носа, что почти соприкасалась с губой. Надо мной издевались и хохотали одноклассники, а я не могла этого больше выносить. Было страшно, что во взрослой жизни все может быть хуже. Но папа был прав — мы, взрослые люди, не замечаем этих мелочей вроде «крючка» над верхней губой, маленьких глаз, кривых ног или значительного количества веснушек на лице. Самое главное — это... нет, не душа... Бабки!

Да и сейчас, почти восемь лет спустя, я понимаю, что нормальный у меня был нос. Господи, юношеский максимализм победить не в силах ничто.

— Лолита? — окликает меня женский голос.

Я, продолжая смаковать креветкой, оборачиваюсь. Моя троюродная тетя Жасмин собственной персоной надвигается ко мне, распахнув свои лицемерные вонючие объятия. Почему вонючие? Потому что хренову папину двоюродную сестру не берет ни один антиперспирант. Очень, к большому сожалению, конечно же. Жасмин стискивает меня меж своих ребер, перемалывая в порошок, между тем, мои. Я давлюсь креветкой. Кашляю, прикрыв рот, а тетя стучит по спине. Боже, она не делает ситуацию легче.

— Привет, моя хорошая, милая, — начинает она с акцентом (столько лет живет в России, а говорить нормально не научилась), — как дела-а-а-а? — растягивает, как будто нарочно последнее слово. — Вай, твой папа уехал, д-а-а? — она кладет ладонь на свою пышную грудь, окончательно отодвигаясь от меня. — И мама, д-а-а? — Я ей снова киваю, а она, как это принято у армян, жует нижнюю губу и качает головой так, словно кто-то умер.

Сдерживаю желание закатить глаза и пытаюсь ввести веселые нотки в наш разговор, раз уж нам пришлось провести пару минут вместе. Со стеклянной стойки беру бокал и передаю его тете. Жасмин тут же забывает про «мое горе» и зажигается светом изнутри. Радостно соглашается выпить со мной, в два глотка почти что опустошает свою шампанку. Фуршет продолжается живо, шумно, играет фоновая приятная музыка, но ее из-за множества голосов и возгласов не слышно.

— Ничего, джана, — тетя вдруг заводится энтузиазмом, — все хорошо будет. На работу тебя мой муж устроит, у него в баре, как раз, не хватает...

Я перебиваю ее сразу:

— Что-то нехорошо мне, — глажу по плечу и медленно удаляюсь в сторону главного зала.

Ага, ее муженек владеет акциями на бирже, у него два крупных ресторана, небольшая строительная компания, а проклятая Жасмин предлагает мне место в алкашном баре на Таганке?! Ну, уж нет. Лучше умру с голоду, чем стану работать официанткой.

Обслуживающий персонал тут весь в черно-белом, спереди длинные фартуки завязаны, такие же черные жилетки с эмблемами отеля. А дополняет образ фиолетовая «бабочка». Смотрится то ли смешно, то ли глупо. Хм... не все ли равно?

Действительно прохожу в туалет через бар и широкую комнату отдыха, чтобы спрятаться ото всех знакомых и родственников. Надеюсь, тетя Жасмин не успеет всем растрепать сегодня новость о переезде моих родителей.

На углу, за которым прячется уборная, с кем-то сталкиваюсь. Отскакиваю в сторону моментально! Приятный молодой человек, который случайно ударил меня подносом, тоже немного напуган. Я вглядываюсь в его голубые глаза, чуть позже понимая, кто это. Обслуга. На нем такой же наряд, как и на других официантах, только вот бабочка малинового цвета. Не могу сдерживать улыбки. Парень растягивает губы вместе со мной. Пустой поднос он опускает вниз, не переставая глазеть на меня. Я замечаю, как он пытается не смотреть вниз, на откровенное платье, декольте...

Прочищаю горло, сжимая клатч в руках.

— Прошу прощения.

— Нет-нет, — быстро говорит официант с потрясающе голубыми глазами и короткой копной темных волос на голове. — Это я. Я виноват.

Наверное, впервые в жизни я смущаюсь. Боже, я смутилась! Прямо ощущаю, как краска заливает лицо.

— Да перестаньте, — тихо отвечаю, заправляя прядь волос за ухо. — Все хорошо.

Он вглядывается в мои глаза так же, как и я в его.

— Все хорошо? — спрашивает, повторяя.

— Все хорошо, — уже смеясь, говорю.

Теперь мы вместе смеемся, и я молюсь, чтобы он снова не задал свой вопрос. Такой милый. Он слишком хорошенький. Слишком. Желая, наконец-то, завершить игру в гляделки, ныряю за угол, захожу в женский туалет и запираюсь в одной из кабинок. Прислоняюсь спиной к двери. Думаю.

О чем думать? О том, какая моя жизнь теперь убогая, а? Ой, ну что же я буду делать без денег в Москве? Как жить, не позволяя себе выпить дорогой кофе в «Шоколаднице» каждое утро. Это моя ежедневная процедура после пробежки. Как я буду жить без любимых маффинов, фитнес-инструктора и похода по магазинам?

И самое важное: останутся ли у меня друзья?

Блюд очень много, столы ломятся, но много кушать ни одной девушке, сидящей за нашим шестым столиком, не позволительно. Я нашла карточку со своим именем за этим столом, как и ожидала. Восемь сумасбродных девчонок — тусовщицы — не то слово. Не хватает только Амины, но она теперь сидит со своим мужем. Президиум, кстати, украшен розовыми пионами. Очень красиво. Внизу стоят зажженные длинные свечи, у нас на столах они тоже есть, — правда, маленькие, однако чертовы официанты их постоянно задувают, боясь, что цветочная композиция в центре стола может загореться. То ли дизайнер подкачал,

то ли менеджер банкета не видит, что делают его подчиненные.

Короче, мы не едим — мы пьем. Мы много пьем! Восемь незамужних подружек, Амина ведь уже вылетела из общего гнезда. Теперь нас стало на одну меньше. Этому очень радуется ведущий — он пляшет около столов со своим микрофоном, и вечно выдвигает на общий суд свои странные умозаключения по поводу молодоженов.

Свадебных конкурсов слишком много, поэтому мне хочется спросить Костю и Амину, где они нашли-то такого придурка, который тычет микрофоном каждому гостю в лицо, предлагая высказать свои поздравления? Некоторые люди просто стеснительны, им не нравится общественное внимание, и они предпочитают поздравить жениха и невесту лично, без ста пятидесяти лишних глаз.

Голос мужчины, вызвавшего нас сегодня развлекать, звучит громко из больших колонок:

— Давайте же поднимем...

— ... наши бокалы, — договаривает Милана, одна из несчастной восьмерки незамужних.

Ну, почти незамужних... Не будем припоминать былые ошибки, я себя таковой и считаю, если что.

Мы ржем, чокаясь. Нина хлещет колу с виски, один бокал за другим, и она уже на той стадии, когда начинает вспоминать глупые анекдоты из «Одноклассников».

— Не стоит, — пресекаю я ее очередную попытку рассказать нам о последнем посте, который она оценила «классом».

Нина понимающе кивает. Пьяная-я-я, просто ужас! Поднимает ладонь в знак того, что все о`кей.

— Рубинян, — обращается она ко мне, вставая с места под песню Тимати, — ты молодец. — Шлет мне воздушный поцелуй, только не удается ей прикоснуться ладонью к губам — в щеку попадает, и успевает размазать розовую помаду.

Она напевает, выходя в комнату бара: «...Как потеряли мы с тобой ключи от рая...». Нина икает снова и снова, другие гости, получив разрешение от ведущего, тоже выходят на веранду, чтобы отдохнуть на свежем воздухе. Кто-то принимается изучать огромную территорию «Моны». Амина улыбается мне, когда я бросаю на нее взгляд. После она проводит большим пальцем по шее, стиснув зубы крепко, вставая из-за стола — мама Кости подошла к Президиуму. По рассказам подруги, его мать очень разговорчива.

Я поднимаюсь и маню пальцем Амину. Та машет руками, что не сможет выйти со мной из зала, но я все равно говорю ей безмолвно: «Пойдем! Ну же, пойдем!». Наверное, родственники со стороны жениха увидят, как я сейчас, завлекаю невесту идти за собой, и возненавидят меня. Хотя, меня ведь все время кто-нибудь да ненавидит. Какая разница, двумя десятками человек больше, двумя десятками — меньше...

На веранде, и правда, очень хорошо. Теплое солнце еще не ушло за горизонт. Оно, кстати, решило выглянуть как раз после праздничной церемонии. А во время нее нас всех чуть ветром не унесло. Сейчас же погода прекрасная — не жарко и не холодно. Хочется смотреть и смотреть на зеленые полянки кругом, засаженные деревьями, — стройными березами, соснами, яблонями, — и залитые последними лучами уходящего солнца. Прекрасно. Воистину замечательно.

— Могу я чем-нибудь помочь? — раздается за спиной знакомый голос.

Такой, знаете, вроде слышал где-то, но еще думаешь, что ошибаешься. Сомнения

разлетаются во все стороны, когда я поворачиваю голову, дабы взглянуть на обратившегося ко мне. Тот самый официант. И, слава Богу, теперь я смотрю на немаловажную деталь — его бейджик, на котором значится имя. Герман.

А мне нравится.

— Нет, все нормально, можешь идти, — бесцеремонно откликается Амина, выходя на веранду из центральной двери. Она тычет пальцем в направлении Германа, указывая тому дорогу назад. Но, простите, вообще-то он обратился ко мне. Значит, мне решать, уходить ему, или нет.

Парень с долю секунды смотрит на меня, а после, опустив взгляд, спешит отойти. Я останавливаю его.

— погоди, я не отпускала тебя.

Амина бросает на меня свой хищный взгляд. Я пожимаю плечами, как бы говоря: «Что?!».

— Бокал красного сухого, будь добр, — произношу ласково и тихо, но он все услышал и отправился выполнять заказ.

Невеста, подобрав юбки, идет ко мне быстрым шагом, хмурясь.

— Это мой день, Лолита, не нужно мне его портить.

Ахаю притворно, но не могу удержаться от смешка.

— Ты сейчас серьезно? Как всегда, все должны под твою дудку плясать?

Амина, собравшаяся уходить, вновь ко мне поворачивается:

— Вообще-то, обычно всегда все танцуют под твою мелодию. Так почему бы в этот раз не послушать песню, которая нравится мне?

Понимаю, что мы обе ведем себя, как истерички и стервы, да еще и подвыпившие, но остановиться не могу. Зная подругу, могу предположить, что она думает то же самое. Просто блин, вот честно, Амина, что бы она ни говорила, как бы ни отпиралась, примеряет все время на себя роль лидера. Да, это ее свадьба, но зачем относиться к официантам, словно они кусок дерьма и не достойны человеческого отношения? Я — именно тот человек, который достает в ресторанах всех, но потом оставляет щедрые чаевые. Амина же — просто любит за*бывать. Без чаевых. Вообще.

— Ты решила, во что будут одеты твои подруги и друзья Кости, и даже он сам. Ты решила за своего мужа, что он будет пить. И ты только что отшила официанта, который заговорил со мной.

Словно не доверяя всему, что происходит, девушка усмехается, приоткрыв рот, и разводит руки. Гости уже с интересом на нас поглядывают.

— Мы же не собираемся сейчас ссориться из-за какого-то официанта?

Я свожу брови вместе, злая от того, что она не понимает ни черта!

— Дело не в официанте. На своей свадьбе ты — диктатор, на всех мероприятиях ты — диктатор, даже когда мы просто выходим погулять все вместе, ты — диктатор. Я просто... выпила! — Поднимаю глаза на нее. — Да, я просто позволила себе напиток, и сейчас... понимаешь, наконец-то могу высказаться! Господи, — смеюсь, и смех выходит каким-то нетрезвым и нелепым, — наконец-то! — Веду пятерней по спутанным волосам (совсем недавно это была красиво-уложенная прическа), не переставая улыбаться. — Я пьяная, ага. Ну, и что? — Оборачиваюсь к толпе богатых зевак. — Что смотрите все? — кричу, а первоклассные жирные леди в приталенных платьях, что их уродуют, охают. — А вы, что, не пили? — Хихикаю, словно дурочка. — Боже, я несу сущий бред, — берусь за голову, и вдруг

за локоть меня кто-то цепляет, ведя к выходу из веранды.

Эй, я никуда не собираюсь! Начинаю вырываться только после восьми сделанных вместе шагов (я считала). Когда мы сворачиваем, я вскидываю голову на своего спутника.

Это Герман.

— Похоже, тебе нужно проветриться, — с обаятельной улыбкой советует он.

Не соображаю, что делаю. Тянусь и целую того в уголок губ. Нежно, почти безмятежно. Когда отдаляюсь, официант хватает меня за запястье, не разрешая сделать шаг назад.

— Понравилось, — шепчет он.

Решая поцеловать меня, он наклоняется ближе. Но я вырываюсь, невзирая на его высокий рост и крепкие плечи, и бегу по дорожке вперед. Решит ли догнать меня этот парнишка?

ГЛАВА 2.

У сексуальности голубые глаза

Лолита

Все так быстро произошло, я даже не успела понять, к чему все ведет, когда губы парня с еле заметными ямочками на щеках практически коснулись моих. У меня в горле пересохло. Но это, наверное, из-за того, что организм требует того дорогого вина, что нам наливали. Жаль только, что не Герман обслуживает стол, за которым я сижу с девочками. Я бы им любовалась.

Так много проблем навалилось, а я думаю о каком-то брюнете в ужасной униформе, вместо того, чтобы представить свое реально положение вещей в данный момент. Вероятно, когда человек сталкивается с тем, что ему не знакомо, он пытается переключиться на нечто другое? Прекрасно. Мне не знакома неизвестность и нищета, и я пытаюсь переключиться на официанта. Не таким я себе представляла этот вечер.

— Остановись, — слышу за спиной его голос.

Это заставляет меня перестать идти. Воспоминания накатывают величественной волной. Я словно захлебываюсь в этой воде.

Помню, как кричал мне это Эмин.

А я шла, не слушая его.

Но он кричал. Сильно.

А потом помню, как отец в него выстрелил...

Поворачиваю голову, но не поворачиваюсь сама. Герман быстро шагает ко мне, а я краем глаза могу наблюдать за охранниками в достойных костюмах; они бдят за гостями у своего поста — это небольшая будка со стеклянной дверью.

Герман становится передо мной, прежде оглядываясь на охранников. Он сощуривается, защищая глаза от заходящего солнца.

— Ты кое-что обронила, — говорит, переводя дыхание, и только сейчас ощутив реальность, понимаю, что парень за мной бежал.

Капельки пота выступили на его лбу. Он протирает его ладонью, а я опускаю взгляд на другую, в которой он мне протянул мою маленькую заколку, украшенную красными изумрудами и бриллиантами — подарок мамы на прошлый Новый год. Сколько человек на его месте забрали бы эту драгоценность себе?

У меня округляются глаза, когда я забираю заколку, каким-то образом выпавшую у меня из клатча, и прячу ее обратно. Хотя, может Герман просто не знает о высокой ценности этой вещи.

Это же David Morris.

— Мне пора, — не отводя ни на мгновение взгляда, говорит парень. — Уже темнеет, — смотрит на небо, взмахивая длинными темными ресницами. — Скоро будут выносить торт.

О, у Амины просто первоклассный торт. Большой, красного цвета, в форме сердца. Они с Костей и с Костиной мамой заказывали сладость в Химках.

— А можешь остаться? — как ни странно, ни на что не рассчитывая, спрашиваю я.

Он уже собирался идти, но теперь с двойным любопытством глядит на меня.

— Нет, не могу, — может быть, мне показалось, но произнес это Герман с разочарованием.

Или я хочу, чтобы так было? Ведь я же не думала, что следует он за мной только для того, чтобы вернуть потерянное.

— Гости ждать не будут, — усмехается, поведя стройными плечами.

Обходит меня, его удаляющиеся шаги не дают покоя. Я резко разворачиваюсь посмотреть, как его длинные ноги ступают по каменной кладке. Руки все еще ощущают прикосновения его пальцев, когда он отдавал мне заколку.

— Герман? — внезапно даже для самой себя окликаю его.

А он не оборачивается. Не идет дальше, но и на меня не смотрит. В точности, как я, несколькими минутами ранее.

— Покуришь со мной? Всего пять минут.

Хотите — верьте, хотите — нет, но я его улыбку могу прочувствовать. Как самодовольно растягиваются пухлые розовые губы, как в голубых глазах вспыхивают искорки азарта. Все мужики — мудаки, некоторые просто выглядят, как ангелы. И последние, кстати, — мудаچه конкретное.

Если надеется на еще один недопоцелуй, то уж хрен ему. У Германа крылья выросли. Он в мою сторону летит, у него губы подрагивают — от предвкушения, наверное.

— Просто покурим, — напоминаю я.

— Да я понял, — отзывается мелодичным голосом официант, — не дурак.

Не дурак — однозначно.

— Жаль только, что ты куришь, — говорит, когда ведет меня по тропинке.

— Почему это? — со смешком отвечаю. — Что плохого в курящих девушках?

Мы пришли к небольшой старой лавочке со стёртой краской, на которой тут же Гера (нравится мне это уменьшительно-ласкательное) развалился. Достает пачку сигарет, я следом вытаскиваю из блестящей сумочки свои «Davidoff».

— В курящих девушках ничего плохого нет, — философствует, выдыхая дым. — Красивые, — акцентом украшает это слово, — курящие девушки — это нехорошо. Это проблема.

— Тебе столько лет-то? — смеюсь, стряхивая пепел кончиком пальца.

— Двадцать, — с гордостью улыбается.

Боже. На пять лет я старше этого мальчика. В какой момент мне перестало быть восемнадцать? Только вчера ведь школу заканчивала. Время летит так стремительно, что подохнуть хочется от этой скорости. От скорости все погибают.

— А тебе сколько? — осторожно неуверенно спрашивает Гера.

Я думаю, правду ли сказать. Может, отшутиться?

— В матери тебе гожусь, — говорю, и начинаем вместе смеяться.

Дальше так и курим: смеемся, затягиваемся, переглядываемся, снова смеемся.

— Лолита меня зовут, — представляюсь через минуту.

Гера задумчиво кивает.

— Хорошее имя, — держит между пальцами сигарету, которая почти уже до конца выкурена. — Красивое.

Мой новый знакомый наклоняется и тушит ее об железную урну, бросает в нее окурок, а потом закуривает новую. От моей осталась половина, и я выдыхаю в теплую летнюю ночь дым. Много дыма. Мне хорошо сидеть здесь — на лавке, где, как мне стало ясно, отдыхает персонал отеля. Я не хочу возвращаться к гостям, которые говорят ни о чем — деньгах, деньгах, деньгах... Ни о чем.

— Вообще-то, мне нельзя находиться здесь с тобой, — слабо отзывается высокий молодой парень, глядя на меня сверху вниз. — Точнее, гости обычно курят в другом месте. Мне даже нельзя было хватать тебя за руку и отводить в сторону, но невеста готова была на тебя наброситься, и я испугался. Чувствую, выговор я получу конкретный.

Шампанское уже ударило мне в голову. Поздно меня уговаривать вести себя правильно.

— И ты говоришь мне это только сейчас? — усмехаюсь, поправляя складки на коротком красном платье. — Сколько мы уже разговариваем? Десять минут? Пятнадцать? — Киваю головой. — Тебя, наверное, оштрафуют. За то, что так повел себя со мной. Но мне понравилось.

Он оглядывает всю меня робким взглядом. Герман слишком хороший, не мой тип мужчин.

— Оно того стоит, — наконец, отзывается, затягиваясь вновь.

В униформе официанта он не выглядит блеклым, как его коллеги. Напротив, — выделяется. Красивый. Очень красивый.

— Сегодня моя подруга выходит замуж, — выбрасываю бычок и поднимаю глаза вверх. — Так много гостей, угощений, музыкантов, а мне почему-то хочется быть тут.

Гера поднимается на ноги, вскидывает глаза к ночному небу, полному ярких звезд. Выкидывает через пару мгновений бычок.

— Ты должна быть со своей подругой сейчас, разве нет?

— Ты хочешь, чтобы я ушла?

— Я этого не говорил, — он переводит взгляд голубых глаз на меня.

Пьяным голосом я заявляю:

— Богатые люди избалованные и испорченные, ты так считаешь?

Улыбнувшись, Герман глядит на свои длинные изящные пальцы, сплетенные вместе.

— Я так не считаю, — через полминуты отвечает он, качнув головой. — Но ты, и правда, избалована и, как мне показалось, слишком любишь себя.

Я откидываюсь на старую облезлую лавочку и складываю руки на груди. Уверена, выгляжу я смешно, однако приятнее считать, что у меня важный вид.

— А что плохого в том, чтобы любить себя?

— Ничего. Если ты не задеваешь этим других.

Фыркнув, я подсаживаюсь ближе к нему, к краю лавки. Мое колено касается его ноги. Он возвышается надо мной, внимательно оглядывает.

— И чем же тебя задела моя чрезмерная любовь к самой себе?

Он изгибает бровь. Губы сами расплываются в улыбке. Мы находимся слишком близко друг к другу. Даже в темноте я могу вновь перечитать имя на его бейдже.

Герман. Герман. Герман.

— Знаешь, мне действительно нужно возвращаться к работе, — и когда парень выдвигает колено вперед, я хватаю его за руку, чтобы задержать.

Он ведет плечами.

— Что?

— Принеси мне виски.

Усмехнувшись, Герман вырывает свою ладонь и направляется вперед по заасфальтированной дорожке.

— Почему ты уходишь?

Он оборачивается всего на секунду, чтобы развести руки в стороны и сказать:

— Потому что это моя работа, Лолита. И я за нее получаю деньги.

Парень оборачивается обратно, но мне удается его остановить своим ответом.

— Перестань бояться. Это всего лишь работа! — говорить я, наверное, должна тише, но из-за алкоголя в крови не получается. — Ну, уволят тебя... ну и что?

Герман возвратился обратно. Он упер ладони в бедра, глядя на меня с прищуром.

— Ты не знакома с финансовыми проблемами, а твоя жизнь расписана на годы вперед, — Гера приглаживает свои волосы на голове. — Тебе легко говорить.

Тяжело вздохнув, изображаю печаль. Я так долго смотрю на него, что, кажется, скоро он в конец смутится.

— Вовсе нет, — отзываюсь тихо. — Ты ничего обо мне не знаешь. Я бы за это выпила, но, — пожимаю плечами раздосадовано, — ты так и не принес мне ничего.

Поджав губы, Герман медленно высвобождает нижнюю и прикусывает ее, словно о чем-то задумавшись. Он говорит быстро и четко:

— И ты тоже ничего не знаешь обо мне.

Однако через минуту, наполненную молчанием, звуками громкой музыки и шелестом листьев, его слова в моей голове звучат грустно. Так, будто счастливая улыбка на его прекрасном лице — просто маска. Так, будто ему однозначно есть, что скрывать.

— Так давай выпьем за это, — беру себя в руки. Смех выходит не очень живым. — Неси виски.

Даже хорошие музыканты не смогли спасти этот вечер. Амина в состоянии алкогольного опьянения обвила шею лучшего друга Кости, Игоря. Мне со своего места было видно, как они смачно целовались на веранде. Ведущий, заметив это, старался, конечно, смягчить ситуацию. Шутил, что Амина немного спутала Игоря с Костей, но смех это не вызвало ни у кого из присутствующих. Я наблюдала за Германом — он стоял в другом конце зала и ни разу на меня не взглянул. Бутылку виски от него я так и не получила. Больше напоминать не стала. Наверное, он принял меня за глупую дурочку, готовую отдаться любому, как только выпьет лишнего.

Но пью я только самый лучший алкоголь — дорогой.

— Это просто пи*дец, — комментирует ситуацию Нина, когда мы курим на веранде, сидя на белых диванах.

Я согласно киваю, усмехаясь. Блин, это, правда, просто ужас. В зале продолжают разбирательства. Я этого даже слышать не хочу, знать не хочу, что у нас там. Завтра утром Амина обзвонит всех подружек, чтобы пожаловаться, какая она несчастная. Сама свое счастье просрала, а потом окажется, что виноват кто-то из нас. Или Костя. Или мама Кости. Или двоюродная тетя из Петербурга. Да кто угодно, только не Амина.

Вика со своим мужем под руку дефилирует мимо нас, поглядывая в стекла дверей зала.

Всем интересно, чем все это кончится. С улицы по лестнице на веранду взбегает Кристина (она тоже в восьмерке). У нее смешная фамилия, о которой она никому почти не говорит, кудрявые рыжие волосы, большие каре-зеленые глаза и... если честно, очень длинный нос, который все портит. Ведь девка-то красивая.

— Лола? — произносит она громко и бьет меня по плечу. Я гляжу на нее, осознавая, что сегодня подруга изрядно напилась. — Вот скажи, — ставит бокал белого сухого на круглый столик рядом с ней, — я — хороший друг?

Мы с Ниной замерли, я чувствовала спиной, как девушка не успела донести бокал с вином к губам. Чем может обернуться наш ответ? Зная Кристину, она может закатить скандал, если ответ будет «неверным».

— Эээ, — мнется Нина, — в прошлый раз, когда ты задала подобный вопрос, оказалось, что ты спала с Костей...

Спорим, сейчас Амина в туалете орет на мужа, припоминая ему этот факт, который она, ну сто процентов, не забыла. Наверное, кричит, что она же его простила за секс с подругой, и подругу простила за обстоятельство двухлетней давности. А правда же: простила, вроде. И Костя бы, может быть, и не устраивал бы сцен, если бы не было свидетелей злосчастного поцелуя. Но все видели: друзья, родственники, коллеги по работе. Родители, в конце концов. Все. И завтра, или, скорее всего, уже сегодня новость облетит половину Москвы.

— Я целовала бармена! — признается Кристина на эмоциях, и тут же ладонями себе закрывает рот. Отводит их только, чтобы досказать: — А он женат. Сам сказал.

Нина ржет, и ясно почему: по пьяне трахалась с чужим парнем, а тут с ума сходит ее совесть, когда просто поцеловала чужого мужа.

— Вы ж целовались просто, — все еще смеясь, говорит Нина, приглаживая пушистые светлые волосы. — Да ты и не знала же, что у него жена есть.

Кристина принимается интенсивно качать головой из стороны в сторону.

— Что? — хором интересуемся мы с Ниной.

— Лизазова! — давит на Кристю подруга. — Кончай в молчанку играть! Не до этого сейчас!

Допиваю свой двойной виски до дна и поднимаюсь с дивана. Не хочется мне знать, что там дальше будет сказано. У меня своих проблем куча, и их решать нужно. Пора бы позвонить маме, может, сжалится надо мной и скинет деньги на карту. Я себе новую завела, не заблокированную, но смысла в ней пока нет, потому что и средств на ней нет.

Чтобы укоротить путь, я прохожу через газон к посту охраны. Они не задают никаких вопросов мне, но заваливают ими своих сотрудников, что уже переоделись, но запах кухни и пота выдает их. В самой будке вижу охранника, проверяющего сумку одной из работниц. Шлагбаум перекрывает почти весь выход; через оставшееся свободное место вместе со мной выходят еще человек десять, а так же та девушка, что вывалила содержимое сумки на стол секьюрити. Она бросает на меня взгляд, прежде чем скрыться за дверью машины. Когда девчонка ее захлопывает, я прикрываю глаза и касаюсь двумя пальцами лба. Забыла такси вызвать. Черт. Пошатываюсь от огромного количества выпитого. Мне плохо. Действительно плохо.

— Все нормально? — Это должно быть голос какого-нибудь крутого певца — но не голос официанта, нет. — Мм?

Я не отвечаю, сраженная его внезапным появлением, и поэтому он сам встает передо мной, чтобы заглянуть мне в глаза.

— Все хорошо? — вновь спрашивает Герман.

Я сглатываю и хмурю брови. Теперь он в гражданской одежде, а не в этой ужасной униформе. На нем серая футболка с черным принтом и светлые джинсы. По коротким волосам так и хочется провести ладонью.

— Почему ты не вернулся? — с трудом скрещиваю руки на груди, зажав под мышкой яркий клатч.

Немного безразлично Герман пожимает плечами.

— Ты злишься, потому что не вернулся я, или потому что я не вернулся с алкоголем?

На миг мои глаза расширяются, хлопаю ресницами, словно идиотка, пытаюсь найти с ответом, пытаюсь понять вопрос. До меня доходит не все; не тогда, когда я влила в себя три с половиной бутылки вина, один двойной виски и полбутылки водки.

Мои щеки, уверена, красные. Я выгляжу плохо. Не в том смысле «плохо», вроде так хреново, что ни один нормальный парень не подойдет. А в том смысле, вроде «ну ты же можешь быть красивее». И без запаха изо рта. Фуу.

— Я вызываю такси, — вынимаю смартфон, совершенно не представляя, какой номер набирать. Поднимаю вновь взгляд на Германа: — Сколько стоит из Лобни в Москву ехать?

Гера, растерянный, мекает и бекает, не зная, видимо, что мне ответить. Он чешет затылок, морща нос.

— Если честно, я не в курсе, я же здесь пока живу.

Пока? А, вообще, он откуда? Из Саратова?

— Ты можешь пройти к ресепшену, и там тебе помогут вызвать такси, — говорит парень, поджимая губы. Нерешительно он подходит ближе и прячет ладони в передних карманах джинсов. — А... почему... тебя интересует сумма? Я думал...

Как бесит, когда лезут не в свое дело! Рычу на него, сжимая смартфон в ладони от злости!

— Не твое дело, понял? — Охрана отеля обращает на нас внимание; один громила что-то говорит другому, склоняясь к его уху. В этот раз я шиплю, желая говорить тише: — Родители меня без средств оставили, ясно? — Тычу в него пальцем, и парень вскидывает руки вверх, заливаясь смехом.

— Ладно, ладно, все хорошо, честно... Эмм... прости?

Вновь скрещиваю руки и кошусь на Германа, полуобернувшись от него.

— Слушай, если у тебя нет денег на водителя, может... — затыкается, когда я сверлю его взглядом, но решается через секунду продолжить: — ... может, останешься у меня? Я снимаю квартиру, все прилично, чисто, — говорит торопливо, будто опаздывает. — А завтра утром уедешь домой на метро.

Ох, это слово. Метро. Мне как будто больно сделали. Пыталась хоть сегодня забыть о том, что вскоре нужно искать работу, а так как у меня нет своего авто, придется ездить на метро. На метро! Ааарр!

— Что? — непонимающе качает головой Гера.

— Что? — отвечаю в той же манере, разведя слегка руки в стороны.

— Ты так посмотрела, я подумал, ты хочешь меня убить.

Не договариваясь, ничего не обговаривая, мы вместе начинаем идти по каменистой земле. Я то и дело спотыкаюсь на своих каблуках.

— Отчасти это правда.

ГЛАВА 3.

Счастье — быть благодарной

Лолита

По утрам голова ужасно болит, когда выпьешь много плохого алкоголя. Болит так, что вот-вот будто расколется, черт возьми! У меня такого давно не было, я всегда слежу за качеством спиртного, которое употребляю. Это значит, что, несмотря на высокое положение в обществе родителей Амины и Кости, алкашка у них паленая была. По-другому я сказать просто не могу. Когда отрываю голову от подушки, мало того, что все перед глазами двоится, так еще и тошнит. О, Господи. Меня тошнит. Только не это. Не сейчас. И вообще... где это я?

Первое, на чем концентрирую взгляд — это вентилятор. Как я это слово-то вспомнить смогла? И дело не в моем плачевном состоянии, а в том, что я эту штуку в последний раз в дешевом российском сериале видела. Как выключить этот ужас? Внизу на длинной белой палке синие кнопочки. Нажимаю на одну из них — и это недоразумение вертится из стороны в сторону. Нажимаю на первую — ...фух, выключился! А теперь бы понять...

Аааа! Аааа! Я ведь дома у того самого официанта, который вчера обслуживал нашу свадьбу... Докатилась! Не помню, зачем я пришла сюда. Для того чтобы убедить себя, что между нами ничего не было, проверяю свое тело на наличие нижнего белья. Хотя это и не дает полной гарантии, но я радуюсь, что одета в платье. Так и заснула, значит. Оборачиваюсь назад. Позади — спинка старого дивана, ничем не приметного, кроме нескольких дырок в нем от зубов. Возможно, здесь живут кошки. Комната небольшая. Слава Богу, ковров на стенах нет. Длинный узкий стеллаж напротив забит книгами, но названия прочитать не удастся — буквы, то большие, то маленькие; то вверху, то внизу. На стене справа — окно, занавешенное серыми шторами, из-за этого в комнате по большей части темно, однако светящийся телевизор позволяет все вокруг рассмотреть. Изображение есть, а звука нет.

Я же у Геры, верно? А где он тогда? Дверь ведет, не знаю куда, но мне ужасно это интересно. Тем более что до меня начали доноситься звуки кухни: посуда гремит, закипает чайник, кто-то матерится, обжегшись...

Благодаря знакомому голосу я уже не чувствую себя такой растерянной. Поднимаюсь с дивана, сбрасывая теплый синий плед (очень мягкий, кстати говоря), и делаю пару шагов вперед. Падать — не падаю, но голова не на шутку кружится. Пальцами обеих рук хватаюсь за виски. Боже, что-то мне совсем нехорошо.

— Доброе утро, — позитивно здоровается парень.

По голосу слышу, что это «он», но из-за того, что мне х*рово, не сразу опять же понимаю, что это Герман. Официант. Который вчера поцеловал меня... ну, почти в щечку. Пускай так будет. Меньше совести мучиться.

Опускаю руки вниз, концентрируя взгляд на его серой футболке, обнажающей руки. Они довольно накачены. Неожиданно. Через футболку проглядывает пресс. Мышцы — это визитная карточка двадцать первого века. Прочищаю горло, кивнув. Решаю проскользнуть скорее в ванную мимо него, но несколько резких движений вновь вызывают кошмарную боль.

— Оой! — хватаюсь теперь за затылок ладонью.

Герман, будучи обеспокоенным, сгибает колени и наклоняется, вглядываясь в мое лицо, которое мне бы хотелось спрятать за длинными волосами.

— Что случилось, Лола? Тебе плохо?

— Перепила, — хрипло отвечаю, поджав губы. — У тебя не будет пару таблеточек аспирина?

Гера начинает бегать по квартире, открывает то один, то другой ящик. Я только и успеваю следить за его перемещениями. Наконец, найдя то, что искал, он, улыбаясь, приближается ко мне со стаканом воды.

Хочется спросить, а профильтрована ли, но я сама-то прекрасно знаю, что нет. Другого-то выхода у меня нет — придется пить. Гера забирает у меня стакан из рук, кладет его на столик рядом с собой и помогает мне неторопливо опуститься в кресло.

— Тебе лучше? — присев на корточки, смотрит на меня сверху вниз.

Улыбаюсь слабо, но уверенно:

— Лучше. Правда.

Вид у меня в любом случае не самый здоровый. Не знаю, когда в последний раз я оставалась спать пьяной в хлам в платье, которое было надето накануне. И уж точно ни разу мне не приходилось просыпаться где-то в Подмоскowie у человека, что прошлым вечером накладывал моим приятелям еду.

— Я буквально вижу, как у тебя винтики в голове крутятся, — посмеиваясь, комментирует Герман, крутя пальцем в воздухе.

Я обращаю внимание на его пальцы: они у парня длинные, ногти аккуратно подстрижены, маникюра, конечно, нет, но это не делает его руки менее красивыми. Вены на тыльной стороне ладони особенно заметны. Глаза поднимаются чуть выше — туда, где эти синие линии на руках, словно специально выделены. Природа постаралась.

— Лолита? — окликает Гера, проследив за моим взглядом.

Он опускает голову так, чтобы видеть меня, так как я нагнула ее, задумавшись о своем.

— Мм? — выхожу, наконец, из ступора. — Что такое?

— Может, пойдём все же есть? Я ужасно голоден.

После завтрака мой приятель, который оказался весьма добродушным человеком, моет посуду, убирает всю свою крошечную квартиру. Точнее квартиру, которую он снимает. А я лежу на диване, щелкая каналы с помощью пульта. Не то чтобы меня устраивает такое все это, просто уже почти полдень, а это значит, что жара обняла крепкими объятиями всю Москву. Искать работу в такой день совсем не хочется. Я лежу в этом красном платье, которое я уже ненавижу и готова выбросить в окно, но, к сожалению, надеть мне больше нечего.

— А откуда ты приехал? Ты же не москвич, да? — от скуки начинаю допрашивать Германа.

Он пока пыль с полок вытирает.

— Нет, я из Архангельска. Знаешь про такой город?

— Знаю, что это не Москва, — говорю я, а он прыскает со смеху.

— Я заметил одну очень интересную деталь, — сказав это, Гера оборачивается ко мне с желтой тряпкой в руке, — вы, москвичи, не интересуетесь ничем, кроме самих себя, и местом, где обосновались.

Я фыркаю, глядя на экран телевизора: Том Круз, попав в перестрелку, тащит за собой Кэмерон Диаз. Понятия не имею, что это за фильм, да и Том мне никогда не нравился.

— Просто мы не любим тратить жизнь на глупости.

— Конечно, — саркастично отвечает Герман. — Вы тратите ее на деньги, деньги и еще раз деньги.

— Мы их зарабатываем, — парирую, начиная злиться, но все смотрю на экран.

— Да-а, — смеется парень, растягивая слова, — особенно, ты.

Терпение лопнуло, и я, нажав на кнопку выключения, бросаю пульт на диван рядом с собой.

— Ты что себе позволяешь, а? Думаешь, если я тебе, будучи пьяной, рассказала, что ни разу в жизни не работала, теперь можешь троллить меня?

Бросив тряпку, Герман скрещивает руки на груди.

— Троллить? А ничего из богатой русской речи не нашлось в твоём лексиконе?

Вскидываю руку и указываю нагледцу на дверь:

— Вон отсюда!

Не сразу понимаю, почему Герман заходится смехом, но он берет вновь тряпку в руки и продолжает незаконченное дело. Смеется все время, пока я сижу напротив него, готовая врезать ему.

— Я здесь живу, Лола.

Точно! Идиот чертов. Какой-то официантешка будет со мной так разговаривать... Да я таких со стольких ресторанов увольняла в свое время! Да я же... я же... Черт! Где мои туфли? Обуваюсь так быстро, будто по мою душу бежит гигантская охотничья собака. Герман вылезает за мной в коридор. Молча, он смотрит на то, как я впопыхах собираюсь. Специально, чтобы он видел, проверяю все ли на месте в моем клатче. Хочу, чтобы это оскорбило его.

— Мой папа, конечно, не бизнесмен, но до воровства я никогда не скатывался, — абсолютно спокойно отзывается тот.

Я опускаю руки, полуобернувшись к нему. Уже обутая, вещи свои собрала, а выйти не могу. Все стою и смотрю на него, потому что стыдно. Ужасно стыдно. Он на меня не закричал, скандал не устроил, но на место быстро поставил. Наверное, лицо у меня красное от гнева, однако и от этого быстро отхожу. Через минуты две-три открываю дверь и покидаю квартиру Германа.

Ожидая лифт, думаю, куда же мне податься. Делать я ничего не умею, в кошельке всего триста рублей. Не знаю, хватит ли этого на проезд? Мне же до Пушкинской добраться нужно? Как не хочется ехать в метро, нюхать, как воняют другие потные люди, смотреть в их ничего не понимающие лица...

Да ты как будто сама много понимаешь...

А может...? Что же я сразу об этом не подумала?! Счастливая, выбегаю из подъезда, набирая Артема, личного водителя, которому отец когда-то доверил мой маршрут.

— Тема, привет! — радостно восклицаю в трубку, пока шагаю по неровному асфальту, выходя на тротуар. — Слушай, заведи меня из Лобни, а? Очень прошу!

А сама думаю, как платить ему буду. Отец-то с ним рассчитался, когда увольнял неделю назад.

— Извините, Лолита Микаэловна, но папа ваш строго-настрого запретил вас куда-либо отвозить, — доносится до меня его строгий голос, а потом откашливается и, извинившись вновь, здоровается.

В отчаянии предлагаю ему то, что дать не смогу — деньги.

— Слушай, Тем, я тебе заплачу. У меня есть! — Ложь, ложь, ложь!

— Извините, не могу, Лолита Мик...

Прекрати же ты меня так называть, придурок...

— Но папа же уволил тебя, — перехожу на рычание. — Какая разница, что он тебе сказал, прежде чем свалить в свой гребанный Рим?!

Молчание, а после — монотонный тембр, какой у Темы был всегда:

— Не уволил. Другую работу дал. На Елизавету Артуровну я теперь работаю.

На сестру мою двоюродную, что ли?! Вот же блин... Да не мог так родной отец со мной поступить. Не мог же ведь. Обидно до слез. Моего водителя этой мымре долговязой отдал.

Бросаю трубку, ни ответив, ни попрощавшись. Черт, как же меня все достало, хотя ничего и не начиналось даже. Нужно было остаться вчера до конца, и кто-нибудь из своих бы подвез. Хотя кого я называю «своими»? Людей, которые бросят, когда нужна помощь? Но потом мне в голову приходит идея: если Тема теперь с Лизой, то она может за мной приехать... Правда, мы с ней не очень ладим, однако я точно знаю, что ей предки не разрешили вчера отдыхать на свадьбе Амины и Кости (и вовсе не зря!), так что этим вполне можно воспользоваться.

Продолжаю идти, понимая, что каким-то образом оказалась на автобусной остановке. Лиза поднимает трубку после четвертого гудка. Не даю ей ничего сказать.

— Сестренка, ты представить себе даже не можешь, что вчера было на свадьбе наших голубков! — объявляю громко, с выражением, чтобы посильнее ее заинтересовать.

Парочка человек, стоящих рядом, поглядывают на меня с возмущением. Да пошли вы...

— Привет-привет, — певучим голосом говорит крашенная длинноносая девушка. — А ты, знаешь, мне уже все рассказали...

Могу поспорить, что сейчас она пьет свой дорогуший кофе, катаясь по улицам Москвы. Как же заставить ее приехать сюда? Идти на крайние меры — вранье? Ну, мне конечно, не в первой...

— А тебе рассказывали, как Амина с девчонкой целовалась? — когда эта фраза вылетела из моего рта, я уже пожалела — успокаивает только то, что Лиза Амину до смерти боится: они однажды подрались так, что первой зуб выбило.

Но это и хорошо в данном случае: Лиза, несмотря на то, что они с подругой моей помирились, ненавидит Костину жену до беспамятства. Вот поэтому ее следующая реакция меня даже не удивляет:

— Фотки есть?!

— Фоток нет, но могу тебе все в красках рассказать, если встретимся.

С энтузиазмом Лиза восклицает:

— Так давай встретимся!

— Ты знаешь, — копирую ее манеру речи, — а я сейчас в Лобне, поэтому...

Меня перебивают на полуслове:

— Мы с Темой через полчаса будем. Ты на Поляне, в том районе, где «Мона» находится?

Ага, на Поляне. И очень довольна!

Мы доезжаем до ресторана «Варшава», и Артем открывает для меня дверь; на его непроницаемом лице мне ничего не вычитать. Лиза уже ждет у входа, поправляя свою полупрозрачную лиловую блузку.

— Только я тебе ничего не рассказывала о том, что застучала Амину... ну, ты поняла, — шепчу я, когда мы проходим вовнутрь.

Лиза оказалась добродушнее, чем я предполагала, заехала ко мне домой, чтобы я смогла

переодеться.

— Конечно-конечно, — шепчет сестренка в ответ, прикрывая рот маленькой красной сумочкой. — Никому не расскажу. Прости, Амина, конечно, твоя подруга, но вот не могу не позлорадствовать.

Я перевожу на нее взгляд, когда мы оказываемся в просторном зале. Администратор — миловидная женщина средних лет в бежевом платье с глубоким декольте. Большая грудь выглядит упругой — это однозначно силикон.

Улыбаюсь Лизе, размышляя о своей лицемерности. О своей, так называемой, дружбе. А, может, этот город проклято? Может, мы здесь все такие?

За столиком в самом центре нам подают меню. Мне нравится это место: здесь всегда царит приятная атмосфера и играет ненавязчивая тихая музыка. Обслуживание, кстати, на уровне.

— Я позавчера здесь ела суп из мидий, — оценивающим тоном изрекает Лиза. — Очень даже неплохо.

Я таким похвастаться не могу. Увы.

— Давай его и закажем, — улыбаясь натянуто, закрывая меню.

Лиза кивает, подперев рукой подбородок.

— Да, легкий перекус, — она вскидывает свободную ладонь, подзывая официанта.

Композиции здесь звучат хорошие, обволакивающие, а гости говорят совсем негромко, что можно услышать надвигающиеся шаги. Определенно — мужские.

— Добрый день, — первой здоровается сестра, перебирая пальцами кудрявые волосы. — Нам, пожалуйста...

Дальше я ничего не слышу, поскольку сама поднимаю голову, чтобы взглянуть на человека, обслуживающего нас. А он, похоже, ничего не записывает, потому что тоже, распахнув широко глаза, таращится на меня.

Это Герман.

ГЛАВА 4.

Ночь прошла — последствия остались

Лолита

Наверное, связаться с Лизой было плохой идеей, поскольку она вполне может стать свидетельницей моего позора. А завтра об этом будут знать все наши знакомые, все значимые люди богатого общества, вокруг которых заострена моя жизнь. К счастью, или к сожалению, но для меня нет ничего важнее, чем мнение тех, кто имеет влияние здесь, в никогда не спящем городе.

— Что ты здесь делаешь? — процеживаю сквозь зубы достаточно тихо — меня определенно не слышно за соседним столом, но двоюродная сестра, могу поспорить, улавливает каждое мое слово.

Запоминает жестикуляцию, мимику, минуту моей слабости, волнения. Потом она использует это как оружие против меня самой. И даже подозревая о будущих проблемах, я не могу остановиться, не могу молчать. Почему эта жалкая прислуга здесь? Он следил за мной? Разве это возможно? Но буквально пару часов назад мы оба были в его квартире, а сейчас — в одном ресторане, но лишь один в качестве гостя. Снова.

Герман явно напрягся. Он растерялся. Переводит взгляд с меня на сестру. Та вслушивается, наверное, даже в мое взволнованное дыхание.

— Ты за мной, следишь, что ли?

Парень стоит, как вкопанный, однако молчит. Ни слова не сказал.

— Отвечай! Следишь?

Теперь уже и другие гости «Варшавы» поворачивают в мою сторону свои любопытные головы.

— Потихе, потихе... — говорит, наклоняясь, Лиза. — Ты что творишь? Хочешь к себе внимание привлечь?

Герман так ничего и не ответил. Я ему готова череп проломить. Сама понимаю, что основная вина на мне, что нужно быть сдержанней, умней, но не хочется... Всю ответственность за произошедшее сваливаю на официанта. У того глаза огромные — а ведь какие роскошные у него глаза...

— Нет, — наконец, медленно выговаривает парень. — Конечно, не следил. После того... как мы расстались, я не знал, куда ты пошла, ты ведь не оставила номер телефона, или...

Замолчи! Замолчи! Замолчи! У меня внутри кричит даже печень, что Герману стоит заткнуться сейчас же. Лиза ахает, она театрально прижимает ладони ко рту, счастливых искорок в ее взгляде не скрыть. Можно понять, о чем думает эта рыжая идиотка.

— ЭТО твой новый друг? — говорит сестра, указывая большим пальцем на официанта, стоящего перед нами.

Герман смотрит на палец Лизы так, словно хочет его сломать. Но сдерживается, что хорошо для него. Лиза произнесла первое слово в своем предложении («ЭТО») так, будто Гера прокаженный, а не просто человек из отнюдь не высшего света.

— Нет, мы не друзья, — встречается Герман, — просто Лола провела ночь в моей квартире в Лобне.

Мне кажется, сестра упадет со стула. Она не просто шокирована, она, возможно, завопит от радости поделиться сенсационными сплетнями с подружками за чашкой мокко.

— Ты только подумай, — бормочет она, глядя мне в глаза, ни разу даже не моргнув.

— Я не спала с ним! — первое, что приходит мне в голову, выпаливаю я.

Лиза раздражается смехом, и теперь большинство людей в зале наблюдают за нашей компанией.

— Не спала! — кричу громче, как будто так заставлю сестру перестать ржать.

Даже не верится, что мы с ней связаны родственными узами. В этот раз Герман молчит, он не пытается ее уверить в том же, что и я. Его роль выполнена. Теперь он может коварно и победоносно ухмыляться мне, собственно, что он и делает.

— Идиот! — взмахиваю руками, вставая с места, чтобы побежать вслед за Лизой, которая направляется к своей машине, продолжая хохотать, как полная дура.

Прежде чем выйти и ресторана, я разворачиваюсь и показываю Герману средние пальцы обеих рук.

— Надеюсь, тебя уволят! — ору я в отчаянии. — И из «Моны» тоже!

Каблуки стучат об асфальт, пока я бегу, что есть силы к автомобилю, в который уже садится Лиза. На парковке несколько зевак с интересом на меня глядят.

— Подожди, — прошу ее, выдохшись. Придерживаю дверь, не давая сестре ее закрыть, как только она залезает на заднее сидение стильного авто. — Пожалуйста, подожди! — говорю громче, и она, наконец, поднимает на меня свои коровьи глаза.

Мы несколько минут просто смотрим друг на друга: я на нее — со страхом, она на меня — с вызовом и жалостью. Знаю, что вызвала у нее отвращение к себе. Костяшки пальцев у

меня побелели, сами пальцы болят от того, что я намертво ухватилась за ручку.

— Пожалуйста, — с чувством начинаю, — пожалуйста, Лиза, умоляю тебя, никому не рассказывай! Никому не рассказывай! Я клянусь тебе, ничего не было.

— Если ничего не было, чего же ты боишься? — медленным уверенным тоном отвечает та.

Конечно, в ее руках преимущество надо мной.

— Я боюсь того, что никто мне не поверит. — Вздохнув, качаю головой. — Я была пьяна, понимаешь? Сильно пьяна. Герман предложил остаться ночью у него, а утром отправиться домой.

Лиза хмыкает:

— А на такси почему не поехала?

Стыдно говорить правду. Очень стыдно. Но еще хуже то, что она думает о моей связи с этим мальчишкой.

— Денег не было! — выкрикиваю я так, что водитель подскакивает на месте. — Довольна? Да, вот так я теперь живу, никто больше меня обеспечивает, отец деньги обещал не присылать, карточки заблокировал. Сказал, что пора становиться самостоятельной, пора работу найти.

Лиза, по всей видимости, устала меня слушать. Она отцепляет мою руку от дверцы автомобиля, хоть я и пытаюсь этому помешать, и после велит Артему уезжать. А когда машина дает задний ход, я быстро отхожу назад. Окно со стороны Лизы опускается. Последнее, что я вижу, прежде чем «Ауди» выезжает с парковки, это то, как улыбается мне сестра — победоносно. Я всегда была лучше нее, а сейчас упала в ее глазах. Чуть ли не на коленях у нее стояла. Я.

Не могу поверить, что теперь это — моя жизнь.

Знакомый шлагбаум в бело-красную полоску встречает меня у входа в бутик-отель. На ровном асфальте передо мной стоят трое высоких охранников — все темнокожие брүнеты из ближнего зарубежья. Пропускают меня, как гостью, но один из них, видно, самый старший, что-то проговаривает в свою рацию. Потратила три сотни из последней тысячи, чтобы добраться сюда, дабы испортить жизнь одному выскочке. Все-таки ненависть к «мелкородью» у меня в крови.

По гравийной дорожке навстречу мне бежит девушка со стрижкой каре, в черных обтягивающих брюках, белой рубашке и сиреневым платочком, обвязанным вокруг шеи.

— Добрый день, — звучит ее мелодичный голос, когда она останавливается возле меня. — Могу вам чем-то помочь? — На бейдже я вычитываю, что ее зовут Маргарита, и она работает менеджером здесь, что вполне предсказуемо. — Проводить вас в наш ресторан, или вы хотите заказать банкет?

Снисходительно ей улыбаюсь. Вот наивная.

— Ни то, ни другое, — говорю я, продолжая идти вперед к зданию, где, как уже знаю, находится ресепшен. — Хочу пожаловаться на банкет.

Волнительное дыхание девушки, вызванное быстрой ходьбой с целью меня догнать, прерывается. И если бы не ее настойчивые шаги позади, я могла бы предположить, что она уже упала в обморок.

— К-конечно, вы в п-раве, — заикаясь, произносит Маргарита. — К-конечно.

Она, возможно, курировала свадьбу Амины и Кости. А, может, и нет. Но в любом

случае, Марго занимается мероприятиями, проходящими в «Моне», а значит, она переживает, что я какая-то гостья, не довольная банкетом, проведенным непосредственно ею.

— А ч-что было не так? — наконец, решается менеджер на вопрос, когда мы достигаем центральных дверей.

Я бросаю взгляд на деревья невдалеке: с ветвей свисают искусственные белые ангелочки. Смотрится очень гармонично.

— Один ваш официант испортил праздник, — почти незамедлительно отвечаю я. — Знаете, грубил, хамил, рассказывал коллеге, неуместные в тот момент, анекдоты, а тогда, между прочим, жених с невестой исполняли свой первый свадебный танец.

Заканчиваю свою речь, и Маргарита тяжело сглатывает, оглядываясь на стеклянные двери, обрамленные коричневой рамой. Я уже поворачиваюсь, делая шаг в их направлении, как менеджер ловит меня за руку. Она ловит мой взгляд, и, спохватившись, отпускает меня, принимаясь заламывать себе пальцы.

— А какого числа, говорите, состоялся банкет?

Я еще ни-че-го по этому поводу не говорила. Но, улыбнувшись снова, моргаю и выдаю:

— А вспоминать даже не нужно. Позавчера это было. Во-о-он в том зале, — пальцем показываю на здание напротив, скрывающееся за деревьями и большой вырезанной из дерева шишкой.

— Балл Рум, — шепчет Марго про себя, заливаясь румянцем. — Вот блин.

Она опустила глаза вниз, задумавшись. А я твердо решила, что мне нужно пообщаться с главным администратором. Но Марго вновь останавливает меня — в этот раз словесно, не давая пройти к заветной двери.

За нею гости пьют кофе, сидя, по виду, на весьма комфортных диванах фиолетового цвета. Листают журналы, общаются, расплачиваются с официантами, принесшими гостям чековые книжки.

— Это я ответственна за мероприятие в субботу... — она замолкает, приоткрыв рот. — Как мне к вам обращаться?

— Лолита, — коротко отвечаю я.

— Лолита... мы приносим свои извинения...

Прерываю ее на полуслове:

— Мы — это кто?

— Я говорю, от имени всего персонала нашего отеля... Мы просим прощения, если что-то было не так.

— А я говорю от имени нашего стола! Мы остались недовольны, я хочу поговорить с тем, кто сможет мне помочь решить проблему.

Маргарита поджимает губы, потом быстро хватается за момент, открывает передо мной массивную дверь, приглашая внутрь.

— Давайте пройдем, присядем, я закажу вам чаю, или кофе, и мы обо всем поговорим более подробно.

Скривившись, показывая себя более внушительной, чем являюсь, я все-таки принимаю ее предложение. В частности, потому что в кармане у меня осталось всего семьсот рублей, нужно искать работу, желательно, ту, где платят сразу, или хотя бы в течение недели. Не знаю, реально ли это в Москве. Но мне этого делать отнюдь не хочется, так не лучше ли убить время за порчей жизни кому-то другому?

Присев на диван у дальней стены, я хватаю со столика брошюру, на которой изображены десерты от «Моны». Каждая сладость подписана, а так же приведен ряд всех ингредиентов ко всем блюдам.

— Ваш кофе, Лолита, — менеджер Марго лично принесла мне чашку черного крепкого без молока и с сахаром из ресторана.

Она присаживается рядом, складывает ладони на коленях.

— Давайте обсудим вашу проблему, — с завидным энтузиазмом начинает она.

Но я быстро спускаю ее с небес на землю.

— Нет-нет, — сделав глоток действительно вкусного горячего напитка, кладу чашку на блюдце, — давайте обсудим ВАШУ проблему. — Прочистив горло, откидываюсь на спинку мягкой мебели. — Ваш официант не предоставил элит-обслуживания, которым вы так хвалитесь. Не смотрите на меня так, Маргарита, — комментирую ее выпученные глаза. — Я подготовилась — прочитала информацию на официальном сайте бутик-отеля. Хочу сказать, что обложка не соответствует реальности. Не знаю, какими оказались другие официанты, но тот, что обслуживал наш стол, был весьма плох. Пусть это будет для вас уроком. Подбирать персонал нужно тщательней.

— Да-да, мы понимаем, — быстро тараторит менеджер.

— Вы не понимаете! — перебиваю я, наклоняясь вперед.

Но мне не дают договорить свою мысль: Маргариту отзывает к себе другая женщина, одетая почти точь-в-точь, как моя собеседница. Они что-то обсуждают несколько минут, пока я не решаю прислушаться, чисто от скуки.

— ... Сказала, что уходит, — говорит женщина-блондинка лет сорока. — Не соглашается выходить в четверг, как я ее ни просила. Говорит, зарплата ее не устраивает.

Маргарита снова выпучивает глаза. Как я поняла, это ее обычная реакция на удивление.

— Не устраивает? — возмущается она чуть громче, чем положено. — Три тысячи за банкет ее не устраивает?! Она в пятницу, знаешь, сколько чаевых домой забрала? Шесть с половиной тысяч!

Блондинка поправляет свой сиреневый платок и пожимает плечами, оглядывая зал. Пальцами обводит контур своих губ, как бы раздумывая.

— Не хочет Вера работать. Вот что я могу поделать?

Марго, видимо, стоит на голову выше этой женщины, и разговаривает с ней приказным тоном.

— Значит, уговори ее! Или другого официанта ищи, только хорошего! Тут мне вон, на одного уже жалуются... — и глаза на меня скашивают.

Блондинка округляет рот.

— На кого?!

— Потом скажу... Сама пока не знаю... Иди. Иди давай уже.

Отпустив коллегу, Маргарита присаживается на свое место, не подозревая, что в моей голове зародился план. Мне нужны деньги — им нужны работники. Мне нужны деньги срочно — а отелю срочно нужен официант. Да, у меня нет опыта, и да, я терпеть не могу с какой-то стороны эту свою мысль. НО! Самое главное кроется в другом: Лиза расскажет всем в нашем кругу богатых, красивых и не очень красивых о том, что я, девушка высшего класса, сплю с официантом, а так же устраиваю дешевые разборки в знаменитых ресторанах. А я могу поспособствовать этой несправедливости. Если мой отец узнает (а он вскоре узнает), что у меня роман с бедным парнем, обслуживающим гостей, что я сама работаю обслугой, то он

непременно вернет мне мои деньги, машину, водителя, а, возможно, и сам решит, что им с мамой в Италии делать нечего! Он никогда не примет такого решения, если я, как он того и ждет, устроюсь на работу в какой-нибудь престижный офис, стану строить отношения с успешным армянином из хорошей семьи. Но папочка ведь не ожидает, что его дочь такая хитрая. Она даже может пойти на маленькие жертвы ради осуществления цели.

А тем временем Марго продолжает неуверенно говорить, следя за моей медленно расплывающейся на губах улыбкой. Я задумчиво смотрю вперед, лишь через время опомнившись.

— ... Ну, так что? — спрашивает у меня что-то менеджер. — Пройдемте?

— Куда? — мотаю я головой.

— Как куда? В охранную будку, — спокойно отвечает Маргарита, но настороженно. — Камеры смотреть будем. Столик свой покажете, официанта тоже, если имя не помните.

Да нет, почему же, помню. Но только Герман, на самом деле, наш стол не обслуживал ведь. О камерах я не подумала как-то. И все же планы-то у меня поменялись, значит, я снова могу все обыграть так, что останусь в выигрыше.

— Послушайте, Маргарита, — присев удобней и поправив юбку белого платья, счастливо улыбаюсь ей я, — а можно мы поступим по-другому?

Заметив, что настроение, по неведомым для Марго причинам, у меня поднялось, менеджер сама начинает невольно приподнимать уголки губ.

— Да? Я вас слушаю, конечно же.

Я поднимаю голову и смотрю той прямо в глаза:

— Я забываю о случае с плохим официантом, ужасным обслуживанием и его хамоватым, мягко говоря, поведением, а вы, — и с каждым моим словом девушка чуть наклоняется ближе, — берете меня на работу в качестве официанта, закрыв глаза на то, что опыта у меня совершенно никакого нет. Идет?

Подаю ей руку для пожатия, а так же одобрения моего супер-предложения. Не трудно догадаться, что делает Марго: выпучивает глаза! Верно. Но руку она мне все-таки пожимает.

ГЛАВА 5.

Правила просты

Лолита

Девушка с длинными русыми волосами, которые заплетены в две толстые косы, похожа на школьницу из порно. Серьезно. На ней короткая черная юбка, белая блузка, под стать «моновского» официанта — сиреневая «бабочка». Пока она не надела на себя ни жилет, ни фартук, и просто натирает бокалы. Ей не хватает только огромных бантов в прическу, и можно спокойно идти сниматься в «Brazzers» (прим. авт. — известная кинокомпания, снимающая незамысловатые короткометражки эротического содержания). Я не запомнила ее имени — то ли «Катя», то ли «Кира». У нее большие голубые глаза, и она пританцовывает, слушая очень громко Taylor Swift с помощью своего смартфона с разбитым экраном.

— А с этим что делать? — поймав ее взгляд, киваю на бледно-голубую кассету, в которой лежит целая куча столовых приборов.

То-ли-Кира-то-ли-Катя фыркает.

— Протирать тоже, конечно. Ты что, первый день работаешь?

Я сжимаю в руках натирку, с ненавистью вдыхая запах сырости в этом гребанном баре.

— Да, — отвечаю неохотно, принимаясь за работу.

Сегодня действительно мой первый рабочий день в «Моне» и мой первый рабочий день вообще. Это ужасно. Это так противно, что у меня не хватает слов, чтобы выразить свое омерзение. Мама звонила вчера вечером из Рима, хотела узнать, как у меня дела. Голос у нее, при этом, был такой позитивный и радостный. Конечно! Она ведь там живет на всю катушку, тогда как мне приходится довольствоваться малым. Я жду не дождусь обеда. Говорят, официантов здесь не очень хорошо кормят и не в самых лучших условиях, но да, я опустилась до того, что готова съесть все, что угодно. Очень голодна!

— Ооо, — свистит «порно-актриса». — А у нас тут новенькие, Надь! — кричит она, и как по мановению, из сервисной кладовки появляется другая девушка — маленькая, хрупкая и невзрачная, с серыми крохотными глазками, как у ребенка.

Когда девочка открывает рот, чтобы засмеяться, замечаю, что нескольких зубов во рту у нее не хватает.

— Ого, — оглядывая меня снизу вверх, произносит мелкая. — Ну, ничего, и мы сюда приходили без опыта...

— Вот уже третий сезон трудимся! — гогочет ходячая «порнушка».

Повернувшись к ней, я сужаю глаза.

— Я ненадолго, вообще-то, — бурчу.

Мелкая пьет воду из бутылок, выделенных специально для персонала.

— Мы тоже так думали, — закручивая крышку, отвечает она. — Я Надя, — она пожимает мою вялую руку, которую я, между прочим, не подавала ей.

От ее уверенности в том, что я могу задержаться здесь некоторое время, у меня сводит желудок. И в этот раз я не чувствую голода. Просто заиклена на словах девчонок, и все. Нет, нет и нет. Мой план придет в действие, точно знаю. Да и деньги для меня сейчас лишними не будут.

— Тебе сколько лет? — не тактично и грубо спрашивает то-ли-Кира-то-ли-Катя.

В высшем обществе таких вопросов ни в коем случае нельзя задавать. Но мне не нужно забываться — я среди людей, которые скупают продукты на рынке.

— Я сюда работать пришла, а не на вопросы отвечать, — бросаю, отвернувшись к кассете, продолжая натирать столовые ножи.

Эти телки смеются надо мной, готовые напасть в любой момент. Шакалы. Они перекидываются фразочками, обсуждая коллег, перемывая кости каждому банкетному менеджеру. Какой «дружный» коллектив!

— Да, выглядишь лет на двадцать, — все равно поднимает закрытую тему «порнушница».

«Да иди ты в **пу!», — хочется закричать мне, но я сдерживаю себя, напоминая о целях этого эксперимента.

В этой ужасной униформе, которую никогда не думала, что надену, слишком жарко для июня месяца. Здесь душно и воняет. Я оставляю натирку на задней барной установке и, проигнорировав сплетни девиц, выхожу в длинный коридор. Но не успеваю и шагу ступить к служебному выходу, чтобы покурить, как дверь открывается, а навстречу мне идет парень, что знаком мне больше остальных. Он продвигается вперед с толстовкой в одной руке и спортивной сумкой — в другой. Опустив голову, Герман, словно задумался о чем-то. Но когда вскидывает взгляд, то замечает оцепеневшую меня посреди коридора. Подойдя вплотную, Гера задерживается по пути в раздевалку.

— Привет, — хлопая удивленно длинными ресницами, выдавливает он. — Я... не знаю,

как это спросить...

Поднимаю руку, дабы он не продолжал.

— Не надо, — смущенно усмехаюсь я. — Просто прими, как факт.

Его телефон вдруг взрывается звонком под песню Nirvana — «Smell's Like a Teen Spirit». Но парень недоумевающе, с доброй, чуть замороженной улыбкой, изучает мое лицо и наряд. Он осматривает меня, как самого интересного человека, что ему довелось встретить за все время.

— Ответь, — подсказываю я.

Тогда Герман моргает, приближая лицо.

— Что?

Достаю из переднего кармана его черных джинсов торчащий смартфон.

— Вот. Ответь.

Герман быстро вырывает мобильный и, схватив меня за локоть, тащит в раздевалку. Там объясняется, помахав сотовым, который больше не звонит:

— В конце коридора установлена камера. Нельзя светить телефоном — штраф.

— А, — только и выдаю я, и в несвойственной для меня манере, складываю ладони за спиной.

Теперь Герман открыто улыбается. Но раньше я почему-то не замечала, что глаза у него невероятно душевные — словно он из той редкой породы хороших людей.

Он упирается локтем о стену возле вешалки, тем самым, нависая надо мной. Я скидываю на него взгляд.

— Ну, рассказывай, — тихо говорит парень, и мне почему-то это кажется очень интимным; кроме нас в раздевалке никого нет.

— Что рассказывать? — пожимаю плечами.

Его улыбка становится шире.

— Я про «Варшаву». Что за девушка с тобой была? Не слишком ли я тебе навредил?

Повернувшись, я наклоняю голову, чтобы пройти под его рукой к выходу, но, Герман мягко припечатывает меня к стене, любуясь моим недовольным выражением лица.

— Сам знаешь, что слишком, — цежу я.

Я в тот день с радостью отравила бы его, если бы могла. Если бы у меня была возможность, отсутствие совести и не последовало бы уголовное наказание после.

Неожиданно пальцем парень проводит по моему лбу. Вырисовывает им узоры на коже, потом просто рисует воображаемые линии.

— Вот тут-то все и начинается, — лепечет Гера. — Что ты замышляешь?

— Представляю, как убила бы тебя с помощью яда, — честно признаюсь я.

Он смеется, запрокинув голову.

— Серьезно? — вновь облокачивается о стену.

— Ага, если я сделаю это, ты не будешь больше смеяться.

Он забавляется моей обиженной интонацией и смеется еще громче. У него это выходит заразительно и весело. В попытках спрятать улыбку, я забываю, что Герман все равно может видеть, как уголки моих губ подрагивают. Ударив того по руке от бессилия, выбегаю из раздевалки.

— Мне нужно работать, но сначала, я покурю, — бросаю ему, а дойдя до прохода в бар, не обращаю внимания на «порно-диву», вышедшую мне навстречу.

Она скрестила руки на груди и преграждает мне дорогу, когда я намереваюсь идти

дальше к служебному выходу.

— Сейчас придет Марина, наш менеджер. Возвращайся обратно в бар, — она кивает на коричневую дверь справа от себя.

Если бы не ее грубый голос, взрослое лицо и широкая кость, то-ли-Катю-то-ли-Киру можно было бы считать симпатичной. Ну, а так она обычная баба, выглядящая на тридцать и работающая в сфере услуг. Не удручает ли это девушку ХХХ?

— Я сама решу, возвращаться или нет, — грублю ей и обхожу, направляясь, куда мне нужно.

Но «порнушница» сразу начинает со скандала. Она хочет со мной поссориться, а это — очень плохая идея.

— Смотри, какая дерзкая! — кричит она, собирая своим ором толпу любопытствующих сотрудников.

Они что-то галдят, но расслышать я не могу, да и не хочу. Простояв так полминуты, я все равно от своего плана не отказываюсь. Иду курить, но вдруг эта сука меня останавливает, хватая за руку и припечатывая к стене плечом. Синяк однозначно будет большим.

— Аа! — вырываясь, кричу я. — Больно!

Нахлынули слезы от обиды. Я надеюсь их спрятать под маской безразличия и стервозности.

— Говорю, мне больно! — кричу громче, глядя на нее, когда она пытается снова меня тронуть.

Что-то подсказывает ей ее мелкая подруга, а другие официанты, ухмыляясь, наблюдают за «неприятием» коллектива нового человека.

— Что уставились?! — глянув на каждого, огрызаюсь. — Интересно?! Может, пойдете работать? Или проверите, не пришел ли вас драгоценный менеджер?

Девушка «три икса» отбрасывает одну косу назад, за плечо, и вновь складывает на груди руки.

— А это не тебе решать, — отвечает она за остальных коллег.

— Вот и не тебе решать, когда мне курить, — сквозь зубы говорю я, после чего начинаются новые разбирательства.

Герман подходит к стаду тупых овец, видно, что еще не переодевшийся. На нем все та же серая футболка со странным рисунком и черные джинсы.

— Не понял, — хмуро произносит парень, — что происходит?

Другой паренек, на бейдже которого я прочитала имя «Игорь», быстро скрывается в баре. За ним уходит его приятель. Остаются только бабы-идiotки, решившие устроить со мной войну. Катя-Кира, глядя только на меня, отвечает Герману:

— А вот Лариса отличилась, — хмыкает она, злостно ухмыляясь, по всей видимости, предвкушая мой нокаут.

Да не дожدهшься.

— Меня Лолита зовут! — выдаю, сжимая ладони в кулаки.

Стремная «порнушница» обращает на это внимание. Выражение лица при этом у нее не меняется.

— Уходила без предупреждения покурить. Я ей сказала, чтобы возвращалась, — продолжает Катя-Кира, — а она стала хамить.

Я тоже в стороне не осталась.

— За это, конечно, в отеле принято всем тела синяками украшать, — приподняв одну

бровь, парирую.

Она омерзительно кривит губы, в точности, как и ее подружки.

— Лаванда, Катя ее совсем чуть-чуть задела, зато потом столько грязи про себя услышала! — Мелкая вступает за «порнушницу».

Вообще отлично! Все перевернули с ног на голову. И не ясно, кому Гера поверит. Видно же, что Герман этих телок младше, и тех парней, что ушли, но жизни и правды в его глазах больше. Мужественности хоть отбавляй.

Строго всех осмотрев, Гера принимает решение.

— Идите в бар, Марина должна быть в Бал Руме с минуты на минуту, — резко приказав, он останавливает свой взгляд на Кате (наконец, мне точно известно, как ее зовут, потому что парень обращается к ней по имени).

Она, конечно, не теряет надежды переубедить его, когда остальные, послушавшись Геру, ушли.

— Ты мне не веришь, что ли? — ответом ей служит его красноречивое молчание.

Тогда Катя ХХХ, буквально подлетев ко мне, сцепляет свои пальцы у меня на запястье. Я, вбираю в себя воздух, через сжатые от злости зубы. Уже готова врезать этой самовлюбленной дуре, как Герман встает перед нами, и нисколько не касаясь Кати, давит эмоционально на нее.

— Отпусти Лолу.

— Она... — начинает девушка.

Перебивает быстро, не задумавшись:

— Сейчас же.

Катя продолжает меня держать. Ненависть просачивается через ее поры и передается мне. Я тоже ее ненавижу, однако я не собиралась ее бить. Она первая начала все это.

— Я сказал, отпусти Лолу! — повторяет Герман тихим и угрожающим голосом.

Катя отбрасывает меня, и, благодаря этому, я опять ударяюсь о стену.

— Да поняла уже, что ты сказал, — гневно ворчит девушка, возвращаясь в бар.

Мы остаемся с Герой один на один. Я уже готова к тому, что он начнет ругаться, отчитывать меня. Тем более, выскажет свое недовольство из-за того, что перебранка началась напротив камеры. Но чего я точно не ожидала — так это его яростного взгляда сменяющегося обеспокоенным, когда пальцы его ладони касаются моего плеча через ткань белой блузки. Другая ладонь ложится на мою щеку.

— Как ты себя чувствуешь? Все нормально?

— Болит немного. — Веду плечом. — А в остальном — нормально.

Ресницы трепещут над ясными голубыми глазами — парень то закрывает их, то открывает, дыша через нос, поджав плотно губы.

— Ты что, за меня испугался? — не могу не проверить эту версию, хоть произносить такие слова страшно.

Герман превращается в милого мальчишку, когда я заговариваю с ним. Улыбнувшись краешком губ, парень слабо кивает головой.

— Что правда — то правда. Испугался.

Сглотнув, я не свожу с него взгляда. Красивый, умный, смелый... и кличка у него смешная.

— А почему «Лаванда»? — решаюсь я спросить, замечая потом у него некоторое удивление.

Через пару секунд парень понимающе кивает.

— Ааа, ты об этом...

— Об этом.

— А у меня фамилия — Левандовский, но на работе и в университете все «Лавандой» почему-то называют. Я уже привык.

Его усмешка неподражаема. Ямочки умопомрачительны. Так и хочется по ним провести пальцами. Но я напоминаю себе в очередной раз, что старше его.

— Интересная фамилия, — комментирую, глядя в пол. А чуть позже, когда смотрю на него, то понимаю, что он взгляда не отводил. Смущению нет предела. Надеюсь, он не сконцентрирован на моем женском румянце, вдруг проявившемся. — Скажи, а здесь все такие сучки?

Наверное, Герман вспоминает нашу первую встречу, потому что я могу заметить полуулыбку на его лице. Которая потом оборачивается заливистым смехом. Уткнувшись мне в плечо, он шепчет, давясь смешком:

— Да.

Служебная дверь со скрипом открывается, на пороге появляется громила в официальном костюме с рацией в руках. Мы с Германом моментально выправляемся, глянув на новоприбывшего. Чувствую неприятную боль в предплечье — следствие грубости Кати.

— Вы чего это тут устроили? — голосом истинного спартанца вопрошает он. Грубый, неотесанный, большой.

Герман опускает уголки губ вниз, как бы давая понять, что он не совсем в курсе претензий громилы. Парень поднимает большой палец вверх.

— Все в порядке, Саша.

Охранник хмурится.

— Точно?

— Точно, — говорит Герман.

Взяв меня за руку, он заводит меня в бар.

— Не бойся, — шепчет он мне у уха, пока Надя завистливо смотрит в нашу сторону. — Никто тебя не обидит.

Чтобы ей стало вдвойне неприятнее и завиднее, я поворачиваюсь к Герману лицом, пока он плотно прижат ко мне, полностью завладев его вниманием.

— Я не боюсь, — скривив губы в усмешке, одаряю Левандоского правдой и долгим взглядом.

ГЛАВА 6.

Гамбургеры для принцессы

Лолита

Когда Герман открывает мне дверь ресторана быстрого питания, внутри ненавязчиво и не очень громко играет известная песня Джастина Тимберлейка. Мы обсуждали с Герой его друзей, которые остались в Питере, и поэтому, заходя следом, он смеется, договаривая про своего приятеля на спор сломавшего себе ногу.

— Не думала, что однажды тебе придется прийти сюда? — Мы стоим в очереди одной из касс, и парень изгибает бровь, спрашивая меня об этом.

А я думаю, говорить мне или не говорить о том, что я уже была здесь однажды. С тем, кого очень сильно любила. С тем, как я думала, сильно любит меня в ответ. Но я улыбаюсь и даже не подаю виду, что чертов «Бургер Кинг» меня как-то задевает. Просто полу

повернувшись к Герману, пожимаю плечами, засунув ладони в карманы джинсовой куртки.

— Я уже была здесь.

Он действительно удивляется. Не то, чтобы его глаза лезут на лоб, ничего такого. Но они широко раскрыты и он неверующе мне усмехается.

— Ты разыгрываешь меня, да, Лолита?

— Вовсе нет. Я была здесь еще студенткой. Мы приехали с друзьями на каникулы в Москву и решили перекусить. Были здесь неподалеку, — а потом я наклоняюсь и продолжаю, прошептав заговорщически: — Мы зашли именно в этот «Бургер Кинг».

Герман подыгрывает мне. Засунув руки в карманы своего вельветового пиджака, он шепчет еще тише:

— Не может быть.

Высокий, очень высокий парень, стоящий впереди нас, разговаривает по телефону и изредка на нас поглядывает. Когда я была в этом месте в последний раз, Эмин обнимал меня и сам бросал испепеляющие взгляды на всех мужчин, кто смел посмотреть в мою сторону. А потом я узнала, какая он сволочь. Сейчас я даже жалею, что приняла предложение отца после школы уехать в Испанию и учиться там. Все это было фарсом с самого начала и до самого конца. Каждое его слово, каждое его прикосновение. Все время он притворялся. И оставаясь со мной наедине, и на глазах толпы.

Герман собирается еще что-то сказать, но подходит наша очередь, и он поворачивается к искусственно улыбающемуся продавцу, заказывая себе еду, спрашивая у меня при этом, чего бы хотела съесть я. Когда приходит время расплачиваться, парень не разрешает мне ни полностью оплатить заказ, ни даже внести сумму за свою часть. Левандовский угощает и протягивает свои кровные кассиру. Мы заработали неплохие чаевые с прошлого банкета, но он был очень тяжелым, и только благодаря Гере я отдыхала больше положенного. Ноги ужасно сильно болели! Я никогда не думала, что это так сложно — быть официантом. И хоть я, как бы всего лишь пока еще помощник официанта, моя заработная плата от той, что получает Герман и другие сотрудники, не очень отличается. Спустя целую ночь, понимание того, что цель оправдывает средства, пришло. А так же пришло смирение со сложившейся ситуацией. Правда, не полностью. Нельзя привыкнуть к болоту, если всю жизнь прожил во дворце. Единственное мое утешение в том, что вскоре папа поймет о своей ошибке и вернется вместе с мамой в Москву. Или заберет меня в Рим.

— Можно я тебе кое в чем признаюсь? — осторожно спрашиваю, когда мы присаживаемся за стол в углу зала.

Герман поглядывает на меня, снимая с плеча рюкзак.

— Ну, попробуй.

— Тебе вряд ли это понравится, но я не собиралась поначалу устраиваться на работу в «Мону».

Герман хмурит брови и закидывает в рот пару ломтиков картошки фри.

— Я, на самом деле, очень удивился тому, что ты теперь часть персонала, — изрекает он, вскидывая на меня глаза.

Я не знаю, что ему ответить на это. Хочется признаться в правде, но она ведь просто заставит его, скорее всего, перестать общаться со мной. А с моей ненавистью к людям найти человека, менее всех раздражающего, — это большая удача. Я не могу его потерять. Не могу потерять Германа, который вчера вечером вступился за меня, рассорившись со всеми коллегами, которых знает больше нескольких лет, поскольку работает в том отеле уже не

первый сезон.

— Ну-у, — протягиваю, раздумывая, как лучше преподнести, — вообще-то, я пришла туда пару дней назад, чтобы пожаловаться на тебя. — Между нами нависает тишина — обычно я называю ее неприятным молчанием, режущим слух. И в такие моменты я готова на все, чтобы избавиться от нее, поэтому дальше говорю быстро, и практически не дыша: — Но потом я услышала, как менеджер Маргарита говорит с другим менеджером о недостатке официантов. Я решила устроиться к вам, чтобы разозлить своего отца. А чтобы она мне не отказала, я пообещала Марго не писать никаких жалоб ни на тебя, ни на кого-либо еще. Я знаю, что ты не виноват! — взмахнула я рукой. — Знаю, что жаловаться на тебя я даже не могла, и моя ложь раскрылась бы сразу, как только включили запись с камер наблюдения, просто я была на тебя очень зла, Герман.

Он ни разу не делает попытки меня перебить. Наверное, парень предпринимает решение, как быстрее уйти отсюда, и жалеет, что заплатил за меня. Но, в любом случае, он внимательно на меня смотрит и с не меньшим вниманием слушает.

— Я была зла на тебя за то, что ты выставил меня дурой перед моей двоюродной сестрой. Даже не представляешь, как мне было стыдно перед Лизой, — говорю, но потом до меня доходит смысл моих слов — я вновь оскорбила его за то, кто он такой есть.

Приложив руку ко лбу, я грустно усмехаюсь.

— Блин, прости, я опять сказала что-то не то...

Герман выставляет ладонь, требуя, чтобы я замолчала. Сам он абсолютно спокойно из своего одноразового стакана попивает Пепси. И лишь спустя несколько минут, вытерев рот салфеткой, пожимает плечами:

— Летом, после окончания очередного учебного года, я устраиваюсь на работу в самый сезон в этот отель, Лолита, — рассказывает непринужденно парень. — Меня и не так называли, и даже не представляешь, с кем и с чем сравнивали. Все нормально, я уже привык. Ну, а за то, что хотела выжить меня с моей скромной должности, — Гера прищуривается, улыбаясь, и указывает на меня пальцем. Он пока размышляет, но после нескольких секунд молчания выдает: — Убереешь всю мою квартиру.

Я мотаю головой, опустив глаза, но не могу не засмеяться. Посерьезнев, Герман произносит без тени шутки в голосе:

— Молодец, что призналась мне.

Он предлагает мне картошку и пододвигает ближе еще закрытый гамбургер.

— Ешь.

Он очень голоден. Очень быстро уплетает купленное для себя. Выпивает стакан напитка и заказывает еще один. Я же еще не успела съесть и половины того, что он заказал для меня.

— Слушай, — возвращаясь, Гера сразу обращается ко мне. Я поднимаю на него голову. — Почему мне кажется, что тебя что-то тревожит? Когда ты рассказывала о своем первом визите в «Бургер Кинг», ты была какой-то... озадаченной? — Это похоже то ли на вопрос, то ли на утверждение, но, в любом случае, Гера прав.

Получается жевать уже медленнее, потому что, как я ни стараюсь противостоять воспоминаниям, ничего, черт возьми, не получается. Наша встреча, как я думала, абсолютно случайная, изменила все. Изменила меня. И это, что бы потом ни произошло, будет во мне всегда. То, что он сделал.

Левандовский, заметив, что я опустила ресницы, пытается заглянуть мне в глаза, нагибаясь. Он усмехается.

— Эй, богачи на связи? — пытается пошутить парень. — Неужели, ты была влюблена? — притворно охает он, за что получает картошкой в лоб.

Ладно, да, его тон меня рассмешил, и теперь мы оба ржем, как два придурка. Этот человек помогает мне забыть о той боли, за это я ему так благодарна. Но я не привыкла говорить людям, какие они прекрасные для меня, потому что однажды уже обожглась.

В какой-то момент не удастся больше контролировать то, как мое подсознание упрямо и непрестанно подкидывает картинки из прошлого. Когда-то очень счастливого прошлого...

Четыре года тому назад...

— Санчес совсем не говорит по-русски? — спрашиваю я Эмина, когда он обнимает меня за плечи и целует в затылок.

Его пальцы в моих волосах, и это так приятно ощущается, что я откидываю голову назад, упираясь в его мощную грудь. Просто стальную. Обожаю его. Как я люблю его. Это хорошо, что Эмин и его друзья согласились эти каникулы провести в России. Я вовсе не устала от Испании, но, как ни крути, мне очень комфортно дома.

— Он и английский-то еле знает, — посмеивается Эмин, крепче прижимая меня к себе.

Какой-то парень в толпе бросает на меня взгляд, но мой мужчина такого не любит. Самая привычная для меня его тактика в такие моменты — повернуть к себе и поцеловать, как можно глубже. Девушка, хоть и из обеспеченной семьи, я выросла в строгих традициях, и европейскому менталитету не удалось выбить устои и воспитание из моей головы. Все нравоучения отца, все нотации, выслушанные мною в подростковом возрасте, сохранились, поэтому для меня в диковинку то, как Эмин поступает, но самое ужасное — я не могу ему перечить. Не потому, что он запрещает (хотя и это тоже), а потому, что я от него без ума. От его серых глаз с карими радужками, черных, слегка, завитых на концах, волос, и этой белозубой улыбки, способной выпросить у меня что угодно. Как будто нет никаких границ.

Для него — нет.

Я переехала в Испанию сразу после ринопластики (конечно, я не говорила Эмину, что меняла форму носа — он-то им все восхищается). Познакомилась с бытом испанцев, влюбилась в Мадрид и в одного его жителя, папа которого — наполовину русский, а на другую половину — афганец. Отсюда и такое восточное колоритное имя. А мама Эмина — испанка, она совсем не говорит по-русски. Знает только несколько матерных слов и очень удачно вставляет их в предложения, когда ругается с кем-то по телефону.

Познакомилась с его родителями через полгода после первой встречи. Первого поцелуя, первого секса. Все было в первый раз. Все было просто волшебно. Он — закончивший несколько лет назад университет, и я — однокурсница его кузины. Никогда не думала, что в жизни бывает столько страсти! Столько любви я еще не испытывала. И жалею, что позволяю ему много, но по-другому не получается.

Я думала, даже нет, я была уверена, что мои родители будут против нашей связи, но все оказалось лучше, чем я могла представить. Папа сначала пренебрежительно отнесся к Эмину, но потом признался, что готов принять мой выбор и главное для него, конечно, что мне не придется менять веру, так как Эмин — пусть не христианин, но католик. А мне все равно... Будь он хоть мусульманином, иудаистом, или чертовым инопланетянином, я так влюблена, что, если понадобится, полечу с ним на другую планету.

— Ты мог бы научить его говорить на английском, — замечаю я, возвращаясь к забытой теме.

В ответ парень только фыркает. Он вглядывается мне в глаза, после закрывает свои,

приближается и целует меня в лоб. И тогда кажется, что я защищена, как нельзя лучше. Что нет ничего более правильного, чем наслаждаться его объятиями, ведь он бережет меня от всего мира. Только он и я.

Ребята дурачатся за дверью, пока мы делаем заказ, стоя у кассы. Это Санчес, Клаудия и Артуро, но мы называем его просто «Арчи». Клаудия и Арчи из Мадрида, как и большинство наших общих знакомых, только Санчес родом из Бильбео. Мама Эмина родилась там, сейчас же с его отцом они обосновались на Майорке. И пока они наслаждаются средиземным морем, их сын наслаждается мною и Москвой.

Эмин забирает громадный поднос с едой и напитками со стойки, и первым к столу, который заняла Клаудия, подбегает Санчес. Артуро плетется за ним.

— *Quién es el más hambre?* (Пер. с исп.: «Кто тут самый голодный?») — кричит во всю глотку Санчес, хватая с подноса самый большой гамбургер. — *Dios..* («Боже...»), — с набитым ртом протягивает парень. — *Creo que esta comida para mí poco!* («Я думаю, что этой еды для меня мало!»).

Мы все заливаемся смехом, глядя на все еще стоящего, но уже проглотившего половину булки с котлетой и овощами. Санчес — типичный испанец. У него карие глаза, смуглая кожа и темные-темные волосы, на щеке даже есть родинка, что делает его слегка похожим на Энрике Иглесиаса в молодые годы. Вообще-то, Эмин упоминал как-то, что именно так Санчеса называли в университете. Еще он такой худой, что любая одежда на нем висит, но он так много ест, что, если я не завидую ему, значит, я сошла с ума! Мне тоже хочется есть что угодно и сколько угодно, но приходится следить за фигурой, и посещения таких вот ресторанов плохо на ней сказываются. Я не страдаю булимией, но иногда приходит в голову мысль засунуть два пальца в рот и... Ну, вы поняли.

Эмин кормит меня картошкой, улыбается и сам доедает очередной наггетс. Такой красивый. И мой. На мне черный открытый топ от Dior, и татуировка прямо под локтем правой руки доступна взору Эмина. Он, вытерев пальцы салфеткой, проводит ими по надписи, которую мне набили по его просьбе. Это слова из песни «*How Deep Is Your Love*» группы The Bee Gees. Там написано: «*We belong to you and me*». Что в переводе с английского означает: «Мы принадлежим друг другу, ты и я». Мы с Эмином назвали ее «нашей песней». Каждый раз, когда мы ехали в одной машине, она звучала по радио. Выучили слова наизусть, и теперь, как раз, он напевает мне ее на ухо, играясь с концами моих волос, глядя, как я медленно попиваю апельсиновый сок из бумажного высокого стакана. Потом он шепчет:

— Люблю тебя.

Вся планета перестает иметь значение, когда Эмин говорит такие слова. Мне. Он говорит мне. Что любит меня. Продолжая потягивать напиток из трубочки, я, улыбаясь, смотрю на него. По моему взгляду он должен понять, что я чувствую то же самое, но, засмеявшись, Эмин признается:

— Когда ты не отвечаешь, я нервничаю.

Парень обнимает меня крепче, не отнимая ладони с моего плеча. Я оттягиваю ворот его летней рубашки, словно, чтобы убедиться, что татуировка на его ключице не была временной. Хотя мне и так известно, что она самая что ни на есть настоящая. На его левой ключице набито мое имя. Лолита. Наклонившись, целую Эмина прямо туда. Он резко втягивает ртом воздух, в кулаке сжимая прядь моих волос. Но в наш интимный момент вмешивается Артуро. Он и Клаудия чуть-чуть говорят по-русски, но у них это плохо получается, поэтому они стараются не пользоваться им почти никогда.

— No quiero ver cómo va a tener relaciones sexuales! («Я не хочу видеть, как вы будете заниматься сексом!») — кричит Арчи, отмахиваясь, но потом он шутливо складывает ноги на соседнем пустом стуле и делает вид, что зовет официанта, щелкнув пальцами. — Aunque, no. Quiero. Llevar a las palomitas de maíz! («Хотя, нет. Я хочу. Несите поп-корн!»)

Горсть картошки фри от меня летит ему в лицо, еще горсть — от Эмина, а Санчес, громко смеясь, дает другу затрещину. Гортанный хохот Эмина отдается вибрацией во всем моем теле, и чтобы сохранить это ощущение, я прильнула к нему так тесно, насколько возможно. Но он и не против. Он с радостью стискивает меня в объятиях.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Как и всегда.

Наши дни

— Ну, так что? — из раздумий меня вырывает голос Германа.

Я моргаю быстро-быстро, пытаюсь прогнать злосчастные воспоминания о радостных временах.

— Что? — говорю я, еще не совсем понимая, чего от меня хотят.

Герман усмехается, поведя плечом.

— Мы говорили о том, была ли ты влюблена, но потом ты просто хмыкнула и ушла в себя, — объясняет парень, тщательно прожевывая во рту пищу.

Я выставляю на него палец.

— О, нет-нет, это ты решил поговорить на эту тему...

Левандовский, перебив меня, настаивает:

— Ну, а все-таки? Была влюблена? — Потом он кивает на область моей правой локтевой кости. — И что это за татуировка?

Опустив глаза на нее, я понимаю, что стоило выбрать наряд, скрывающий эту надпись.

— Здесь написано...

Герман в очередной раз прерывает мою речь. Он откидывается на сидении, в его голубых глазах пляшут огоньки.

— Я знаю, что там написано, Лолита. Это ему посвящено?

Теперь пришло мое время подкалывать его. Сложив руки на столе, я нагибаюсь и улыбаюсь ему с хитринкой.

— Ты таким тоном спрашиваешь, что я могу подумать, что ревнуешь меня, — шучу я, хохотнув.

Но лицо Германа остается непроницаемым. Я убираю прядь волос себе за ухо.

— Ладно, — вздохнув, перевожу взгляд на стол — на почти не тронутую еду. — Потом тогда ты будешь рассказывать о себе, — предупреждаю, раскатывая бумагу и доставая оттуда бургер.

И я, наконец, начиная трапезничать, в общих чертах, осведомляю Германа о самой большой любви своей жизни, о самой большой боли, о самом большом предательстве. Опускаю некоторые детали. И не только потому, что мы мало знакомы — вряд ли я решусь кому-то сознаться во всем в очень откровенной форме. Но преимущество «Лаванды» в том, что он умеет слушать.

ГЛАВА 7.

Предательство

Лолита

После этого рабочего дня, а точнее, ночи, я собираюсь поехать в свою квартиру. Если

вчера Герману удалось уговорить меня вновь поехать к нему и остаться у него, чтобы вместе потом поехать в отель, то сегодня у него не получится. Утром я сяду на автобус, потом поменяю его на электричку, а ее — на метро, но доеду до своей малютки на Пушкинской и проведу день в условиях, напоминающих человеческие. А то ведь с таким образом жизни вскоре и забыть смогу, кто я и откуда. По крайней мере, я смогла поделиться своей историей с Левандовским, не рассказывая ему, при этом, самого главного.

Протирая бокал, предыдущий уже передав мне, Герман спрашивает:

— Так я не очень понял, у него фамилия Фаворский, но его отец — наполовину афганец? — с удивлением в голосе говорит парень, глядя то на меня, то на работу, которую выполняет.

Мы вдвоем сервируем небольшой зал под названием «Дольче» в саду отеля. Из персонала, помимо нас, только охрана, пару человек на кухне и девушка на ресепшен.

— Угу, — отзываюсь, расстилая скатерть, а поверх нее — наперон. — Ты никогда не угадаешь, как зовут папу этого козла, — грустно усмехаюсь. — Он назвал сына в честь себя, хотя сам после того, как его папаша бросил русскую мать, принял другую веру и уехал жить в Европу. Там и женился... Говорил, что в первое время боролся с тем, чтобы не поменять имя, но фамилию на материну сменил.

Левандовский протягивает мне несколько натертых столовых приборов.

— И зачем же называть ребенка своим именем, если, как я понял, он сам его не любил? ... Имя свое, — договаривает пояснительно Герман.

Я пожимаю плечами, взглянув на собеседника.

— Потому что Эмин-старший хотел оставить после себя наследника, полностью повторяющего себя самого, в любом плане. То есть, он всегда говорил, что теперь можно спокойно умирать, так как на свете есть второй Эмин Фаворский, которому он доверит все, что имеет. Жаль, что не сдох! — заканчиваю, стиснув зубы.

Дальше наступает короткое молчание. Возможно, Герман все переосмысливает для себя. Если он сбежит от меня, с кучей проблем и жутким прошлым, я даже не удивлюсь. Поразительно, но пока не выговорила, сама не понимала, что я — отнюдь не драгоценный камень. Напротив — во мне столько гнили. В такие моменты богатые люди начинают осознавать, что они не лучше, чем остальной народ в мире? А, может, даже хуже...

Мы продолжаем разговаривать, обсуждая Фаворского в самых худших проявлениях этого. Доходит до того, что я даже могу засмеяться, когда Герман говорит, что тот — полный мудака, как и его папаша. Ох, с этим я точно согласна! И когда Левандовский вызывает, якобы присутствующего здесь Эмина на воображаемый дуэль, я улыбаюсь. Я, и вправду, улыбаюсь! Искренне, без задних мыслей, без горьких воспоминаний. Я уже было собираюсь спросить Германа про его скелеты в шкафу, но в нашу идиллию вмешивается Маргарита.

— Работаете? — задает она, скорее, риторический вопрос, появляясь у входа и оглядывая зал.

Марго задерживает на мне взгляд. Мы с нею не встречались на прошлой смене, но теперь я вижу, что, приняв меня на работу, она получила доступ к управлению. Я для нее более не гость — подчиненная. И не видно в ее глазах ко мне никакого уважения. Ничего подобного.

— Работаем, — просто отвечает Герман, относясь к менеджеру спокойнее, чем я.

Но ведь не на нем она свое внимание остановила. Марго подзывает меня к себе, махнув

рукой в сторону коридора.

— Лолита, можно тебя на минуту? — заметив, что я почему-то не решаюсь и шагу сделать в ее направлении, Маргарита закатывает глаза. — Пожалуйста.

Бросив тряпку на стол, я обхожу его и иду следом за менеджером, которая уже направляется в конец коридора. Перед нею две двери: одна ведет к номерам и кабинету начальства на втором этаже, другая же — это выход на ресепшен. Марго открывает вторую, и как только я оказываюсь вблизи с ней, заталкивает меня внутрь, прижимая после к какому-то старому шкафу. В рабочей комнате, из которой, судя по всему, можно выйти к стойке администратора, чтобы встречать гостей, никого нет. Столы пусты, бумаги аккуратно сложены в стопки. Все это я осматриваю краем глаза, пока мое сердце бешено стучит.

— Вы что делаете? — цежу сквозь зубы, пытаюсь от себя оттолкнуть ненормальную.

Но она сильна.

— Слушай, девочка, я не знаю, какая влиятельная семья тебя породила, сколько денег у твоего папочки, сколько у него домов, машин и проституток, и я понятия не имею, откуда тебе известно про Фаворского, но это не значит, что ты можешь обсуждать его в стенах этого отеля, ты поняла?! — ее тон вряд ли можно назвать вежливым.

Она говорит грубо, коротко и продолжает делать мне больно. Ко всему прочему, Марго еще и вцепилась мне в запястье, чуть ли не царапая кожу ногтями.

— Нет, — шепчу, но не от страха, а от недоразумения. — Я не понимаю, как вы связаны с Эмином... И почему я не могу говорить о том, кто...?

Она затыкает меня, надавив сильнее на грудную клетку, заставив меня задыхаться, а я, еще ни работавшая до этих дней ни в одной организации, все же сомневаюсь, что ее действия соответствуют рабочему этикету.

— Издеваешься, что ли? — шипит Маргарита.

Ничего не отвечать в данном случае — это лучшее мое решение. А как отомстить этой дуре, я потом решу. Она плотно закрывает веки, выдыхает, и когда открывает их, убирает от меня руки.

— Молчи, — угрожающе наставив на меня палец, тихо произносит Марго. Ее глаза странно блестят, как будто, она боится. Да серьезно?! — Хватит разговаривать со своим новым приятелем на темы, которые и тебе, и мне, и ему принесут проблемы. Ты же не хочешь этого?

Вместо того чтобы отрицательно качнуть головой, или сказать хоть что-либо, я все еще не могу проронить ни слова, лихорадочно размышляя над замечаниями менеджера. И все-таки решаюсь, на свой страх и риск, спросить:

— Какое отношение к тому, что вы сейчас сказали, имеет Эмин Фаворский?

Какое ей дело, вообще, до моего бывшего? Это мое прошлое, и я с ним сама буду разбираться. Но Марго, упирая ладони в бедра, хихикает с некой ожесточенностью, как будто, считает меня очень, ну, очень глупой.

Она открывает дверь, и прежде, чем выйти, предупреждая мне бросает:

— Я тебе все сказала, Лола. Хватит из себя дурочку строить. Не время сейчас, когда у нас начальство сменилось. Тут каждый в зоне вылета с работы, а я своим местом не хочу рисковать! — последнее предложение Маргарита практически выкрикивает. Сжав кулак, она осматривается, потом вновь возвращается взглядом ко мне.

Ладно, я не была в курсе, что начальство поменялось, но все равно, что за...?

— За тебя отвечаю я, — ткнув себе пальцем в грудь, говорит банкетный менеджер, — я

тебя на работу приняла, я за тебя ручалась. Если еще слово про Эмина, или про его отца скажешь, вылетишь отсюда. Надеюсь, тебе все понятно.

Женщина скрывается за дверь, но после вновь резко открывает ее, заставляя меня вздрогнуть от неожиданности.

— И да, кстати, принеси завтра, наконец, свои документы, официально тебя нужно оформить на должность, — сказав это, даже не глядя на меня в этот раз, она удаляется.

Последние ее слова выбивают меня из колеи. Я думала, что если здесь получаю зарплату ежедневно, работаю официантом (не администратором, менеджером, директором, и даже не старшим официантом), никому и дела не будет до моего паспорта. Но теперь, что, придется его показывать? После этого разговора Маргариту вряд ли порадует его содержимое. Ей однозначно не стоит знать, что фамилия моя — не Рубинян, как я сказала ей ранее.

Не Рубинян — Фаворская.

Три года назад. Расставание...

Это было и это прошло.

Сначала казалось, что это самый красивый блеск в моей жизни — блеск обручального кольца на пальце. Кольцо, которое Эмин несколько часов назад надел мне на палец, валяется на постели, как и фата, дорогие сережки и ожерелье. Ничего мне не нужно от этой мерзкой семьи! Глаза плохо видят, потому что слезы капают, одна за другой, на подвенечное платье. Застилает взор это чертово страдание! Если бы только знала, в кого влюбилась! Если бы только знала...

Я даже не думаю о том, чтобы поместить все свои вещи в чемодане. Важным аспектом являлось то, чтобы не бросать туда одежду, подаренную им, Эмином, и первое время это правило учитывалось, но потом стало просто наплевать, и пока он продолжает разговаривать со своим отцом обо мне, очередном «успешном проекте», я пытаюсь незаметно уйти, пока, правда, не знаю, как это сделать. И пытаюсь всхлипывать тише, чтобы он, стоя за дверью номера дорогой гостиницы, не услышал.

Мы приехали сюда счастливыми, но, в конце концов, удовлетворенным остался только один из нас. И это определенно не я. Не знаю, что он говорит сейчас своему папе, даже слышать не хочу, пускай старик проваливает вновь на остров, не желаю его больше ни видеть, ни знать! Пусть и сына своего забирает. Чертов ублюдок!

Обрывки случайно услышанной мной беседы терроризируют мой мозг, вторгаясь в сердце. С каждым вдохом становится все больнее. Больно от мысли, что я настолько растворилась в человеке, а все это, абсолютно все, было тщательно проработанной операцией. Не знаю, смогу ли я простить своего отца за то, что он тоже в этом участвовал... Но самое паршивое, что мне и пойти некуда, кроме как вернуться домой. С Эмином жить я не останусь. Могу на время остановиться у какой-нибудь из подруг, но продолжаться вечно это не может. Я без средств существования. Деньгами меня обеспечивал жених, теперь уже, официально муж. Осталось немного на банковском счету — то, что я еще не успела потратить, но как только до папы дойдет слух, что я бросила Эмина, он сразу же заблокирует и эту сумму, сомневаться в этом не приходится.

К сожалению.

Закрывая чемодан, я догадываюсь, что Эмин возвращается в номер по тому, что он бодрым голосом обращается к персоналу:

— Otra de cava en la habitación nupcial, por favor! (Пер. с исп.: «Еще шампанского в номер новобрачных, пожалуйста!»)

Закажи себе лучше венки на могилу, сука, и стопку водки, потому что только уголовный кодекс удерживает меня от того, чтобы не убить тебя!

Он входит в комнату, вертя галстук-бабочку на пальце, а мне представляется, как им я душу его. Я знаю, что он пьян, но меня это не сильно колышет. И не беспокоит сейчас даже то, что когда Эмин немного выпьет, он становится неуправляемым, особенно, если его разозлить.

В спальне огромного номера из музыкального проигрывателя звучит песня его любимой группы — Mumford and Sons. И если по растекшейся из-за слез туши ему не понятно, как я зла, то туфля, попадающая прямо в сердце приемника, должна его отрезвить. Я очень, очень, очень сильно на него обижена. И, надеюсь, мне не придется объяснять Эмину, почему именно...

— Что происходит, любимая? — его голос становится строгим, но не теряет обеспокоенности и тревожности.

За наше общее будущее, ага.

Он перестает играть! Слава Богу, этот приемник затыкается, иначе я убила бы его об пол. И плевать, что на это скажет Эмин. Мне вообще на него теперь глубоко плевать.

— Да ладно тебе, — снимая платье, откликаюсь со свободной интонацией, — можешь не притворяться, я все слышала.

Я не вижу, но знаю, что желваки играют на его скулах, и он еле сдерживает себя от крика. Поскольку все пошло не так, как он того ожидал. Брачную ночь испортил звонок отца Эмина, и это единственное, за что я ему благодарна. Проклятый старик!

— Что ты слышала? — холодно вопрошает Фаворский.

Я не отвечаю, раздеваясь до нижнего белья, потом быстро натягиваю джинсовую и юбку и коричневый блейзер. Он повторяет свой вопрос жестче, когда я игнорирую его. Тогда я все-таки решаю утолить его любопытство.

— Все. То, как ты и наши родители кормили меня ложью все эти два года.

Он подходит ближе, я оборачиваюсь, услышав это, и отхожу дальше.

— Господи! — пытаюсь не разрыдаться, но слезы вновь каплют, и чтобы не удариться в истерику, нужно приложить нехилые усилия. — Я же полюбила тебя! А ты... — я поднимаю на него глаза, смотря с нескрываемым отвращением. — Ты... Как ты мог заключить сделку со своим отцом, Эмин? — рука сама тянется к горлу, и я прикладываю ее к горячей коже шеи, как бы, уговаривая дышать. Получается все тяжелее... — На меня? Новая машина, большая половина акций фирмы, которая и так достанется тебе после смерти папы, вилла на побережье! Все это ты получил! Вот, что Фаворский предложил тебе за меня? Да?!

Он не отвечает, потупив взгляд. Его руки в карманах, но я так хорошо его знаю, что буквально вижу, как он сжал ладони в кулаки.

— Почему ты молчишь? — горько засмеявшись, говорю я, никак не в силах остановить проклятые слезы.

Он качает головой. Просто качает головой.

— Ты не понимаешь, — шелестит губами. В другой ситуации я не слышала бы этих слов, но сейчас прислушиваюсь к каждому звуку, исходящему от Эмина.

— Чего же я не понимаю?

— Я не хотел жениться, ни на тебе, ни на любой другой девушке, Лола, — медленно, с

расстановкой произносит Фаворский младший. — Папа долго меня уговаривал, он с твоим отцом уже договорился, ему просто нужно было заключить контракт и соединить бизнес. Вот и все. А мы с тобой, — Эмин высовывает руку из кармана и ведет ею в пространстве между нами, — лишь пешки.

Остановив на секунду тихие рыдания, я выставляю руку и отрицательно машу головой.

— Неет, — говорю спокойно, но потом перехожу на крик: — Нет! Не смей говорить про нас! Пешка в этой игре только я, ясно тебе?! Только я одна.

Эмин поворачивается к окну, меряет комнату шагами. Он продолжает свой рассказ, как ни в чем не бывало:

— Слушай, да, я согласен, наша встреча была подстроена мной, я ведь не отрицаю. Но только первые месяцы, Лолита, лишь первые месяцы для меня ты оставалась проектом, потом я тебя полюбил... — он сдвигает брови, звуча отчаянно и безнадежно.

Но откуда мне знать, играет ли он и в этот раз?

— Какая разница, — смахнув слезы, закрываю глаза. — Это было и это прошло, — почти неслышно выдаю и возвращаюсь к чемодану.

Застегиваю молнию, и ставлю его на пол. Эмин загораживает меня вход в ванную. Он отводит край рубашки, пальцем постукивая по кости левой ключицы.

— Думаешь, я бы набил татуировку с твоим именем, если бы не любил тебя?! — спрашивает он, переходя к более ярким тонам — это похоже на безысходность. — Просил бы я тебя набить слова из нашей песни на руке? — говорит он, глядя на меня.

Я смотрю на него чуть дольше, положенного, а потом с легкостью отталкиваю. Он поддается.

— Хорошая попытка, — отвечаю, не оборачиваясь. Забираю свой крем для лица и зубную пасту в специальном футляре. — И нет никакой нашей песни, — договариваю, бросая эти вещи в один из отсеков чемодана.

Эмин шагает в гостиную. Я понимаю, что его действия полны злости и ненависти. Это очень похоже на то, что я чувствую в данный момент. Доставая из бара бутылку, он сильно хлопает дверцей шкафчика. Открутив крышку, парень бросает ее в дальний угол комнаты, и первые глотки делает прямо с горлышка, но потом берет с полки стакан и наливает в него... виски? Выпив до дна, наливает еще. Мне лучше быстрее уйти отсюда. Но Эмин останавливает меня одной фразой:

— Я не дам тебе развод.

Засмеявшись, в этот раз — даже совсем не грустно, я отвечаю, повернув голову в его сторону:

— Ну, наконец-то, ты перешел от нелепых и лживых признаний в любви к настоящему себе. Я так долго ждала, когда ты расколешься, — произношу саркастично, взглянув демонстративно на часы, висящие на стене. — Целых двадцать минут! Bravo! — хлопнув в ладоши, надеваю черные туфли и распускаю волосы.

Хорошо бы еще умыться.

Эмин преодолевает расстояние между нами с невероятной быстротой. Он захватывает мощными ладонями мое лицо, заставляя смотреть только на него.

— Я люблю тебя, понятно?! Я люблю тебя! Я серьезно влюбился в тебя! И никто не знал, что это произойдет! Я женился на тебе по любви, Ло!

Он называет меня «Ло», изредка, но называет. И раньше мне это очень нравилось.

Что сказать ему? Что не верю? Он и так, наверное, догадывается об этом.

— А машина-то дорогая? — Единственное, что приходит мне на ум, чтобы сделать ему побольнее.

Он звереет, прислоняет больно меня к стене. Кости ноют от удара. Хватает пальцами мой подбородок, сдавливая его и говорит, произносит каждое слово вблизи от моего лица:

— Я не разрешаю тебе так со мной разговаривать.

В тщетных попытках отстранить его от себя я лишь теряю силы. Порой забываю, с кем имею дело — он большой и накаченный и имеет весомое преимущество против меня — худой и хрупкой.

— Мне безразличны все твои запреты. Я сама решаю, как говорить с тобой.

Этот мой ответ бесит его еще больше, он хватается за руки и возводит их кверху, держа над моей головой одной ладонью. Я отбиваюсь ногами, но мерзавец раздвигает их и устраивается между ними.

— Я тебе развод не дам, Ло, — шепчет у моего уха, потягивая мочку, от чего раньше я бы возбудилась, а сейчас мне противно.

Я уже слышала. Он уже говорил это. И меня сейчас вырвет от его близости. Подумать только, я так любила его, а теперь меня тошнит от человека, прижимающего меня к стене комнаты.

— Ненавижу тебя, — хнычу, стараясь изо всех сил вырваться из его хватки. — Ненавижу!

— А я тебя люблю, — словно, с одержимостью говорит Эмин.

Его пальцы уже на моих трусах, он стягивает белье, которое я так тщательно подбирала к нашей брачной ночи, вниз.

— Не смей! — кричу я. — Не смей, сволочь!

Я знаю, что он пьян, потом, может быть, будет жалеть о том, что собирается сделать, но, черт возьми, даже на секунду я не собираюсь оправдывать его поведение. Ну и что, что он выпил?! Эмин — настоящий козел, и если он возьмет меня против силы, я ни за что не смогу простить его. Я буду его ненавидеть всегда. Неужели он этого хочет?

Через несколько мгновений, когда мои кружевные трусы бежевого цвета уже лежат на полу, до меня доходит смысл его намерений, благодаря тому, что он говорит мне, пока свободной рукой расстегивает ремень на брюках.

— Если ты залетишь, уже никуда не денешься от меня, — оставляя засос на шее, поднимается выше.

Нет, нет, нет!

— Пожалуйста, не надо, — остается лишь давить на жалость и на любовь ко мне, в которой он так уверен и пытался уверить меня. — Пожалуйста, Эмин, не делай этого.

Его глаза находят мои, дыхание становится ровным. Мне кажется, он понимает, что совершает ошибку. Его серый взгляд выказывают сожаление, но он не меняет своего решения и входит меня. Его лицо морщится, когда я кричу сильнее. Эти слезы становятся мне ненавистны, но от них не избавиться. Шумоизоляция в нашем номере — вот, что самое зло. Меня никто не услышит. Пока Эмин насилует меня, пока я пытаюсь это прекратить... у меня есть только я, и мне с ним не справиться. Но никто не придет на помощь, потому что никто не знает, что это брачная ночь стала для меня путевкой в настоящий ад.

— Ненавижу тебя! — кричу и бью его по спине, когда он отпускает мои руки и хватается за мои бедра, неистово двигаясь внутри меня, рыча, как настоящий зверь. — Ненавижу! Отпусти! Ненавижу!

Осознание, что ему все равно, приходит тогда, когда он кончает в меня, выдохнув и повалившись на меня камнем. Я жалобно скулю, все так же упираясь ладонями в его широкие плечи. Это просто не может быть правдой... Не может быть...

Эмин отодвигается, глядя на то, что сотворил с долей испуга и непонимания. Нет. Полного непонимания. Будто это был не он. Будто только что в него вселился сам дьявол. У меня дрожат ноги, но вовсе не от удовольствия.

— Ло, — прорывается его голос через звуки моих всхлипов.

Его раскаивающийся голос и сокрушающийся взгляд могли бы когда-то на меня повлиять, но не в этой ситуации. Я отхожу от него назад, не решаясь повернуться спиной. Он следует по пятам, то пятерней зарываясь в свои волосы, то сжимая ее в кулак. Вновь.

— Ло, пожалуйста, — звучат с досадой слова, которые Эмин произносит. — Я не хотел...

— Не подходи ко мне, — предупреждаю я, отбегая на приличное расстояние.

Захожу в гостиную, разбиваю бутылку виски, которую парень оставил на столе, и выставляю перед собой острые края того, где раньше хранился его любимый алкогольный напиток.

— Я сказала, не подходи ко мне!

Во мне просыпается ярость. Но он останавливается. И теперь мне хочется броситься на него, изрезать осколками бутылки и оставить подышать на полу шикарного номера. Я не хочу больше оставаться здесь. Закрыв рот рукой, заглушая неутешительные рыдания, роняю из рук горлышко бутылки. Мне не страшно. Я не чувствую, что должна бояться. Я просто прохожу быстро в комнату, забираю свою сумку с самыми необходимыми вещами, оставляя в номере чемодан и нижнее белье. Когда я открываю дверь, Эмин все еще пытается что-то с этим сделать:

— Я люблю тебя. Я, правда, люблю тебя, Ло, — жалостно отзывается парень.

Мне на это нечего сказать. Я не могу на него брезгливо взглянуть, потому что у меня не осталось сил даже для этого.

Однажды жизнь его накажет. Если она, при этом, захочет меня в помощники, я не стану отказываться.

Наши дни

— Проходи, — приглашаю Германа войти в квартиру, которую мне подарили на день рождения. — Сюда я убежала из родительского особняка, когда ругалась с предками.

Левандовский присвистывает, увидев люстру, висящую в гостиной. В Италии заказывали. Настоящий хрусталь.

— Ну, ничего себе убежище, — в своем духе шутит Гера, бросая рюкзак на кожаный темный диван.

Я направляюсь на кухню, а он идет следом.

— Чай? Кофе? — спрашиваю, включая электрический чайник в розетку.

Пыли тут, конечно, немало собралось. Но я пообещала себе, что после ночи приеду сюда. Одной было бы скучно, поэтому захватила Германа с собой.

— Зеленый, — говорит, рассматривая кухонный гарнитур синего цвета, — с лимоном.

Через минуту он оценивающе изрекает:

— Хорошая квартира.

Улыбнувшись, я достаю из шкафчика коробку с пакетиками зеленого чая с ароматом

жасмина и спешу удалиться в ванную. Мы беседуем, пока я, прикрыв дверь, раздеваюсь. Не обратив внимания, что Герман замолчал, снимаю с себя футболку, но потом замечаю, что через щель он подглядывает за мной. Прикрыв себя, я подлетаю к двери, высунув из ванной только лицо.

— Не подглядывай! — громко возмущаюсь я, футболкой ударяя Геру по заднице.

Он гогочет и отскакивает назад.

— Да ладно, — продолжает смеяться парень, — мне просто было интересно.

Указывает на мою руку, слегка нахмурившись:

— Так эта вытатуированная надпись посвящена ему, да?

Я не собиралась выкладывать Левандовскому всю историю, и чтобы отделаться от его вопросов, я напоминаю ему:

— Вообще-то, твоя очередь рассказывать о себе.

Я закрываю дверь, но через просвечивающееся стекло, из которого она сделана, видно, что Герман прислонился к ней спиной. Не спешу включать воду в душе.

— Ты так и не закончила говорить о той ночи после свадьбы, — несмотря на мое замечание, он не может утомиться.

Какого-то хрена прямо в эту секунду вспоминается, что где-то в этой квартире у меня еще хранится первый альбом Mumford and Sons. Нужно найти и выбросить к чертовой матери! Трясу головой, чтобы эти мысли, абсолютно мне сейчас нужные, вылетели из нее. Ну, честное слово, когда меня оставят они в покое? Маргарита сыграла важную роль в том, чтобы ночью меня снова мучали кошмары.

— Лола? — осторожно произносит Герман.

Я знаю, что ему не хочется меня доставать — у него есть дар поддерживать человека, приободрять, хотя вряд ли Гера догадывается об этом.

— Мм? — с той же интонацией отвечаю я, замерев над стиральной машиной, стоя возле нее в лифчике и трусах.

Следующее, что он говорит, выходит из его уст почти невинно, так, словно, он не хотел интересоваться, но ему пришлось:

— Он тебя изнасиловал?

Мне самой было интересно спросить у него, что он знает о новом начальстве «Моны», потому что я так и не сказала ему правду о том, зачем Марго ночью отозвала меня к себе на несколько минут. У нас бы сложился интересный день, мы бы пили вино, смотрели «Зеленую милю» и «Побег из Шоушенка», обсуждали бы эти фильмы, вкусно поужинали, а потом я постелила бы Герману в гостиной, но мне, наверное, придется попросить его уйти. Потому что... я не могу. Я просто не могу... И как тогда, я прикрываю рот ладонью, чтобы парень не услышал моих рыданий.

Он просто нажал не на ту кнопку.

Не стоило.

ГЛАВА 8.

Кто здесь на моей стороне?

Лолита

Три года тому назад...

Любовь не признает жестокости, ненависти, лжи и насилия. Так я раньше думала, я была в этом уверена. Ровно до этого дня, до тех злосчастных часов, когда я уже летела на самолете в Россию, купив билет за деньги, которые прислал отец, как только я ему

позвонила, сказав только что мне плохо, и хочу вернуться, а дальше с моей стороны последовало нечто нечленораздельное из-за моих нескончаемых рыданий. Я летела и думала, что не знаю, когда это кончится, но все еще мое сердце принадлежит подонку, который несколько часов назад изнасиловал меня. Взял меня против воли в нашу брачную ночь, сразу после того, как мне стало известно про его ложь.

Такси медленно подъезжает к участку, принадлежащему нашей семье, останавливается у высоких ворот, и, расплатившись с водителем, я выхожу, держа в руке единственное, что забрала из Испании — сумку. Одна несчастная сумка — это конец нашей с Эмином истории. Если бы я знала об этом в самом начале, когда он, словно, случайно столкнулся со мной у входа в океанариум, позволила бы я очаровать себя, в таком случае? И обратил ли он на меня внимание, если бы ему не нужно было меня очаровывать?

В Москве раннее утро. Птицы только начинают петь, погода ожидается хорошая погода, солнце уже слегка выглядывает из-за горизонта, а ветер, такой ласковый и нежный; он запутывается в моих распущенных волосах. Охрана открывает ворота передо мной. Я захожу внутрь огромного двора, над которым наш собственный ландшафтный дизайнер позаботился очень хорошо. На лестнице, ведущей к крыльцу дома, замечаю отца. Он у меня почти так же высок, как Эмин. Лицо гладковыбритое, на голове темные волосы подстрижены под «ежик». Как всегда, еще не ложился — работал в своем кабинете. Это можно понять по тому, что он все еще одет в костюм. Синий галстук ослаблено висит на шее. Видимо, сегодня его не мама подбирала, поскольку тот совсем не сочетается с бежевым костюмом и белой рубашкой в клеточку. Они с мамой не присутствовали на брачной церемонии в Испании, потому что мы устроили для них, наших близки и друзей, проживающих в Москве, отдельную вечеринку неделю назад. В Мадриде было не так весело. Боже, о чем я думаю...

У папы такое вымученное выражение лица, как будто прямо сейчас он упадет на колени передо мной, поэтому и держится за перила, чтобы не случилось этого. Я стараюсь не смотреть в его сторону. Он все и так понял. Спасибо на том, что разрешил вернуться, не стал спорить и доказывать свою точку зрения, выслал денег. Но его глаза, полные сожаления, уже ничем не помогут. Не знаю, когда смогу простить ему то, что он меня продал, в буквальном смысле слова?

Смогу ли?

Папа вырастает передо мной стеной, когда я пытаюсь пройти в дом. Мы оба молчим, но он смотрит на меня, я это чувствую, а я, напротив, опустила глаза вниз, не хочу видеть его, не хочу слышать того, что он скажет. Когда я все-таки делаю шаг в сторону, отец не предпринимает больше попыток, чтобы задержать меня. Но он идет следом за мной, его шаги отдаются в моих ушах. И это так неприятно! Никогда не думала, что человек, который столь мне дорог, в одночасье может опротиветь. Я никогда не хотела, чтобы это произошло в нашей маленькой дружной семье. Надеюсь только, что мама не была впутана в этот фарс, и если это так, то пусть она и не будет знать всей правды, даже если мне удастся развестись с Эмином.

— Мама сегодня у тети Риты ночует, — казалось, отец читает мои мысли.

Он произносит эту фразу, и моя нога замирает над ступенью, на которую я собиралась шагнуть. Сердце не на шутку колотится в груди. Ей Богу, словно сумасшедшее! Наверное, когда получаешь пулю в грудь, то боль ощущаешь не сразу, а спустя некоторое время. Прямо перед смертью. Боль приходит вместе с холодом и безразличием? Если все так, то у меня сейчас похожие чувства. Так почему же мне не все равно? Почему я продолжаю страдать,

отчаянно заставляя себя больше не плакать?

Не получается.

— Ты прости меня, пож...

Вскидываю руку, не глядя на отца, и перебиваю его, прежде чем он успеет закончить:

— Даже не думай говорить об этом! — сначала резко выдаю я, а потом спокойнее проговариваю: — Даже не думай, папа.

Папа. В голове снова и снова крутится это слово. Папа — человек, который должен оберегать, защищать и любить. Тот, кто плакал, в ожидании врача, вместе с тобой, когда в детстве ты рыдала и жаловалась на жуткую боль в животе. Тот, кто притворялся для тебя Дедом Морозом, чтобы ты улыбалась. Тот, кто помнит список твоих любимых мультфильмов наизусть. Кто ел поздно ночью на кухне с тобой конфеты, пока мама не видит. Кто отдаст за тебя жизнь, сколько бы лет тебе ни было. Это выходит за рамки моего понимания, но как... как папа может предать, после всего того, что вы прошли вместе? Как он может причинить самую худшую боль, ведь он любит меня, свою принцессу, больше всего на свете?

Я решаю повернуться, когда оглушающая тишина становится просто невыносимой. Стоя на ступеньках длинной деревянной лестницы, я смотрю на него, плечи у отца поникли. Руки опустились по швам и, то и дело, он нервно загибает пальцы.

— Это было удачной сделкой с самого первого дня, — смахнув слезу, улыбаюсь я с грустью.

Пожимаю плечами, как будто сама не вижу в этом ничего плохого, но на самом деле схожу с ума от происходящего.

Отец качает головой.

— Отец Эмина сказал..., - он прочищает горло, и продолжает после: — ... сказал, что подпишет договор только, если вы с его сыном поженитесь. Тогда я не думал о том, что все вот так обернется, — взмахнув руками, папа вздыхает. — Я просто... я не хотел, чтобы до такого дошло. Но это было очень выгодным предложением, Лолита! — с внезапной горячностью в строгом голосе оправдывается мужчина, на которого я внимательно теперь смотрю. — А Фаворский — хорошая партия для тебя. Я всего лишь убил сразу двух зайцев.

Я выпускаю смешок, вместе с ним по щеке скатывается очередная слеза. Отец все решил за меня, он хотел соединить свой бизнес с бизнесом Эмина старшего, даже сейчас он не считает, похоже, что поступил плохо.

Ему не нравится, что приходится передо мной вымаливать прощение, хотя я и не хочу этого. Ему не нравится, что козыри не в его руках.

— Я могу поздравить тебя с удачно подписанным контрактом? — саркастично вопрошаю, не повышая тона.

Он играет желваками, ничего мне на это не отвечая, но принимается ходить из одного угла комнаты в другой. Но в следующую минуту из его рта вылетает новая порция оправданий в его стиле:

— Почему ты сбежала, а? — укоризненно спрашивает мужчина, чью фамилию я носила до вчерашнего дня. — Ты же любишь его. Нужно было все портить из-за того, что случайно подслушала разговор Эмина с отцом? Такое сплошь и рядом случается, Лолита, ты должна была понимать, что однажды и ты выйдешь замуж за обеспеченного человека, потому что я, — он показывает двумя руками на себя, — Я не позволил бы случиться другому! Но ты была с ним не по расчету, — с каждым словом говорит громче. — Что изменилось, когда ты

узнала, что все было подстроено?

Ясно. Мой новоиспеченный муж уже позвонил папе и пожаловался. Я ошарашена и не скрываю этого. Коротко смеюсь, но смех этот веселым назвать никак нельзя. Даже не знаю, как ответить отцу, чтобы не вставлять маты через каждый, нахрен, звук!

— Что изменилось?! — Я спускаюсь ниже, активно жестикулируя. Хочу видеть его глаза, которые так бессовестно наблюдают за каждым моим движением. После того, что он сделал и сказал впоследствии, ему вообще нельзя на меня смотреть. — Ты серьезно сейчас меня спрашиваешь об этом? Тебе когда-нибудь бывает стыдно, пап? Мне за тебя вот сейчас очень стыдно...

Он топает ногой, на шаг приближаясь, но вовремя останавливается, собравшись, по всей вероятности, с мыслями. Наверное, осознает, что виноват в этой ситуации и не может заткнуть мой рот, но все пытается и пытается, пытается и пытается...

— Не смей так говорить со мной, — машет указательным пальцем, чуть наклонившись вперед.

Нас разделяет пара метров, а, кажется, будто целая пропасть. Мне хочется сказать, что я ненавижу его, но я понимаю, что это будет вывалено мною на эмоциях, и потом я смогу пожалеть о том, что говорила. Я молчу, но не ради него, а ради себя. Не хочу оказаться на его месте: не хочу жалеть о содеянном.

Разговаривать со строгим отцом армянской национальности и стараться доказать ему свою правоту — почти то же самое, что биться о стену. Толка, ровным счетом, никакого. Я поднимаюсь вновь наверх, не сказав больше ни слова, но в этот раз я иду быстрее, чтобы не передумать. Отцу вновь удастся меня остановить, однако в этот раз произнесенная им фраза настолько весомая для меня, что я не могу ее игнорировать.

— Правильно, сходи, прими душ, переоденься, потому что твой муж скоро заберет тебя домой, — сообщает папа грубо.

На ватных ногах спускаюсь обратно. Сердце готово выпрыгнуть из груди, ну, или на крайний случай, остановиться. Я дрожу, когда подхожу к отцу, вот теперь мне удастся посмотреть в его глаза напрямую, когда нас не разделяют метры недопонимания и алчности.

— Ты что такое говоришь? — возобновив тихие рыдания, шепчу я.

Отец бледнеет. Он не ожидал такой реакции. Позволив на мгновение расчувствоваться, он так же быстро берет себя в руки. Если бы я вела с ним дела, а не была его дочерью, меня бы это восхитило.

— Не надо, — продолжаю шептать. — Пожалуйста, не надо...

Чтобы успокоить мой приступ паники, папа хватает меня за локоть, по-видимому, посчитав, что это может помочь, но это заставляет меня плакать сильнее. Тогда он кричит взбешенно, поскольку в его планы вмешались чувства, на которые он не рассчитывал:

— Он вылетел следующим же рейсом после тебя, Лола, ты слышишь меня, бл**ь, или нет?! Все договорено уже, все подписано! Возвращаешься к мужу и точку!

Убрав от меня руку, он напоследок слегка толкает к лестнице, намекая, чтобы шла приводить себя в порядок. Но, закрыв лицо руками, я падаю на пол, а потом рассказываю ему правду, которую, скорее всего, упустил Эмин. Я надеюсь, что упустил, ведь если папа готов вернуть меня ему вопреки жестокости Фаворского, тогда я вконец разочаруюсь в родном мне человеке.

Следующее, что я помню — это то, как приезжает Эмин через несколько часов. Я не могла заснуть. Я сидела в саду, после того как тщательно помылась, чтобы смыть с себя весь

ужас прошлой ночи. А потом приехал он, и его пропустила охрана... Эмин гнался за мной, крича, чтобы я остановилась и выслушала его, пока я бежала к входной массивной двери. Я юркнула в дом, и вышел отец. С ружьем. Он выстрелил. Сначала я не чувствовала ничего, но позже подбежала к окну, и какое-то странное облегчение появилось в груди от того, что с Эмином все в порядке. Засранец сумел увернуться от пули. Он отступает, подняв руки кверху. От того, что папа на моей стороне, мне радостно, но это странная радость. Вовсе не счастливая. Из-за того, что разговор, состоявшийся ранее, показал, насколько компания для него важна. Важнее, чем семья.

Прежде чем охрана выводит Фаворского за пределы внутреннего двора особняка, он успевает встретиться за мной взглядом, и я тут же, не понятно, почему испугавшись, прячусь за шторы. Я вижу, как он садится на заднее сидение «Аудио», как загораются фары, а потом машина стремительно уносится с места. Так же стремительно, как и мой папа заходит в дом, хлопнув дверью с огромной силой. Он идет на кухню, бросив ружье на софу в гостиной. Вообще, отец никогда не позволяет себе так неосторожно поступать: относиться к оружию столь легкомысленно, но сейчас он зол не меньше моего. Достав из мини-холодильника, встроенного в кухонный островок, бутылку джина, он наливает себе этот алкогольный напиток в заранее подготовленный стакан, выпивает до дна порцию и сразу же опрокидывает в себя следующую. Хочу отобрать у него бутылку, но руки начинают дрожать при мысли об этом: совсем недавно я сама грозилась горлышком от «Джека» убить Фаворского. Просто не могу, ощущение какого-то бессилия атакует. Самое паршивое чувство в мире!

— Все, — грустно, совсем пораженно произносит отец, — папаша твоего козла не позволяет подавать на развод. Я ему звонил перед тем, как его ненаглядный сын появился. — Минутой позже папа держит меня за руку, сидя на барном стуле, и умоляюще глядит мне в глаза: — Не делай этого! Умоляю, Лола, не делай! Он нас обанкротит и по миру пустит! Лола, пожалуйста..., - настаивает отец, не находя больше слов.

Я, поглощенная болью, наивностью и эгоистичностью, принимаюсь протестовать:

— Так сделай же ТЫ что-нибудь! Ты все можешь! Почему сейчас сдаешься?!

Вижу, как кулаки сжимаются, но не могу остановиться, потому что я на него зла даже больше, чем он думает.

— Это ты во всем виноват, — звучит в тишине мой голос. — Я тебе доверяла, я по-настоящему полюбила...

— Но ведь полюбила же! — возвышаясь надо мной, настаивает папа.

Очень напряженная обстановка, мы разговариваем на повышенных тонах, а мое сердце горит. В такие моменты я могу выдать все, что угодно. Потом приходит сожаление, но не в этот раз. Теперь время другим жалеть, что обидели меня.

— Даже не представляю, что тебе нужно сделать, чтобы получить мое прощение, — приближаясь, я говорю тихо, вкрадливо. — Но я не поеду к нему, ты слышишь? И я буду требовать развода.

Тут он смахивает бутылку со стола, она разбивается о кафельный пол кухни, куски от нее разбросаны по всей комнате, жидкость растеклась лужицей у папиных ног. Его глаза с безумием смотрят на меня.

— Ты будешь терпеть! — орет он. — Нет, ты будешь терпеть! — После оглядывает комнату и разводит руки в стороны. — Это все я купил, и то, что ты носишь, — дергает меня за подол юбки, — тоже купил Я! Это все мое! Тебе не нравится твоя жизнь, да? Не нравится

жить обеспеченно? Тогда давай, — выдыхает папа, — давай, иди в суд. Мы влиятельны, Лолита, но мы — ничто по сравнению с ними, Фаворскими... Адвокаты твоего мужа сотрут нас в порошок. Ты же этого хочешь? Валяй!

Когда он меня обходит, я думаю, что теперь он уйдет, но, остановившись сзади, отец все еще продолжает разговаривать со мной.

— Кого бы ты выбрала, если бы не вмешался я, Лолита, мм? Кто бы это был? Неужели кто-то из бедной касты? Неужели какой-то неудачник? Нет! — твердо произносит он. — Ты выбрала бы лучшего! Вот и я выбрал для тебя лучшего! Да, я расширил бизнес. Да, я получил выгоду, но я и о тебе подумал. О внуках...

Он перестает говорить, потому что выдохся. Я поворачиваюсь как раз в тот момент, когда отец кладет руку на лоб, переводя дыхание. Он машет головой, отгоняя, по всей видимости, раздумья. Я, подойдя ближе, хлопаю неоднократно ладонью по его плечу и ухожу из кухни прочь.

— Не будет, никаких внуков, папа...

Пуля не попала в Эмина. Почему я чувствовала облегчение и сожаление одновременно? Я его ненавижу, просто ненавижу. Тогда в той же степени мне нужно ненавидеть и своего отца, и его отца. Но если к Фаворскому старшему испытываю истинную неприязнь, со своим таких ненавистных ощущений не возникает. Я очень зла на него, но ради мамы смогу простить. Однако же прекратить презирать семью Эмина я не смогу, и не только из-за лжи, что внезапно раскрылась, а из-за того, что я должна кого-то винить. Все время. Во всем. Каждому человеку нужна причина его страданий, и мне она необходима.

Наши дни

После ухода Германа в голове крутятся события не только этого дня, но и других: все то время, когда Эмин караулил меня у клубов, магазинов, торговых центров, выслеживая, где я нахожусь, не решаясь приблизиться к нашему дому. Он не боялся отца, я не думаю, что его испугал мой разъяренный старик с оружием в руках, которое чуть его не убило. Мы оба знали, что папа такого бы уже не повторил, несмотря на произошедшее изнасилование. Но у Эмина есть качество, что так нравится моему папе, точнее, нравилось, пока они хорошо общались — Фаворский умеет уважать старших. И, возможно, если бы я все-таки подала в суд — не сразу, а где-то через год, чтобы не поднимать шумиху вокруг его семьи, — то он дал бы мне развод, хотя бы потому, что его и моих родителей связывали отличные отношения в прошлом. Мама так и не узнала, что конкретно случилось, но только из-за нашего расставания стала говорить меньше про Эмина, перестала совсем восхищаться им, и я не спрашивала, как она к нему все-таки относится. Я не знаю, а после того, как они с папой меня бросили, мне совершенно безразлично это.

Папа посчитал, что прошло достаточно времени, чтобы я пришла в себя, и его раздражительность моим нежеланием работать и желанием тратить деньги, бесила. Можно сказать, он сделал одолжение нам всем, избавив от совместной жизни, но хотелось бы иметь доступ и к семейному особняку, и к деньгам нашей семьи.

Я так долго не заходила в свою почту, но я точно знаю, что там хранятся старые письма от него, и именно поэтому я старалась забыть пароль, чтобы больше никогда не было искушения прочитать хоть строчку, написанную им. И я забыла, но он автоматически запомнился моим ноутбуком. А тот лежит на столе, прямо передо мной. Соблазн берет вверх. Мысли о том, что появились новые письма, убивают. Я поменяла номер телефона в

очередной раз, и этот Эмин еще не вычислил. Или кто это делает за него? Его люди?

Все равно отхожу от компьютера, принимаясь ходить по комнате, желая сгрызть ногти. Хоть предложение прочесть. Хоть предложение! Эта одержимость Фаворским, невзирая на ненависть к нему, делает меня нереально уязвимой. А мне не нравится быть такой. Поэтому, когда я в следующий раз подхожу к письменному столу, кладу ладони на крышку ноутбука, я наполнена уже решимостью. Беру в руки компьютер и, дойдя до открытого окна, выбрасываю технику с четырнадцатого этажа вниз.

ГЛАВА 9.

Испанская мечта

Лолита

Герман возится с кофе-машиной в баре, где я застаю его после того, как переоделась в отделе для персонала, потому что это вряд ли можно назвать полноценной комнатой. Он не смотрит в мою сторону, может, нарочно, а может, просто не замечает, однако Катя, которая обязана сниматься в порнофильмах, уже воскликнула недовольно, увидев меня. И она точно назвала мое имя. Но Гера все еще не поворачивается. Ну, блин... Я подхожу ближе, прочищая горло, намекая на свое присутствие, но он не ведет даже плечом, не поворачивает головы. Ничего. Только сосредоточенно ставит чашки в отсеки, чтобы наполнить их ароматным черным кофе.

— Привет, — начинаю нерешительно, — а мне можно один?

Наконец, парень бросает на меня взгляд и тогда же достаточно медленно передает горячий напиток. Первый глоток обжигает горло. Кто-то включил музыку на своем телефоне, громко играет песня Джеймса Артура, а я пытаюсь объяснить перед Германом.

— Послушай...

— Все нормально, Лолита, у всех бывают тухлые времена, и ничего страшного в этом нет, что ты пригласила меня к себе в гости, а потом прогнала, и я через весь город ехал домой.

Его голос пропитан сарказмом и иронией.

— Я не прогоняла, мне просто нужно было побыть одной.

— Зачем же тогда приглашала? — Герман поворачивается к стойке спиной и кладет ладони на темную гладкую поверхность из дерева, мускулы на его руках напрягаются. Они перекатываются под белой рубашкой, поверх которой он еще не надел жилет, тогда как все остальные, включая меня, уже сделали это.

Растерявшись под его пристальным взглядом голубых глаз, я сначала не знаю, что ответить, но потом слова приходят сами собой:

— Я не хотела, чтобы так вышло, честное слово. Я лишь хотела, чтобы мы хорошо провели время.

Голос, прозвучавший внезапно сзади, принадлежит Кате:

— Ого, и что тут происходит?

Повернув голову в сторону, я смотрю на нее через плечо и огрызаюсь:

— Тебя это не касается!

Она сжимает кулаки, подходя ко мне, но Герман реагирует быстро и заводит меня себе за спину.

— Мы с тобой уже говорили о том, как ты привыкла решать проблемы и недомолвки, — говорит он ей, а я не могу сдержать победной улыбки из-за того, что он защищает меня.

Катя негодует, размахивая руками.

— Слушай, Лаванда, ты не знаешь ее совсем. Чего ты вечно подставляешь себя ради этой шавки!

После подобного оскорбления я уже не могу стоять за ним, поэтому пытаюсь прорваться, чтобы надрать задницу девочке ХХХ, но Герман удерживает меня, а Катя только больше разогревает во мне злость и желание отполировать ей лицо.

— Эй! Эй! — он поворачивается ко мне и хватается за локоть, когда я, несмотря на преграду, пытаюсь достать эту сучку. — Эй, мы на работе, помнишь? — говорит он спокойно, но в его голосе слышны нотки раздражения.

Он может помочь мне остыть, я знаю, и у него в очередной раз получается. У Германа Левандовского, который сначала показался мне всего лишь симпатичным парнишкой, не более. Тот самый парень, которого я намеревалась уволить с работы. Хорошо, хоть я уже рассказала ему об этом, не то при нынешних обстоятельствах меня по-особенному бы съела совесть.

— Хорошо, — выдыхаю, переводя взгляд на Германа.

Он все еще обеспокоенно на меня смотрит, потому я повторяю более убедительно:

— Я сказала, хорошо. Ладно.

Парень отходит в сторону, пропуская меня вперед. Направляясь к выходу, я все же намеренно задеваю Катю плечом, она издает такой звук, словно я всерьез обидела ее, хотя мне было видно краем глаза, как девушка пошатнулась. Если бы сказала, что жалею о наших ссорах, то слукавила бы.

Завернув за угол, я захожу в “Сервизную”. Ответственный за этот мини-склад мужчина, имени которого я не знаю, потому что на нем отсутствует бейдж, внимательно осматривает меня, затем спрашивает с подозрительностью и недовольством:

— Ты новенькая, что ли?

К счастью, мне не приходится отвечать на этот вопрос, потому что Герман следовал за мной, по всей видимости, и сейчас он становится в проеме, облокотившись о дверной косяк. Скрещивает руки на груди, не по-доброму глядя на обратившегося ко мне.

— Нам нужно поговорить, — сообщает Лаванда, все еще осматривая мужчину. — Ты что здесь делаешь? — теперь поворачивает голову так, чтобы видеть только меня.

Я роюсь в пакете с каким-то тряпьем в поисках того, что необходимо мне.

— Ищу “бабочку”. В раздевалке не осталось ни одной.

Герман вдруг хватается меня за руку и выводит из “Сервизной”. Вид у него действительно очень серьезный.

— Что происходит? — обеспокоенно интересуюсь я, когда мы выходим в длинный коридор, а Лаванда, как ни странно, оглядывается по сторонам.

Еще немного — и я поверю, что мы снимаемся в чертовом малобюджетном боевике!

— Я кое-что узнал сегодня. Тебе вряд ли это понравится...

Но ему не удается договорить, и я закрываю от отчаяния глаза, услышав голос особы, что так мне опротивела. Она зашла сюда через вход, расположенный рядом с уборными комнатами, задержалась у двери, окликнув меня, а потом медленно ее закрыла и вальяжной походкой направилась к нам. Герман, повернув голову от нее, закатывает глаза.

— Итак, итак, итак, — протягивает самым неприятным образом Маргарита, вставая возле нас, точно палач. — Что мы здесь делаем?

— Мы здесь обсуждаем личные дела, вас не касающиеся. А что тут делаете?

Я не ожидала, что Герман способен разговаривать так с начальством, но мне бы очень

хотелось, чтобы он врезал ей и покрепче. Это было бы отличным финалом для любого боевика, даже для такого малобюджетного, на который походит моя сегодняшняя жизнь.

— Тебе повезло, что у меня мало официантов, — говорит Марго, склонив голову набок, но по ее выражению лица и так ясно, что она не стала бы увольнять Германа — уж слишком менеджера дорожат этим сотрудником, — иначе оказался бы ты уже за пределами “Моны”, Левандовский. Я понятно излагаю свою мысль? Ты понимаешь, о чем я?

Лаванда не отвечает ей ничего, но ему и не надо, поскольку нам с ней обеим ясно, что он смеется над ней, потому и молчит. Пока. Когда он заговаривает, я читаю в ее глазах стыд и неприязнь.

— У вас всегда были проблемы с тем, чтобы излагать свои мысли на уровне моего понимания, Маргарита. — Он отодвигается от меня, чтобы наклониться над ней и прошептать ей в ухо, но достаточно громко, дабы я все услышала: — Все нормально, просто, в отличие от вашего, мой интеллект не хромает.

С открытым ртом Марго стоит возле меня, бесясь, краснея, словно рак, а Германи приходится вновь отправиться в бар. Да, он ненавидит ее, и я могу представить, что он чувствует, но теперь Лаванда оставил меня одну вместе с этой мегерой.

Облизнув губы, Марго поправляет неизменный сиреневый шарф на своей тонкой короткой шее.

— Попробуешь сегодня хоть слово про Фаворского сказать — и я тебя тут же уволю, — угрожает банкетный менеджер, не сводя с меня маленьких глазок.

— Я не тупая, вы мне в прошлый раз все доходчиво объяснили, — откликаюсь, посмотрев в сторону окна.

Я еще долго ощущаю на себе ее взгляд, но потом она выдыхает более-менее облегченно и уходит прочь.

— Ладно, — то, что она произносит, уходя, больше не повернувшись ко мне.

Слава Богу!

Меня, как и остальных официантов, просят пройти в Балл Рум. Я курила рядом с другими коллегами, слушая, как они обсуждают новое начальство, в моей душе поселилось нешуточное чувство тревоги. Все отгоняю его, но помогает мне это плохо. Вернее, совсем не помогает. А потом выходит вечно расстроенная и озлобленная Марго, говорит, что всем нам через пять минут в срочном порядке нужно собраться в задней комнате банкетного зала, у барной стойки. Настроение у всех довольно не радужное: сказываются боязнь перемен и мысли о предстоящем рабочем дне.

У длинной стойки собрались все, кто сегодня вышел на смену. Я захожу последней, все места на высоких браных стульях заняты, а сидеть на мягких диванах, стоящих чуть поодаль от нас, запрещено. Это все во владении гостей “Моны”; наши души, кстати говоря, тоже. Потому что по-другому очень сложно описать штрафной кодекс этого заведения.

— Сейчас начнется, — внезапно подошедший Герман пугает меня, проговаривая эти слова мне тихо на ухо.

Он становится вровень со мной и, вскинув голову, у меня есть возможность посмотреть ему в глаза. Он смотрит то на меня, то в центр комнаты, словно ждет чего-то очень важного. Марго нервно поглядывает на часы. Официанты перешептываются друг с другом. Так и чувствуется, как сплетни, одна за другой, начинают свое существование здесь, между нами всеми.

Я веду плечами, хмурясь, когда в очередной раз ловлю взгляд Лаванды.

— Что начнется? — спрашиваю, зная, что ему многое известно, но наш разговор перебила Маргарита, поэтому он не успел досказать то, что хотел.

И в этот момент, когда Герман открывает рот, подвигаясь ближе, взмахнув рукой, он ничего так и не говорит. Не произносит ни одного слова, а его ладонь замирает в воздухе, взгляд уже направлен не на меня, а цепляется за что-то другое. За кого-то другого? Все происходит в считанные секунды. Обернувшись, мне даже не нужно видеть его теперь, чтобы понять, часть какой мозаики собрана. Все фрагменты пазла найдены, а я была настоящей дурой, если сразу не догадалась или просто даже не хотела думать о том, что Фаворский может стать владельцем “Моны”, и наши судьбы вновь так ловко переплетутся.

Это похоже на замедленные кадры из кино, но звук мужских шагов отчетливо отдается в моей голове, стук каблуков мужских туфель... Через всего каких-то несколько мгновений Эмин уже входит в этот просторный зал, а затем здесь становится нечем дышать. В прямом смысле слова. Как будто кто-то сжал мне горло. Он снова разрушил мой и так расшатанный, мир, как в тот раз, в нашу первую встречу в мадридской библиотеке. Только тогда мне понравилось. Жаль, что спустя время пришлось узнать, что эта встреча не была вовсе непреднамеренной.

Поначалу Фаворский не замечает меня, пальцы его рук соединены вместе, и он с самодовольной улыбкой быстро пробегается взглядом по персоналу. Неужели, я так изменилась? Или он просто не ожидает увидеть меня среди своих подчиненных?

— Всем добрый день, — здоровается Эмин, откашлявшись в кулак. — Как вы уже догадались, ваше новое начальство — это я, — обе ладони устремляет к своему просто сияющему от счастья лицу.

Но подонок так же красив, как и раньше: серые пронизательные глаза, черные, как смола, волосы. Кажется, он даже немного подкачался. По крайней мере, мне его тело представляется более внушительным.

— Эмин Эминович отныне занимает пост генерального директора нашего отеля, — вставляет Марго тоном, выказывающим, что она готова очень долго и упорно ему сосать, чтобы он повысил ее, ну, или хотя бы не увольнял.

Теперь понятны ее тупые истерики, касающиеся меня. Как же она боялась того, что я стану плохо о нем говорить... И как же мне интересна ее реакция, когда теперь ей придется, наверное, обо всем узнать. Мне бы этого не хотелось, но засранец, скорее всего, ей расскажет правду... Или нет?

— О, нет, нет, — его голос звучит легко и непринужденно, даже весело, когда он протестует на ее слова, — я прошу не называть меня по имени и отчеству. Ничего подобного. Для вас я просто босс. Или шеф, — подумав, добавляет. — Но лучше все-таки босс. — Повернувшись к Маргарите, Эмин делает незначительный шаг в ее сторону, поправляет платок на ее шею. — И хотелось бы вас поправить, если позволите.

На самом деле, ему нахрен не нужно ее разрешение. И ничье вообще. Я этого человека знаю. Он берет, что хочет, когда захочет и где захочет. И он говорит, что хочет. Даже если влиятельным друзьям его отца это не нравилось.

— Это мой отель, — негромко провозглашает мужчина. — Мой.

Но мы все, все без исключения, слышим нотки власти в его интонации. Кто здесь король? Это даже не обсуждается. Эмин свое место не отдаст никому.

Затем он вновь обращается к персоналу с прежней улыбкой. Боже, сколько пафоса в

нем! Не удивлюсь, если Фаворский считает, что это именно он является причиной того, что утро наступило в нашем городе. В нашей стране. Да что там... что мы существуем, в целом.

— Мой отец живет в Испании, вряд ли вы с ним, вообще, познакомитесь, — говорит размеренным тоном мужчина. — Работать с вами буду я. И, насколько мне известно, бывшая владелица отеля мало общалась с подчиненными. Я бы хотел это исправить.

Спрятав одну ладонь в карман брюк, он принимается расхаживать по комнате, изредка поглядывая на официантов.

— Ведь согласитесь, самое главное между сотрудниками — это общение. Есть контакт — нет недомолвок. Нам важны все сотрудники, и даже вы, несмотря на то, что в “Моне” вы работаете всего несколько месяцев в году.

Потом он останавливается и, чуть подняв руки вверх, создает категоричный жест.

— Никого увольнять я не собираюсь. Можете расслабиться.

И правда, у большинства из моих коллег плечи облегченно опустились. Герман на Эмина смотрит злыми глазами, я одергиваю его, но тот лишь сжимает крепче кулаки, готовый в любой момент броситься бить моего, все еще, законного мужа.

Черт возьми! Фаворский замечает парня, единственного среди остальных, так враждебно настроенного по отношению к нему. Он подходит. Подходит. Подходит.

— Я могу вам чем-либо помочь? — хмуро, вовсе не приветливо, интересуется Эмин. — Хотите о чем-то меня спро...?

Нужно видеть лицо Фаворского, когда он, наконец-то, замечает меня. Видит меня. Признает меня. У него абсолютно потрясенный и уязвимый вид. Он все открывает и закрывает рот, намереваясь что-то сказать, но просто не может. У него ничего не выходит, и я никогда еще не видела, чтобы Эмин подвергся такому шоку.

Мужчина бледнеет прямо на глазах, расслабляет серый галстук, так выигрышно выделяющий красоту его невероятных глаз. Поправляет плечи пиджака, потом решается указать на меня пальцем, еще более нахмурившись. Воцарилась полная тишина, пленницей которой я стала. Я думала, что смогу стойко вынести нашу встречу, если она состоится. Думала, что сейчас, когда он заметит меня, смогу посмотреть ему в глаза и вынесу его взгляд, полный удивления и сожаления. Но только ему стоит снова открыть рот, я убегаю. Прохожу через накрытый, для будущего, банкета огромный зал, в фуршетную зону, а потом бегу в сад, надеясь скорее отсюда добраться до пункта охраны.

Прошло три года, но такое чувство, будто все происходит снова. Словно я снова в саду нашего особняка, а Эмин бежит за мной, прося остановиться и поговорить.

— Пожалуйста, Ло! — доносится до меня. А потом: — Лолита!

Но я не намерена слушать его. Возможно, мы сможем пообщаться позже, где я скажу ему еще раз, как сильно ненавижу человека, на которого он смотрится в зеркале. Но уж точно не сегодня.

ГЛАВА 10.

Московское небо усеяно звездами

Лолита

Четыре с половиной году тому назад

После знакомства с моими родителями, мы вышли погулять по вечернему городу. Сумерки окутали мегаполис, а вскоре ночь заняла свое место. По проспекту мчатся машины, ослепляя светом фар. Москва заполнена огнями проезжающих автомобилей, окон заселенных квартир и фонарей на просторных улицах. Мы проходим вдоль Москвы-реки под

всеобщее гудение четырехколесных друзей человека. Он берет меня за руку, и я ощущаю то сладостное невероятное чувство нашего с ним воссоединения. Мне казалось со дня нашей встречи, что мы знакомы лет сто, не меньше. И несомненно дополняем друг друга. Так сложно представить себя без него.

— Хочу показать тебе кое-что, — говорит Эмин, когда мы останавливаемся на мосту, чтобы высматривать в воде звезды. Он обнимает меня сзади, и, пожалуй, нет ничего приятнее в мире.

— Что это? Нужно куда-то идти?

Ущипнув меня за бок, шепчет игриво в ухо:

— Лентяйка.

Я немного противлюсь, чтобы подразнить его, когда Эмин тянет меня в сторону бизнес-центра, но, в конце концов, приходится сдаться, потому что физические преимущества на его стороне. Да и отказы ему не знакомы, а мне не было суждено долго смотреть в эти, наполненные страстью глаза, и суметь устоять.

Оказавшись у одного из небоскребов, Фаворский тянет меня внутрь. В лифте он высовывает из кармана светлых джинсов ключ. Я совершенно по-ребячески выхватываю это из его рук и принимаюсь изучать.

— Что мы здесь будем делать?

— Смотреть на звезды.

Мотая головой, я в удивлении уставилась на него. Но он поясняет, когда створки лифта открываются, а мы выходим на самом последнее этаже.

— Я получил доступ к крыше. Это самое высокое здание в городе.

Он ведет нас по коридору, потом направо. Мы оказываемся в небольшом отсеке с железной дверью, которую он открывает своим ключом и пропускает меня вперед. Следующую дверь ему приходится тянуть на себя достаточно долго. Она не заперта, но тяжело отворяется. Когда у него все получается, Эмин улыбается мне слегка усталой, но счастливой улыбкой. Поднявшись по, без сомнения, прочной лестнице можно стать свидетельницей великолепного вида, что расстилается перед тобой. Перед нами.

— Если ты хотел произвести на меня впечатление, — начинаю, восхищаясь открывшейся картиной, — тебе это удалось.

Он снова обнимает меня сзади, крепко прижимая к себе. Он усмехается, зарываясь носом мне в волосы, ласкает их щекой, долго-долго вдыхая мой запах. А у меня есть возможность наслаждаться тем, как пахнет Эмин — его одеколон прекрасен, и вместе с его природным ароматом они создали великолепный тандем, от которого любая девушка будет без ума.

— Я хотел произвести впечатление, не буду отрицать, но еще больше мне хотелось, чтобы ты расслабилась и искренне улыбалась.

В ответ я, повернув к нему голову, расплываюсь в лучезарной улыбке. И это абсолютно по-настоящему. С Эмином иначе не бывает. Он, чуть наклонившись, впивается мне в губы настойчивым поцелуем. Его язык властвует у меня во рту, и все воспоминания о страстном, сказочном сексе с ним выходят наружу. Наши языки сплетаются, я издаю стон, но Фаворский быстро отстраняется, и мне на удивление достает из кармана мобильный телефон. Через минуту из динамика льется песня, которая так нравится ему — “Love Love Love”

группа Of Monster and Men — песня Love Love Love

— Иди сюда, — парень отстраняется, садится на холодный цементный пол крыши, а потом и вовсе ложится на него.

— Что... что ты делаешь?

Он повторяет, протягивая руку:

— Иди сюда, Ло, — рукой хлопает по своему животу.

— Что? — смеюсь я, но все же присаживаюсь на колени у его распластавшегося на цементе тела. — Лечь на тебя?

Он просто кивает и, вскинув ладонь, заправляет прядь волос мне за ухо, следя за моей реакцией. Спустя некоторое время я все же решаюсь сделать то, что он просит. Звучит уже другая песня этой же группы из его телефона. Я спиной устраиваюсь на его животе, раскидываю руки в стороны, как и он, разведя руки, вторя ему. И вот мы лежим в позе морской звезды и глядим на ночное московское небо. Моя голова покоится на груди парня, и время от времени Фаворский нежно целует меня в макушку.

— Видишь? — нарушая молчание, говорит тихо он. — Когда избавляешься от искусственного света, становится заметен тот — естественный и неподдельный.

На мгновение его рука поднимается, чтобы указать вверх, а я, не отрываясь, смотрю на великолепие, которое видно теперь, когда ограждения скрыли от нас огни не спящего города.

— Невероятно, — шепчу.

Ветер ласково играет с концами моих волос, развевая их. Он обдувает кожу, еле касаясь ее. Щечочет ноздри, заставляет ресницы дрожать, но звезды такие яркие-яркие, что хочется продолжать смотреть на них вечность. И я не буду удивлена, узнав, что кто-то отдает за них свои жизни. Они стоят того, чтобы за них умирать.

— Знаешь, что? — поцеловав в краешек уха, произносит Эмин, и мне ощутимо то, как он улыбается.

— Что? — поддавшись порыву, растягиваю губы в улыбке, немного склонив голову, но продолжаю любоваться небом и редкими облаками, проплывающими мимо.

— Знаешь, где находится самая-самая-самая яркая звезда? — произносит он с энтузиазмом.

Качнув головой, я спрашиваю:

— Ну, и где же?

Вдруг его пальцы касаются моей левой ключицы, а потом я слышу, как он легонько бьет себя по груди и, чуть поднявшись, смотрю туда.

— Здесь, — комментирует он свои действия, после чего тоже присаживается, привлекая меня к себе. — Ты — моя звездочка, Ло.

Его поцелуй, подаренных мне после этих слов, сладкий, как малиновое варенье. Легкий, как облако. Насыщенный и пропитанный жизнью.

Наши дни

Эти тупоголовые качки не отдали мне мои личные вещи, которые хранятся в шкафчиках в их персональном крохотном помещении. Ключ остался в пиджаке, черт подери, а пиджак — в раздевалке! Вообще-то очень рискованно забывать ключ там, ведь если его украдут и откроют мой шкафчик, заберут все: заработанные деньги, дорогой телефон, золотые серьги от BULGARI*, подаренные пять лет назад мамой. В «Моне» не позволено официантам носить дорогие украшения на себе...

*Одна из лучших ювелирных фирм мира

Внимание Эмина отвлекает один из менеджеров и директор ресторана, поэтому мне удается проскочить мимо него вновь к Балл Руму, но зайти внутрь с заднего входа — служебного. Меньше чем через минуту я оказываюсь в коридоре, где сегодня у нас состоялся разговор с Германом, который бесцеремонно прервала Маргарита. Он хотел меня предупредить. До меня доходит, что Левандовский пытался предупредить меня о Фаворском. По всей вероятности, он узнал о нем до того, как я приехала на работу сегодня.

— Куда ты собралась? — из бара, точно летучая мышь, вылетает Маргарита.

Боже, кто-нибудь уже убьет ее? Если бы это действительно было моим боевиком, она давно лишилась бы жизни. Я игнорирую менеджера и иду дальше, чтобы забрать пиджак. В надежде, конечно, что никто не вынул из кармана ключ.

— Ну, уж нет! — вопит Маргарита, дернув меня за локоть к себе.

Мы встречаемся взглядами, я сдерживаю себя, чтобы не плюнуть ей в лицо.

— Кажется, ты стала себе слишком много позволять, — бесстрастно оповещаю ее я, и с трудом расцепляю пальцы, которые ухватились за мою руку. — Уже достаточно. Ты не знаешь, кто я, и что смогу тебе сделать.

Она хмыкает, наступая, будто уверенная в своем превосходстве надо мной.

— Ты — моя подчиненная. Я тебя сюда взяла обслуживать столы и выполнять мои поручения, — грубо говорит она и тычет в меня пальцем.

Я хватаюсь за этот палец, а она морщится от боли. Марго может предполагать, что я сломаю ей его, и это окажется правдой, если она не заткнет свой рот. Несколько недель назад я бы грубо послала ее, зная о своем временном бессилии, оскорбила, высказалась матерными словами, что о ней думаю, но сейчас мне не хочется разбираться. Мне просто хочется уйти.

— Я ухожу, — сообщаю, отбрасывая ее указательный палец, и иду в отдел для персонала.

Забираю свой черный пиджак, нахожу в его левом кармане, к своему счастью, ключ и возвращаюсь обратно в коридор. Марго намерена не отпускать меня, по ее грозному виду заметно, что она только и желает выцарапать мне глаза.

— Я ухожу, — повторяю так же монотонно, но банкетный менеджер мотает головой.

— Сколько будем играть в эту игру? — скучающим тоном интересуюсь я.

— Сначала ты мне расскажешь, почему убежала с планового разбора дня и знакомства с новым начальством, и почему считаешь, что вправе уходить, когда уже согласилась обслуживать сегодняшний банкет?

В ее голосе постепенно появляется все больше и больше грубости. Я могу понять ее, в каком-то смысле. Она беспокоится за мероприятие, которое курирует. Она ответственна за него перед теми, кто заказал его в этом отеле, и, разумеется, ей не хочется терять ни одного официанта.

Мне остается лишь закатить глаза на предъявления с ее стороны. Они меня еще даже официально не оформили на должность, я могу уйти в любой момент. Хорошо, что не отдала документы, иначе, увидев, печать в моем паспорте, Марго бы грохнулась в обморок. Из бара доносятся голоса других официантов. Они обсуждают Эмина и меня, в этом даже не стоит сомневаться. И я знаю, что Германа нет среди них. Но тогда где он? Единственный, кто возобновил работу над предстоящим фуршетом?

Железная тяжелая дверь отворяется позади нас. Мы обе синхронно поворачиваем

головы. Увидев одного и того же человека, у нас образуются совершенно разные эмоции. Я нахожусь в бешенстве, а у Марго дрожит нижняя губа. Она движется вперед, чтобы, наверное, объясниться перед новым шефом, а я, еще минуту на него посмотрев, ухожу в сторону бара. Другого выхода у меня нет, чтобы уйти. Эмин не пропустит через коридор.

Быстро иду вдоль мойки и кухни, развязывая при этом в спешке тесемки фартука и жилета, бросаю униформу на гарбич-стол, но не успеваю взяться за ручку двери, как в нее мощной ладонью ударяет Фаворский, тем самым, удерживая, не давая мне пройти. Обреченно вздохнув, оборачиваюсь к нему.

— И? — разводя руками, в одной из которых держу пиджак, говорю я. — Что это такое? Интересно узнать, почему я здесь? Или тебе нравится выяснять отношения так — прилюдно?

Последнее слово я произношу особенно громко, выглянув из-за спина Эмина, чтобы посмотреть на повара, который с очень большим интересом, разинув рот, наблюдает за нами. Мужчина тут же опускает глаза и принимается вновь за работу.

— Если ты не против, мы можем поговорить в моем кабинете? — мягко предлагает Эмин, после того, как прочистил горло.

Его попытки создать со мной некую связь забавляют. Кто-то все еще шушукается за его спиной, кто-то молча наблюдает за происходящим, а я начинаю смеяться. Облокачиваюсь спиной о дверь, которую он накрепко запечатал, и смеюсь, запрокинув голову. Это немного напрягает его, и он выглядит растерянным.

— Неет, — растягиваю я, улыбаясь во все тридцать два зуба. — Я с тобой больше наедине не останусь. Не позволю этому повториться.

После сказанных мною слов, Эмин испуганно оглядывается. Гадает, услышал ли кто меня, хоть говорила я вовсе негромко? Он гневается, а в эту минуту, как раз кто-то дергает за ручку, пытаюсь открыть дверь, которую он удерживает от этого. Кто-то очень настойчив, поэтому Фаворский пару раз бьет по дереву так, что страшно становится всем. Даже мне.

— Воспользуйтесь другим входом!! — орет он.

Зарывшись пальцами в волосы и опустив голову, мне слышно, как он пытается отдышаться. Его взгляд поднимается снова ко мне, и он испепеляет меня им, но я больше не боюсь. Да, сейчас я осталась без поддержки, однако это не значит, что не буду бороться против него, если Фаворский захочет войны.

А, собственно, что не так? Он не хотел шумихи вокруг нашего брака? Ладно, я не требовала развод. Я вошла в его положение и в положение своего отца, которого этот подонок, возможно, оставил бы без всего, в случае моего обращения в суд. Что теперь ему нужно? Что он хочет обсудить? Больше восьми месяцев Эмин не звонил мне, а значит, он больше не нанимал людей, чтобы узнать очередной номер моего телефона. Я думала, мы прошли этот этап сумасшедшей одержимости, но, похоже, я ошибалась.

Шепот моих коллег переходит в хихиканье, а кое-кто даже позволяет себе что-то воскликнуть по поводу сложившейся ситуации. Эмин хмурится, стрельнув глазами в сторону. Он медленно оборачивается, но никакой другой реакции не наступает. Тогда он кричит так громко, что все, кто перестал замечать его, вздрогнули:

— ЗАТКНУЛИСЬ ВСЕ НАХРЕН! Что, бл**ь, за неуважение к боссу?!

Я пользуюсь случаем и выскальзываю оперативно в дверь, к которой он больше не прикасается. Слышу его маты, когда он понимает, что упустил меня, но я уже со всей дури бегу к посту охраны, забегаю внутрь и нахожу свой шкафчик. Пытаюсь вставить в него ключ, но от адреналина руки дрожат. В конечном итоге все получается, я забираю сережки,

телефон и кошелек, собираюсь выйти, но дорогу преграждает один из мерзких крепышей.

— Какого черта? — шиплю на него я.

— Приказ от начальства, — не заинтересованно ведет плечом и машет у моего лица мобильным.

Отлично, Эмин уже и успел позвонить ему...

А! Так вот и он сам! Быстрым шагом направляется к нам. И вид у него — грознее не бывает. Преодолев расстояние, Фаворский дает указание трем парням, и заходит в маленькое строение, откуда мне выхода нет.

— Вышли все отсюда, — размеренно, но строго приказывает Эмин.

Один из охранников в замешательстве.

— Но..., - начинает он, хмурясь, — ... у нас же тут все серьезно, босс. Видеонаблюдение и...

Фаворский вскидывает на него обезумевший взгляд. Он выбрасывает сильную руку, хватая молодого парня за лацканы его недорогого пиджака и выкидывает на улицу, к товарищам. А сам закрывает дверь. Повернувшись, не сводя с меня внимательно взгляда, он упирает руки над головой в косяк двери в крошечной будке.

— Ну, что? — играя желваками, нервно вздыхает Эмин. — Теперь поговорим?

ГЛАВА 11.

Без принципов

Лолита

Все изменилось. В этой крохотной комнатухе, стоя напротив него, я чувствую это. Но поразительно то, что я больше не верила, не надеялась, не хотела и не представляла, что мы однажды снова встретимся. Мне казалось, что после того, как он перестал доставать меня своими предложениями воссоединить отношения, все понял. Понял и дал мне свободу. Но, оказалось, что нет? Или какие объяснения преподнесет Эмин в этот раз? Он в этом мастер.

— Я тебя отсюда не выпущу, — разделяя каждое слово, абсолютно спокойно произносит Фаворский, глядя мне прямо в глаза, — пока мы не поговорим.

Я не буду скрывать, что этот его взгляд, несмотря на всю мою ненависть к нему, очаровывает. Взгляд его серых глаз, которые намекают об опасности. А опасность для Эмина так же естественна, как и дыхание. Это его жизнь. Слоган его жизни гласит: “Доставлять неудобства и страдания Лолите — самая вкусная вещь в мире”. Я не сомневаюсь, что так и есть.

Короче говоря, Эмин настроен решительно. Но и я сдаваться не собираюсь, сложила руки на груди, смотрю на него так, как он того и заслуживает: с неприязнью.

— Хорошо, — театрально вздыхаю. — Значит, суждено мне вечно здесь оставаться.

И сажусь в кресло, стоящее у стола с монитором.

— Здесь весело, — указываю на экран, на котором просматривается съемка с видеокамер на территории отеля. — Буду следить за порядком.

Я откидываюсь назад и расслабляюсь по мере возможности, закинув ногу на ногу. Снимаю с себя, наконец, этот чертов жилет, передник, оставаясь только в блузке и черных брюках. Какое же это счастье — избавиться от ужасной униформы. Так что, в каком-то смысле, я благодарна Фаворскому за то, что подарил мне перерыв, о котором другие официанты только мечтают. Seriously, ему просто не доводилось работать в сфере обслуживания. Мне сейчас даже стыдно, что я иногда позволяла себе плохо относиться к обслуге. Святые люди просто! У каждого официанта должна быть возможность за всю свою

карьеру убить пятерых гостей (самых ужасных и хамовитых, тех, кто позволяет себе лишнее и относиться неуважительно)! Вот тогда бы гости, зная о таком интересном шансе любого из того, кого они к себе подзывают, сидели бы молча, отпуская лишь “спасибо”, “пожалуйста”, “достаточно”, “заберите это, пожалуйста”, “принесите счет” и “вот вам чаевые, на которые вы сможете купить себе квартиру”! Потому что, если честно, те, кто приходят поесть в рестораны, кафе, или хотят выпить в барах, часто забывают, что подают им еду и напитки, самые обыкновенные люди со своими проблемами, удачами и неудачами. И не гостям их судить!

— Я дал тебе время, — вздохнув, вновь начинает Эмин. — Я думал, что после нескольких месяцев моего отсутствия ты успеешь все обдумать. Я решил...

Наступает молчание, которое я могу охарактеризовать, как нерешительность с его стороны. Обернувшись, я вижу, что он стоит с закрытыми глазами, а ладони его сжаты в кулаки.

— Я решил, ты простишь меня, — заканчивает Фаворский, выдохнув, словно сбросив огромный груз с плеч.

Какая ирония: на моих-то плечах этот груз остался лежать.

Хмыкнув, я вновь отворачиваюсь к экрану компьютера, но Эмин тут же поворачивает кресло к себе и впивается пальцами в подлокотники, глядя на меня с неимоверно диким взглядом.

— Не смей меня игнорировать! — наставив на меня палец, произносит он, тяжело дыша.

— Ты просто ненормальный, — комментирую я его действия.

Его пухлые губы искривляются в усмешке. Морщинок вокруг глаз моментально становится больше, как только он позволяет эмоциям проявиться на своем лице. Я помню, как любила это лицо. Как целовала эти точеные скулы, обводила пальцами такой мужественный овал лица, как он закрывал веки, разрешая мне прикоснуться к ним губами. Эти длинные, черные-черные ресницы и темные брови невероятно выделяют серый цвет его глаз. Мужчина передо мной слишком красив, чтобы ему доверять.

Но я однажды доверилась.

— Это ты меня таким сделала, — шепотом сообщает он.

И тогда, не желая больше никогда слышать подобного обвинения, я толкаю его в грудь. Сильно. Так, что он выпрямляется и отшатывается, держась за шкафчики, справа от себя. Мою злость словами не описать — ее можно только почувствовать по отношению к этому мужчине. Если ненавидеть его, то только от всей души.

— Когда ты злишься, твой носик так красиво морщится, сладкая моя, — говорит он, дразня, а последние слова — обращения ко мне — произносит и вовсе с особой твердостью.

— У тебя больше нет права называть меня так, — вспыхнув, выдаю я, поднимаясь с кресла, обитого искусственной кожей. — И еще раз услышу, что ты меня делаешь во всем виноватой — глаза тебе выскребу ноготками, — для пущей уверенности демонстрирую ему свои ногти, выкрашенные в красный цвет.

Он смотрит, как я изображаю пальцами хищницу, но его губы в ответ расплываются в улыбке.

Мудак!

Я метнулась к двери, однако паршивец каким-то образом оказался у выхода раньше меня. Присвистнув, мужчина глазами осматривает мои руки, и только потом поднимается к

лицу, чтобы долго меня еще бесить несносным молчанием.

— Признаюсь, меня впечатлил этот трюк с коготками, — Эмин, вторя меня, поигрывает пальцами в воздухе.

Но у него они длинные, в меру тонкие и очень красивые. Неожиданно он резко наклоняется и хватает мою руку, приближая к своим губам, принимаясь ласкать ими мои пальцы, один за другим. Сначала я не пытаюсь вырвать ладонь, поскольку ошеломлена таким его действием, и, если совсем честно, я ужасно соскучилась по его прикосновениям. Не могу без них. Все мои чувства к нему абсолютно противоречивы. Если бы я поцеловала его, я бы искусала его губы до крови, просто потому, что ненавижу.

И люблю.

— Отпусти, — цежу сквозь зубы, вырываясь, но его хватка, как и обычно, просто каменная.

— Ты же этого не хочешь.

— Отпусти!

Я бью его второй ладонью по плечу, после чего Фаворский сдается. Я стою перед ним в абсолютной незащитности. Мне лишь сейчас пришло в голову то, что это несправедливо.

Спиной он наваливается на запертую дверь, заполняя комнату своим низким тембром.

— Извини меня.

Эмин всплескивает руками.

— Вот, Ло, я сказал это тебе. Глядя прямо в глаза. Давно было пора.

— Извини меня, — повторяет мужчина в отчаянии.

Я слушаю его не потому, что мне некуда деться, а потому что хочется его слушать, слышать, как бы это ни звучало странно и глупо. Хочется знать, что он скажет, как оправдается, какие новые слова польются из его рта. Хочется видеть, как он раскаивается. Хочется, чтобы еще хотя бы раз он прикоснулся ко мне.

— Это случилось не нарочно. Я не хотел...

— Насиловать меня? — подсказываю я, и сама ощущаю холодность в своем голосе — некую ядовитость.

Если бы ее у меня не было, тогда это бы стало поводом для очередного волнения.

Эмин сплывает. Похоже, ему трудно говорить об этом. Как будто мне легко... Как будто это надругались над ним, а не он — надо мной. Кивнув, Фаворский закрывает свои глаза.

— Не хотел, — вновь говорит он.

Его веки поднимаются, и он обращает взгляд на улицу. Ряд машин проезжает на территорию отеля под строгим контролем охранников. Они держат в руках рации, при необходимости пользуясь ими для разговора с коллегами, работающими в зданиях или находящимися в саду.

— Но ты это сделал! — напоминаю ему я, тыча пальцем в его сторону. — И это ты все разрушил, однако пытаешься винить меня во всем! Это такая стратегия? Твои новые правила игры? Или как ты это называешь?..

Фаворский заводится вместе со мной. Он разводит руки в сторону, слегка наклоняясь вперед.

— Что мне еще сказать? Я не могу просить прощения вечно! Чего ты хочешь? Ты вывела меня из себя в ту ночь, и вдобавок я был пьян. Иначе я бы никогда не прикоснулся к тебе без твоего желания, и ты это знаешь!

Эмин упирает кулаки в бедра. На его стройной, мускулистой фигуре прекрасно смотрится этот костюм и узкий серый галстук. Невозможно не обратить внимания на то, как вздымается его грудь. Мне нравится, как он нервничает, сжав зубы. Стоит признать, что несколько лет назад такие аспекты вовсе не казались мне важными, а то и вызывали отвращение, но спустя время в душе теплеет, а ненависть граничит с какой-то болезненной любовью, с каким-то нездоровым желанием. И пока Эмина не было рядом, я этого не понимала.

— Можешь просто отпустить меня? — вопрошаю я, указывая ему за спину — на дверь.

Он усмехается.

— И не узнать всех подробностей?

Я хмурюсь.

— Что?

Фаворский мотает головой, оставаясь все в той же позе. Он высовывает язык, проводит им по краешку губ в задумчивости. Кажется, мужчина размышляет о том, что спросить у меня.

— Я уже знаю, что твои родители в Риме, Ло, — говорит он спокойно. — И я готов тебе помочь...

Пресекаю сразу его гнусные предложения:

— Мне не нужна твоя помощь! — резко, но отчетливо бросаю ему я.

Эмин выставляет одну ладонь, бессловесно прося высказаться.

— Я не знал, что ты работаешь в этом отеле, — с нескрываемым удивлением, присущим ему, признается Эмин. — Для меня это стало большим сюрпризом. Но когда я вернулся в Москву, я уже точно знал, что буду тебя разыскивать. Мой отец тоже не знал, что ты числишься среди персонала, потому что...

— ... Потому что официально я пока не числюсь, — договариваю за него я.

Фаворский утвердительно кивает. Он концентрирует на мне свой взгляд, полный страсти, заботы, любви, сожаления и озадаченности.

— Когда один из менеджеров часто стал упоминать при мне твою фамилию, я решила, что пока повременю с тем, чтобы показывать им свой паспорт, — отзываюсь, пряча глаза под ресницами.

Несколько секунд тяжелого молчания заставляют мое сердце биться с бешеной скоростью от осознания ситуации такой, какая она есть.

— Ты не будешь здесь работать, Ло, — отрезает Эмин, поворачиваясь к стеклянной двери.

Я открываю рот, но слова застревают на кончике языка. Какого черта?! Это он будет решать?!

— Твоего разрешения я, черт возьми, не спрашивала! — приближаясь, я повышаю голос. Меня раздрают изнутри ожесточение и злоба.

— Ты не будешь здесь работать, — спрятав руки в карманах темных брюк, все с той же интонацией повторяет Фаворский.

Я хватаю его за полы пиджака, заставляя повернуться ко мне, взглянуть на меня и сказать мне в глаза, пылающие озлобленностью, все то, что он сказал, осматривая солнечную улицу. В ответ на мое действие Эмин припечатывает меня грубо к стене, задирает руки вверх, пригвоздив у меня над головой. Вырываясь, я кричу ему в лицо:

— Ненавижу тебя!

Он наклонился, поэтому мои глаза почти что на уровне его глаз — серых и неприступных сейчас.

— Ты не станешь мне больше указывать ясно тебе, ублюдок? Я жалею, что связалась с тобой, ты понимаешь? Жалею о потерянных годах.

Предложения, сочащиеся ненавистью, бьют по его самолюбию — все отражается на его лице. Подонок. Сволочь!

— Ты — моя жена, Ло, — отвечает Фаворский, изогнув театрально одну бровь.

Я мотаю головой — поначалу не очень интенсивно, но потом с такой силой, что она у меня кружится.

— Я была твоей женой, — остановившись, делаю поправку. — Была, Эмин. Больше нет. То, что мы с тобой состоим в официальном браке, ничего не значит.

Я думала, Фаворский вновь станет таинственно улыбаться, строя из себя такого парня, которому все нипочем. Однако ему больно. Я сделала ему больно, я вижу это. И мне нисколько не жаль.

Нет. Не жаль, не жаль.

Эмин с внезапной жесткостью убирает от меня свои руки. Он вновь упирает одну ладонь в бедро, другой же — потирает место под нижней губой. Словно находится в глубочайшей задумчивости.

— Отпусти, — вздохнув, в очередной раз прошу его я.

Эмин бросает на меня разъяренный взгляд, который со временем, конечно, теплеет, но леденящий страх проходит по коже лишь от одного мгновения, когда мужчина смотрел на меня так, как в ту ночь, три года назад.

Медленно подойдя к двери, отбрасывает щеколду в сторону, открывает ее настежь и рукой машет в сторону пустого двора.

— Ты можешь идти.

Растерянно и оробело я делаю маленькие шаги к выходу, но Эмин и не думает меня удерживать. Когда я уже оказываюсь снаружи, он просит меня остановиться. Повернувшись к нему, я замечаю, что Фаворский протягивает мне мой передник и жилет.

— Завтра, — говорит он, — я жду тебя в шесть часов вечера в “Папа Джонс” на Арбатской. Если не придешь, — Эмин сменяет свой тон на предупреждающий, передавая мне униформу, — я уволю тебя. И это серьезно.

«Папа Джонс». То самое место, где мы так часто обедали, когда приезжали в Москву. Наше с ним место.

Затем он вот так просто отпускает меня, но не сводит с меня глаз, пока я не оборачиваюсь, чтобы уйти. Я иду в сторону ресепшена, дабы не получить штраф, быстро надеваю на себя жилет, а после — длинный передник. В его кармане что-то твердое, но телефон я там не оставляла... Тогда что это?

Раскрываю карман. О, Господи!

Не знаю, когда Фаворский успел туда положить пачку денег, но первое, что я делаю, увидев их — пораженно ахаю...

ГЛАВА 12.

Доброе дело?..

Лолита

Герман пытается меня подбодрить, но ему лучше вообще молчать, потому как я очень зла. Не на него, конечно же, но раздражение во мне нарастает, грозясь вылиться из меня,

точно лава из жерла вулкана. Мы уже прошли пункт охраны, куда мне снова пришлось войти, чтобы показать после рабочей смены свои вещи. Нет, я, как и всегда, ничего не украла!

Господи, это был ужасный день...

— Ты можешь поделиться своими переживаниями, — предлагает искренним голосом Герман, нагоняя меня.

Мы проходим через двор и оказываемся на площади.

— Нет никаких переживаний. Есть проблемы, — отвечаю я монотонно, нащупывая в кармане небольшой сумки деньги, которые дал мне Эмин.

Решил меня подкупить, сволочь?! А вдруг и так? Вдруг у него это получится? Лучше бы он не делал этого, потому что я не хочу чувствовать этого искушения. Хочется потратить их все. Все! Но я не могу позволить себе этого. Моя совесть не может позволить. Я желаю купить новое платье от Киры Пластининой, отправиться в Дом Моды, который я обычно посещаю, и устроить себе день отдыха, на который заслуживаю. Или нет? Я ведь нехороший человек. Кому-то эти деньги нужны больше, чем мне. Не на новые платья, сумки и туфли. А чтобы жить.

Чтобы выжить.

— Нужно их сжечь, — размышляю я.

Герман тут же становится передо мной, поправляя рюкзак, свисающий с его плеча.

— Ты с ума сошла?! — сильно хмурясь, восклицает он.

Я спешу оправдать свое решение, активно жестикулируя руками.

— Тогда мне придется их потратить.

Он молчит, проводя языком по губам, смотрит вдаль, оглядывается на зеленую улицу, проходится глазами по лавочкам, расположенным вдоль небольшого забора, разделяющего тротуар от парковой зоны.

— Это необязательно, — качает головой Левандовский, вновь обратив взгляд голубых глаз на меня. — Мы можем помочь кому-нибудь.

Да, не буду отрицать, что это мысль не посещала мою голову. Все так. Однако если быть абсолютно честной, я даже пожертвований от чистого сердца никогда не делала. Посещала с родителями или Эмином благотворительные вечера в прошлом. Это не было порывом души, это было возможностью в очередной раз показать, кто ты, и что ты из себя представляешь. Журналисты пишут о тебе, рассказывая, насколько большое у тебя сердце, а на самом деле, это далеко не так.

Папин приятель однажды пожертвовал большую сумму на благотворительность в поддержку тяжелобольных детей. И через два дня он обратился к создателям проекта, чтобы вернуть свои средства. Он заплатил им, чтобы те, не создавая шумихи, отдали ему обратно все до копейки. Проект был окончен в Москве, его прямые организаторы уехали в Питер. Они не отдали ему деньги, они обратились в СМИ, после чего этот козел был опозорен во всех газетах. Да ладно, что уж... Ни я, ни кто-либо другой из членов моей семьи не поступал так, но и мне не приходилось еще сотворить что-то хорошее. Что-то светлое.

— Ты ничего не теряешь, — продолжает Лаванда. — Посмотри на них, — рукой он обводит площадь, и я невольно гляжу на этих людей вокруг нас. — Они, считаешь, не похожи на тебя? Они такие же, как и ты, Лолита. И у каждого из них есть проблемы.

Я испускаю смешок, закатывая глаза.

— Хочешь, чтобы мы помогли им всем? Это нереально, и я не буду этого делать. Большинство людей находятся в жопе, потому что сами не хотят ничего делать со своей

жизнью. Проблемы есть у всех, даже у самых богатых. И каждый справляется с ними, как умеет. А кто-то, — я выдерживаю паузу, ловя его взгляд, — не справляется, потому что думает, что некто другой должен сделать это за него.

Герман молчит, он смотрит то себе под ноги, то на меня. Мы так и разговариваем, стоя посреди залитой солнцем улицы. Чтобы пройти к дому Лаванды, нужно перейти дорогу и пройти по переулку.

— Понимаешь? — дополняю я.

— Я считаю, что ты права, но не совсем.

Левандовский продолжает путь, а я, как ни странно, следую за ним. Мне все-таки довольно интересна наша дискуссия.

— Почему это?

— Не все люди могут помочь сами себе.

— Все, — категорично парирую я.

— А как же дети?

— У них есть родители. В худшем случае, — поправляя ремень коричневой сумки, отчеканиваю я, — плохие родители. Очень плохие.

Мы переходим дорогу по пешеходному переходу, затем Герман поворачивается ко мне. Он идет задом наперед, удерживая мои глаза на себе. Я успеваю, наконец, рассмотреть рисунок на его футболке — это лицо монстра с огромными клыками и красными глазами. Оно перекошено, так что поначалу сложно понять, что нарисовано.

— А если их нет? — говорит Герман.

Это был риторический вопрос, после которого он останавливается у автобусной остановки.

— Куда мы едем? — спрашиваю я озабоченно.

Автобус подъезжает, как раз, вовремя, и Герман достает купюру из кармана.

— Если ты не боишься, то поедешь со мной.

Не честно манипулировать мной, но я хотела выставить его с работы, так что 1:1.

Запах лекарств слегка туманит разум. Десятки впалых глаз маленьких мальчиков и девочек вызывают ужасную жалость. Мы в детском онкологическом центре. Медсестра согласилась провести нам экскурсию, рассказывая практически про каждого ребенка по отдельности. У кого-то осталось несколько дней, просто этому ребенку не говорят, что он обречен. А у кого-то еще есть шанс выжить. И нельзя, просто нельзя сдержать слез, глядя на улыбку малыша, обратившего на тебя внимание. Он смотрит, проводит ладошками по лысой голове, и в его глазах можно прочесть веселье, надежду... Счастье.

Они могут радоваться, а мы, здоровые, живые, не больные, — не можем.

Почему?

Шаги маленьких ножек раздаются по больнице. Мы с Германом оборачиваемся на звук. По коридору бегут две жизнерадостные девчонки, смеясь, и одна пытается догнать другую. У них обеих головы обвязаны яркими платками. Их смех такой... настоящий. Медсестра в зеленой униформе пытается за ними следить, но, похоже, у нее не получается, поскольку она кричит им остановиться, но девочки ее не слушают, продолжая играть, бегая вокруг стойки регистрации, которая находится за нашими спинами.

Мы уже обошли весь центр, были в каждом уголке. Я и не заметила, что день уже сменил вечер. Небо окрасилось в бардовый цвет. Из стеклянных окон во всю стену это

хорошо видно. Одна из малолетних пациентов госпиталя сидит на креслах возле окна, наблюдая за красивейшим закатом. Пока Лаванда продолжает общаться с сестрой, которая ожидает того момента, когда мы достанем кошелек, я прохожу через весь этот огромный зал, чтобы присесть рядом с девочкой.

— Привет, — несмело начинаю я, надеюсь, продолжительную, в дальнейшем, беседу.

Она поворачивается ко мне, я могу заметить, что девочка накрасила губы блеском, от чего они у нее блестят. На веках светлые тени, а на ресницы нанесена тушь.

— Привет, — по-доброму улыбается девчонка.

Ее зелено-карие глаза засияли, при виде меня.

— Я — Лолита, — протягиваю руку, а девочка, на удивление, с радостью отвечает на жест незнакомого ей человека.

Совсем не страшно? Она не хочет отодвинуться? Кажется, что она совсем не из вежливости продолжает общаться со мной.

— А меня зовут Лиза.

— Красивое имя, — киваю головой я, непрестанно ее разглядывая.

Мне становится неловко. Не хочу, чтобы она думала, что для меня является чем-то вроде экспоната в музее.

— У вас тоже, — говорит Лиза, присев ближе ко мне.

Нас разделяют подлокотники кресел. Ее губы сжаты, но она улыбается.

Так открыто и проникновенно!

Я оглядываюсь посмотреть, не хватился ли меня Герман. Он стоит у стены, прислонившись к ней спиной, наблюдая за мной. В его глазах некая благодарность и величие всего этого дня.

— Ты здесь лечишься? — осмеливаюсь задать интересующий меня вопрос, снова взглянув на девочку.

Она мотает головой, на которой тоже красуется легкий летний шарф с разноцветными рисунками и геометрическими фигурами.

— Нет, — отвечает она, растягивая в ликование губы. — Я вылечилась.

Потом следует ее заразительный смех. Она закрывает глаза, подставляя лицо последним лучам солнца, проникающим через стекла в приемное отделение госпиталя.

— Никто не верил, — повернувшись ко мне, говорит Лиза.

На вид ей около одиннадцати лет. Несмотря на возрастной барьер, мне очень нравится ее общение, хоть мы толком не сказали друг другу ничего. Я услышала главное: она смогла вылечиться. А если бы никто не помог, у нее получилось бы? Если бы никто не устраивал вечера благотворительности, аукционы и тому подобное? А что, если жизнь одного человека зависит от того, останется ли другой равнодушен?

— За мной скоро приедут родители, — сообщает Лиза и подминает под себя ноги. — Но меня выписали еще вчера, — откровенничает со мной она.

Я не знаю, что сказать ей на это. Не знаю, как так вышло, но оказалось, что я плачу. Я не помню такого, чтобы я плакала из-за проблем или успехов других людей. Наверное, мне стоит поблагодарить Германа за то, что мой эгоизм на несколько минут отступил. Но Лиза, наверное, привыкла видеть в этих стенах слезы печали, скорби, или счастья, поэтому, по всей видимости, она нормально относится к тому, что я плачу.

Так необычно даже думать об этом, вытирать мокрые скулы. И смотреть на нее. Выздоровевшую. Мы ведь могли никогда не познакомиться.

— Смотри, — вырывая меня из раздумий, изрекает девочка.

Я поднимаю глаза на это хрупкое создание, которое с чувством восторга снимает шарф, положив его себе на колени. А затем Лиза поступает точно так же, как и ребеночек в одной из палат, где мы с Германом были: проводит ладонью по черепу. Но он не гладко выбрит, на нем проросли волосы. И Лиза с блаженством гладит их.

— Они начинают расти, — объясняется девочка, хотя ей и не нужно.

Я все поняла. И я поняла, почему она накрутилась: сегодня ведь день ее ухода отсюда. Она возвращается домой, отправится в школу, будет получать знания, влюбится, впервые поцелуется, получит диплом, откроет для себя новых исполнителей и посетит самый лучший концерт в своей жизни.

Это все ее ждет!

Я верю.

У центральной двери госпиталя стоит большой квадратный стеклянный ящик, в который бросают взносы те, кто готов это сделать, чтобы помочь другим. Я сама подхожу к этому ящику — не Герман меня подводит. Однако он стоит за моей спиной.

— Ты можешь отдать, сколько хочешь, Лолита, — спокойно произносит он.

Совсем негромко.

— Здесь ценятся любые деньги. И если ты хочешь помочь, ты должна помочь, отдавая лишь то, что не жалко. Без сожаления. Иначе эти деньги никому не принесут пользы.

Я открываю коричневую сумку и достаю ту самую пачку, что сегодня утром, перед рабочей сменой, тайно засунул мне в карман передника Эмин. Не считая, скольким количеством он решил меня “порадовать”, не вынимая купюр из пачки, я все бросаю в отверстие ящика, находящееся сверху.

Нет, никакого сожаления, обиды. Просто желание сделать кому-то добро. Желание спасти ребенка. Ведь кто-то спас Лизу. И еще много таких, как она, ожидают руку помощи. И я знаю, что сегодня мне необходимо ее протянуть.

Самое неожиданное происходит в следующий момент: Герман притягивает меня к себе, прижимая спиной к своей груди. Он наклоняется и целует меня в макушку. Не знаю, как это назвать, как сказать правильно, но в эту минуту мы, наверное, породнились.

Хорошо это или плохо?

Голос диспетчера сообщает, что следующая станция — Лобня. Город, где проживает Герман. Он уговорил меня остаться у него. Я ощущаю какую-то близость между нами. Дружескую. В юности я мечтала о брате. Возможно, сейчас я вспоминаю те свои чувства, когда хотела, чтобы он защитил меня, провожал до гимназии, выслушивал все мои жалобы. И, если что, всегда мог за меня постоять. Еще рано делать такие заявления, но Лаванда стал для меня очень важным человеком. Как будто я знаю его сто лет. Как будто именно ему нужно было стать моим братом, но встретились мы только сейчас. Или были родственниками в прошлой жизни, в случае, если реинкарнация точно существует.

Я оборачиваю к нему лицо, вдруг осознавая, что все это время, пока я размышляла о нас с ним, Герман внимательно за мной наблюдал. Он и сейчас на меня смотрит... странно. Смотрит не так, как я того хотела бы.

Поезд приближается к станции, и пассажиры спешат встать со своих мест. Они проходят к выходу, но Лаванда ловит меня за руку с просьбой задержаться.

— Что такое?

— Мы не выходим здесь, — пожимает бесечно плечами Левандовский.

— Нет? — удивляюсь.

— Нет. Мы едем в Депо. Ты когда-нибудь видела много-много поездов в одном месте, Лолита? — спрашивает тихо Герман и заводит выбившуюся из прически прядь мне за ухо.

ГЛАВА 13.

“Папа Джонс”

Лолита

Герман прикасается ладонью к очередному вагону очередного поезда. Его мечтательный взгляд снова возвращается ко мне, когда мы проходим дальше, вглубь. Как и сегодня днем, парень идет задом наперед, чтобы видеть и говорить со мной, расспрашивая, замечая реакцию на моем лице. Что я, конечно, не очень люблю, но ему готова позволить. Сегодня.

Ведь сегодня он открыл для меня нечто новое и удивительное — желание помогать и делать хорошее. Что-то доброе. Что-то душевное, не требующее ничего взамен. Не корыстное, ни в коем случае.

Это подкупает.

Это создает в моей душе, полной ран и царапин, особый светлый уголок, который мне хочется лелеять.

— Хватит задавать мне вопросы, — практически пропела я, когда мы оказались рядом, между двумя электричками.

Я срываю травинку, что растет у путей, и поднимаюсь вновь, чтобы встретиться взглядом с Лавандой.

— Лучше расскажи о себе, — предлагаю я, из-за чего он опускает глаза, а после вскидывает их, осматривая Депо.

Здесь действительно огромное множество поездов, и мне безумно нравится это место. Пропитанное некой тайной, сокровенными мечтами и желаниями. А добавить ко всему прочему полную луну и ночное небо, в котором виднеются звезды — можно с ума сойти от счастья.

Это, конечно, все равно не сравнится со спа и шопингом.

Его голос полон тупой боли и разочарования в жизни:

— Моя мама умерла от рака три с половиной года назад, — слабый ветер подхватывает слова парня. — Папа ушел из семьи, когда мне было двенадцать, но когда она заболела, он вернулся.

Мне, возможно, показалось, но последние нотки полны благодарности.

— Мама не хотела, чтобы я звонил ему, чтобы я просил помощи. А отец, на тот момент, уже поднялся, построил хорошую карьеру, деньгами разбрасывался, как фантиками. Поэтому я был на девяносто процентов уверен, что он откажется. Что пошлет меня.

В такой невероятной тишине можно буквально чувствовать, как дрожит его голос. Тем более, мы стоим в достаточной близости, чтобы я смогла заметить в его голубых глазах слезы. Я надеюсь, что он сумеет сморгнуть их. Ни разу еще не видела мужских, скатывающихся по щекам слез, и не уверена, что готова к этому.

— Поэтому я был крайне удивлен, когда такой известный и богатый человек, как он, который позабыл удачно о своем единственном сыне на долгие годы, на следующий же день прилетел к нам из Варшавы.

И все же, несмотря на то, что он замолчал больше минуты назад, я не решаюсь задать ни

одного вопроса. Я знаю, Герман просто собирается с духом, чтобы продолжить. Ему нужно высказаться, сбросить груз пережитых проблем.

— Ее не спасли. Но она боролась, — он сглотнул и уставился в пустоту.

Лаванда...

Боже, мне ужасно-ужасно жаль. Просто этот его взгляд. Он всегда был таким веселым, улыбчивым, но теперь я увидела другую его сторону.

— С того момента у нас с отцом сложились отношения... финансовые, — грустно усмехнувшись, Герман так и не решается на меня посмотреть.

Я тереблю в руках сорванную травинку, но понимаю, что начинаю нервничать. Переживать. Как будто, сейчас все изменится.

— Я позволяю ему помогать мне. Он оплачивает мне квартиру, учебу, а об остальном я забочусь сам. — Внезапно парень делает шаг вперед, потом еще и еще.

Я иду вслед за ним, оставаясь слева, не переставая следить за мимикой его лица. Умоляю Вселенную о том, чтобы он не заплакал.

Ну, пожалуйста...

Кажется, Лаванда все-таки справился с эмоциями, и теперь повернул голову в моем направлении. Я могу наблюдать за тем, как его губы расплываются в улыбке.

— Мой, так называемый, отец всегда мечтал работать в индустрии шоу-бизнеса. Поэтому и бросил нас когда-то, а мама увезла меня на ее родину, в российский провинциальный городок, где я, собственно, и провел юность. Папаша теперь в Польше известный продюсер.

Герман смеется, когда замечает, как расшились от изумления мои глаза. Я пару раз хлопнула ресницами, и, наверное, это выглядело, как «Да ладно?!». В ответ Лаванда усмехается. Наконец-то, за последние несколько минут на его лицо проступают признаки чего-то светлого.

— Даа, — протягивает парень, довольно быстро спрятав ладони в передних карманах темных джинсов. — Он пытается стать мне ближе, роднее, но я не подпускаю его.

Когда через несколько мгновений он больше не пытается ничего мне сказать, и мы продолжаем мирно шагать рядом друг с другом, я решаюсь на вопрос, ответ на который интересен был бы на моем месте каждому.

— Почему? Он пытался спасти твою маму. Разве он не заслуживает прощения?

Герман замирает, глядя себе под ноги. Я тоже останавливаюсь. Он вновь бросает на меня взгляд, но в этот раз в его глазах плещется задумчивость и озабоченность.

— Он сделал мне больно, когда я был подростком. Я потерял отца, с его стороны это было нечестно.

Сложно оспаривать мнение Левандовского, ведь, как бы то ни было, мне не приходилось переживать то же, что и ему. Я не теряла родителей и меня никто не бросал. Смогла бы я простить своего папу, если бы он однажды ушел из семьи? Но я смогла простить ему то, как он поступил со мной, практически используя меня, как валюту.

Или думаю, что простила?

— А ты? — вдруг обращается ко мне Герман.

Поддавшись размышлениям, я отвернулась от него, рассматривая темные окна поезда, вдоль которого нам довелось идти. Его вопрос пока еще не принял никаких смысловых очертаний, однако я уже подозреваю, о чем именно он.

— Ты сумеешь вычеркнуть из своей жизни предательство Эмина? — И следующее, что

Левандовский говорит, заставляет меня вздрогнуть, как будто это было вчера, а не три года назад: — Забудешь то, как он изнасиловал тебя?..

Мое сердце горит. Не в буквальном смысле. Но именно так себя, должно быть, ощущает человек, которому невероятную боль доставляют плохие воспоминания. Я пытаюсь выкинуть из головы все, это все, но единственное, что у меня получается — временно перевязать раны. Со временем, каждый раз, они опять начинают кровоточить. А лекарства, что смогло бы мне раз и навсегда помочь, нет. Его просто нет.

Я не отвечаю на любопытство Германа, а лишь встряхиваю головой, отчего пряди распущенных волос спадают вперед.

— Если ты не хочешь, мы не будем...

Я перебиваю Лаванду раньше, чем ему удастся продолжить:

— Я не знаю. — Вот мое честное признание, которым я отнюдь недовольна.

И абсолютно нормально, что в голове Германа возникает желание быть осведомленным о моих проблемах, так же, как и мне интересно знать, что он думает о своей ситуации. Мы — два собеседника среди десятков, не приведенных в действие, поездов разговариваем о том, что тревожит нас, что нас расстраивает и что является для нас важным. Поверить не могу, что я здесь. С ним.

Это место доступно всем, но от того оно так необычно, что я раньше никогда, ни за что в жизни, не пришла бы сюда.

— Ты его любишь?

Он получает от меня улыбку. Это не застало меня врасплох — фраза, которую он только что произнес, поставив в конце нее жирный вопросительный знак. Но мне не нужно отвечать, потому что, хочет признавать Герман этого, или нет, ему уже известна правда.

Мы смотрим друг на друга, даже не моргнув ни разу, настолько долго, насколько это вообще реально. Ему не стоит труда прочитать все в моих глазах. А потом Герман закачал отрицательно головой — быстро и продолжительно.

— Как такое возможно? — шелест его голоса создает мурашки на моей коже.

Я обхватываю себя руками, спасаясь от внезапного холода. Ветер проникает под легкую джинсовую куртку, привезенную мною из Чехии в прошлом году. Глаза Германа переходят к моим волосам, которые сейчас развеваются. Я сохраняю на губах мягкую улыбку. Не помню, когда в последний раз чувствовала себя настолько умиротворенной.

— Думаю, нам пора возвращаться.

Лаванда, грустно усмехнувшись, опускает голову, но когда поднимает ее, то не позволяет уголкам губ опуститься, чтобы я не угадала его настроение — но я знаю, что он разочарован услышанным.

Я это знаю.

Левандовский кивает в сторону платформы.

— Пойдем, — отзывается он голосом, в котором пытается скрыть сожаление. — Будем слушать мой плейлист, пока не доедем до дома.

Рассмеявшись, я соглашаюсь с ним, и когда он предлагает молча взять его под руку, подумав несколько секунд, расцениваю этот его жест, как любезность.

Не более того.

На стук моих каблуков поворачиваются несколько взрослых мужчин, сидящих за одним столом в модной пиццерии. Я ловлю их оценивающие взгляды, когда снимаю

солнцезащитные очки. Администратор зала подбегает ко мне тот час же, как только за мной закрывается дверь, но я выискиваю одного мужчину, который разрушил мою жизнь. И, насколько мне известно, его любимое место то, где ему уделяется меньше всего внимания — где-нибудь в углу.

— У меня назначена встреча, — вежливо отказываю девушке-администратору, что так рьяно желает мне помочь.

Я обхожу ее, чтобы пройти вглубь зала, где в самом конце прячется Эмин. Мне бы ужасно хотелось быть злой на него. Такой злой, чтобы ненавидеть каждый миг, каждую секунду. Уверена, так и было бы, если бы он изнасиловал меня, незнакомую девушку. Причинил бы страдания той, кого не знал, той, которую не любил. Случись бы это на какой-нибудь вечеринке, где Фаворский принял в себя много виски, а потом на пьяную голову начал ко мне приставать... все было бы по-другому. Абсолютно все. Но ведь я знала его до того, как он повел себя со мной, как свинья. Я знала его хорошие стороны. Я любила его. И, к сожалению, продолжаю любить, хоть я считаю это абсолютно неприемлемым.

Он одет в темно-зеленую рубашку и, как часто делает, расстегнул верхние пуговицы. Я невольно плююсь на его мощную шею, когда иду в направлении деревянного столика, за которым он сидит. Эмин не видит меня. Пока еще. Мужчина занят тем, что печатает с помощью телефона кому-то сообщение, его большой палец порхает над сенсорной клавиатурой. На поверхности стола разложена целая кipa бумаг. По всей видимости, Эмин пришел сюда раньше назначенного времени, и пока ждал меня, решил заняться делами. Это в его стиле.

Рукава рубашки закатаны, а левое запястье украшено дорогими наручными часами. Его любимая марка — Patek Philippe, хоть она и уступает в цене другим производителям подобных украшений, да и стиль, на мой взгляд, не самый лучший, Эмин их просто обожает. У него целая коллекция часов этой фирмы.

Телефон в его руке звонит, звучит припев песни «Take me to Church», и чтобы ответить Фаворский вскидывает голову, поднося мобильный к уху. Тут он замечает меня. Делает глубокий вдох, а после моргает несколько раз, извиняясь перед собеседником на том конце провода за молчание в трубку. Он кивает головой, что-то отвечая, что-то добавляя, но его глаза поднимаются с моих ног к бедрам, обтянутым юбкой короткого красного платья, декольте которого в меру откровенное. Эмин останавливает взгляд на моей груди на достаточно долгое время. Когда я достигаю места, где расположился Фаворский, могу уже ясно слышать, как мужчина вновь просит прощения за свою отвлеченность.

— Просто... — говорит он, похоже, слегка обескураженный моим видом, — ... появилось срочное дело. Не против, если я перезвоню тебе позже?

В то время я уже присаживаюсь напротив него. Официант появляется, словно из ниоткуда.

— Добрый вечер. Вам понадобится меню?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я поджимаю губы, вспоминая, сколько взяла с собой денег. Я заплачу за себя сама, поэтому мне не стоит много заказывать.

— Нет, — улыбаюсь молодому парню в длинном фартуке, — мне просто черный кофе, пожалуйста.

Он напоминает мне о Германе. Тактично кивает и удаляется в сторону бара. Обратив внимание на мужчину, к которому я сегодня пришла, я вздыхаю, стараясь играть в игру, где я

притворяюсь, что делаю ему одолжение, встретившись сегодня. Но хорошо то, что у меня выходной. Плохая новость — Маргарита требует мои документы завтра же, иначе она грозитя меня уволить. Впрочем, как и Эмин. Но я выполнила его условие — я в «Папа Джонс» в шесть вечера, как он того и хотел, а значит могу оставаться работать в отеле, который он приобрел вместе со своим отцом, о чем я даже подозревать не могла.

— Ну, привет, — сухо здороваюсь я, положив свою черную, в тон туфлям, сумочку-клатч на стол перед собой. — Зачем звал? Давай быстро, потому что у меня есть дела.

Фаворский откидывается на спинку сидения стула, закинув ногу на ногу. Так же он кладет руку на соседний стул, согнув ее в локте, а пальцы приближает к губам. Он приподнимает уголки, потирает нижнюю указательным и средним, сконцентрировано изучая мое лицо и мой сегодняшний образ.

Самой себе врать — дело паршивое. Поэтому я признаюсь честно, что меня, разумеется, волнует то, как Эмин меня оглядывает, с каким интересом и, несомненно, желанием. Но я лишь пожимаю плечами, всем своим видом показывая, что мне уже скучно.

— Ладно, — закусив нижнюю губу, начинает Фаворский. — Давай поговорим о твоём будущем возможном, — вскинув указательный палец, он делает акцент на последнем слове, — пребывании в «Моне» в качестве официанта, Ло.

Из динамиков заведения начинает играть ритмичная музыка, а Эмин придвигается ближе, положив локти на стол.

— Буду откровенным, я не хочу, чтобы ты работала там, но...

— Но я все решаю сама, — договариваю за него.

И, ухмыльнувшись, красивейший мужчина на планете с пепельно-дымчатыми глазами выбрасывает ладонь вперед, как бы подтверждая ход моих мыслей. Видно, что он не очень-то доволен решениями, которые я принимаю. Ему просто не нравится, что я бросаю ему вызов, в то время как раньше все время его слушалась. Конечно, после того, что произошло, он должен благодарить меня за то, что я вообще в его сторону смотрю.

— Я предлагаю тебе альтернативный вариант: как насчет того, чтобы вступить в должность менеджера? Или директора? — быстро дополняет он. — Но, если хочешь знать мое мнение, то тебе лучше бы вообще не работать в этом отеле, тем более что деньги теперь у тебя есть...

Пришла моя очередь откидываться с самодовольным видом, скрещивать руки на груди и наблюдать за реакцией Фаворского на мое скорое признание:

— Нет.

Он всего на секунду опускает глаза на засветившийся дисплей телефона, а потом вновь обращает их на меня. Сощуривает их и в непонимании качает головой.

— Что — нет?

— Денег больше нет, — веду я плечами в напускном безразличии. — Я их уже, чтобы ты знал, потратила.

Эмин никогда не был жадным, никогда. Но мне интересно, как он поведет себя сейчас. Однако, в разрез моим представлениям, он со спокойной душой кивает и показывает мне большой палец.

— Молодец, Ло. — Фаворский тянется за пиджаком, висящем на спинке стула вблизи. — Я дам тебе еще. Скажи, сколько нужно.

Не вникнув сначала в его последние предложения, я думаю о том, что Эмин сказал раньше — про работу в его отеле, но не в качестве официанта. Мне почему-то

представляется лицо Германа... и я не готова и не хочу командовать им. Как бы это ни звучало странно, безумно, не типично для меня, все хорошо. Я чувствую себя с Лавандой так комфортно, как может быть в моем случае. И за последние дни я многое осмыслила, чего не было раньше.

Я кладу ладонь на его руку, попросив остановиться. Эмин под моим прикосновением в действительности вздрагивает, словно я ударила его током. Он поднимает на меня взгляд глаз стального цвета, и я вижу, как медленно его кадык движется вниз, когда он сглатывает. Убрав руку, я уже жалею, что дала себе разрешение коснуться его. В свинцово-серых зеркалах его души всплеснулась надежда, заявила о себе, от чего мне становится не очень хорошо.

Я прочищаю горло и пытаюсь настроить себя на сугубо деловой разговор, насколько бы тяжело это ни было.

— Эмин, я... не потратила эти деньги, чтобы купить себе очередную сумочку от Шанель...

Он отвечает тот час же:

— Я понимаю.

— Нет, не понимаешь. У меня появился друг, — сказав это, я облизываю нервно губы, но упрямо прячу глаза под ресницами. — Он отвез меня в одно место. Это клиника, в которой лечатся дети от рака. И...

Фаворский изумленно спрашивает:

— Ты пожертвовала деньги, которые я тебе дал?

Мне нечего ответить ему, он и сам теперь знает, что я сделала это, но, наверное, пока еще не может этого признать. В его интонации ни намек на осуждение или презрение. Или что-то еще, что могло бы мне не понравиться. Наоборот — только восхищение. А мне нужно, чтобы он облажался. Чтобы у меня была еще одна причина, нереально веская, позволяющая ненавидеть Эмина.

Почему? Почему он не ошибается?

Через минуту Фаворский откашливается в кулак, а официант приносит мне мой кофе. Поблагодарив его, я рву стик с сахаром, высыпая содержимое в белую чашку.

— Это очень неожиданно, — объясняется мужчина, однажды ставший моим мужем. — А что за друг?

После этого вопроса ложка замирает в моей руке, а я морщусь, потому что мне не стоило выдавать своего страха. Но я уже провалила это задание.

— Герман Левандовский, — вскинув воинственно подбородок, говорю я.

Эмин безмолвно открывает рот и издает смешок. Он то хмурится, то его лицо разглаживается от морщин. Мне показалось, что Фаворскому даже не представляется возможным мое общение с людьми такого класса. Пусть думает, что хочет. Я не стану ему говорить о том, кем является отец Лаванды. Да и мне все равно — я общаюсь с Германом, потому что мне нравится с ним проводить время.

— Ах, да! — голос Эмина звучит так, словно, тот только что припомнил это имя. — Точно. Я же вчера просматривал копии его документов. — Не переставая кивать головой, он опускает уголки губ вниз, производит оценку Герману: — Хороший работник.

У нас с ним получается достаточно напряженная беседа. Мы оба гнилые актеры в театре, который, как известно, давно разбомбили. Но Эмин пытается поддержать игру, хотя я знаю, что в его голове зреет план, как бы вышвырнуть Германа с работы. Поэтому, чтобы

этого не произошло, я наклоняюсь к нему близко, через весь стол, предварительно отодвинув чашку с кофе, и, посмотрев в его стальные глаза, я выдвигаю ему ультиматум:

— Если ты уволишь Германа, — предупреждающе начинаю я милым голосом, — я с тобой в жизни не заговорю.

Ухмыльнувшись в очередной раз, Фаворский фыркает и отводит взгляд, повернув при этом голову в сторону.

— Получается, он что-то значит для тебя? — оцепенев от досады, изрекает мужчина.

Он ревнует меня? Да, конечно, я и не сомневалась. Но... к Герману? Черт, я не хотела, чтобы все выглядело именно так. К Герману я не испытываю никаких романтических чувств. Но теперь передо мной стоит дилемма: рассказать правду Эмину о том, что я не рассматриваю Левандовского, как сексуального партнера, или же продолжить наблюдать за его душевными мучениями, которые, не стану скрывать, приносят мне удовольствие.

Но во мне впервые заговорил не эгоизм. Крики моей самовлюбленности заглушают тихо звучащие слова совести. Нужно подумать о Германе. Я не хочу его впутывать в то, на что он не подписывался.

— Мы с ним просто друзья, Эмин, — говорю я, а потом решаю и вовсе соврать: — Он мне даже не нравится.

Хотя это, естественно, не так, ведь Герман в моем вкусе. Высокий голубоглазый брюнет с умением высказать все, что о тебе думает, не задумываясь о возможных потерях. Я восхищаюсь им и часто вспоминаю нашу первую встречу в отеле, где ему было плевать, кто я, откуда я. Ему было важно, какая я. Но, к сожалению, на первых порах казалась ему пустой и глупой. Это я так считаю, анализируя события прошлого.

Облегченный вздох срывается с пухлых губ Фаворского. Меня, как ни странно, это очень забавляет. Его взгляд тяжелеет. Надеюсь, что он не собирается сказать мне ничего серьезного, что точно не пойдет на пользу сегодняшнему вечеру. Я оглядываюсь в сторону окна, у которого сидит целующаяся парочка. Солнце уже низко; оно освещает Москву, его лучи проникают в зал пиццерии и запутываются в темных волосах Эмина, кончики которых чуть-чуть выются.

— Ты согласишься со мной посетить одно мероприятие? — выгнув одну бровь, на выдохе выдает Фаворский.

Я чуть было не захлебнулась кофе.

— Ты издеваешься?!

Эмин, расставив ладони по обе стороны от себя, пытается объяснить свою точку зрения на это.

— Нет, Ло, послушай, это очень значимые люди для меня в бизнесе и... помогли мне кое с чем. Просто я не рассказывал никому, что наши отношения сейчас... их нет, — с болью и горечью выдает мужчина, моргнув и уставившись на скрещенные пальцы рук.

Через минуту моего полнейшего молчания, он продолжает:

— У моих друзей свадьба. В восточном стиле. Прошу тебя, пойдём со мной. Может быть... может быть, ты даже иначе посмотришь на меня? Дашь мне шанс?

Отчаяние в его словах, конечно, подкупает, а так же этот жутко-виноватый тон, но прошло три года. И я изменилась.

— Эмин... — отрицательно качнув головой, говорю я, но Фаворскому понятно уже, какой вердикт я вынесла.

Он неожиданно тянется своей рукой к моей руке. Переплетает наши пальцы, а я даже не

могу отодвинуться, отдернуть ладонь. Просто не хватает сил. Он застал меня врасплох.

— Ты же видишь, что я влюблен в тебя, Ло. Ты это видишь? — его шепот проникает в каждую клеточку моего тела, создавая в сердце настоящий переполох.

Я должна сдерживать себя. Должна сдерживать.

— Я не могу думать ни о ком другом, кроме тебя. — Как только, вдавшись в рассуждения, Эмин снова отталкивается, чтобы прильнуть спиной к спинке стула, я плотно закрываю на миг глаза, чтобы прийти в себя. — Да, я совершил ошибку. Но неужели ты никогда не сможешь простить меня?

Держать в тайне мое бешеное сердцебиение становится все сложнее, поскольку взгляд Эмина, который он удерживает на мне, все не переставая говорить о своих чувствах, сносит крышу напрочь. И это основательно.

— Сможешь простить? — с ребячливой доверчивостью и откровенностью задает свой вопрос Фаворский еще один раз.

Но я даже не знаю, что ему ответить на это.

Я тоже... тоже влюблена в него. Все еще. И все-таки часть меня ненавидит его с ужасающей силой.

Не знаю, изменится ли это когда-нибудь.

ГЛАВА 14.

Одержимость

Герман

Мы любили силой воли, скоростью духа, длиною смеха, килограммами надежд.

© Саша Крамар

Я не должен делать этого, но часть меня очень хочет войти в гостиную и взглянуть на ее обнаженные ноги еще раз — и теперь уже не случайно. Делаю усилие над собой и мысленно зываю к себе, порядочному и приличному, вести себя хорошо. Но ее ноги... Ее потрясающие ноги, которые она во сне вытащила из-под покрывала, они сводят с ума. Великолепные линии ее тела. Вы никогда не замечали, что даже самое несовершенное женское тело может стать весьма привлекательным благодаря линиям. Но это не касается Лолы, поскольку ее тело, облаченное молочной кожей, просто идеально. Я долго отгонял от себя подобные мысли о ней, ведь эта девушка старше меня, она эгоистична, зациклена на деньгах и роскоши, однако через всю эту золотую брешь пробивается что-то настоящее в ней, и мне очень сложного этого не замечать. Я не могу заставить себя, как ни старался.

Оставляю кружку с недопитым кофе внутри в раковине (кофе уже все равно остыл, а мои чувства — нет) и медленно, чтобы не разбудить гостью, прохожу в комнату. Ее ноги видны даже в зеркале напротив дивана, на котором она спит. Рядом с зеркальным шкафом на стене висит плазменный телевизор; по нему передают очередные неутешительные новости. Даже не понимаю, почему моя привычка из прошлого включать телевизор по утрам перешла в мое будущее. Этот бесполезный фон со звуками и однотонным изображением вовсе не поднимает мне настроение. Я хватаю со столика невдалеке пульт и нажимаю на кнопку выключения. Переведя взгляд на Лолу, я замечаю, что она все так же мирно спит, словно ангел. Черт, ну и сравнения. Но серьезно... она даже не сопит во сне. Я смотрел, как она умиротворенно отдыхает на этом диване на прошлой неделе ночью. Не мог уснуть в своей комнате и решил взглянуть на нее. Когда я вошел в гостиную, то понял, что долго еще не смогу покинуть ее. Темные волосы Лолы были раскиданы на подушках, а руки она раскинула в стороны. Покрывало припустилось, поэтому я мог видеть, как ее налитая,

полная грудь вздымается — спокойно и небыстро. Я сидел на полу и смотрел, как гребаный извращенец, пока не осознал, что реально возбудился. Мне не нужно было так делать, но сдерживаться от действий, похожих на эти, еще тяжелее.

Не нужно было Лоле врываться в мою жизнь и все в ней с ног на голову переворачивать. А ведь именно это она и сделала! Сама того не понимая, своими карими глазами, пухлыми губами, дерзким характером, нежеланием подчиняться и сознанием, полностью противоположным моему, постепенно, день за днем, она пленяла меня. А я летел в ее сторону, как мотылек — на свет. Дурак. Полный идиот.

Лола, не вскидывая ресниц, потягивается в постели, изгибая спину, и мне следовало бы спрятаться за аркой, однако я не могу оторвать глаз от этого зрелища. Это великолепно, Боже. Неужели, она не замечает, как я на нее смотрю? Совсем не хочется признавать того, что Лолита всерьез зацепила меня, но, по-моему, это весьма и весьма очевидно.

На кухне звонит мобильный. Это, скорее всего, разбудит ее, потому как я забыл поставить телефон на беззвучный режим, но мне все же нужно ответить. На экране высветилось имя отца. Вскинув голову, я вздыхаю, облизнув пересохшие губы. Черт! Я совсем не хочу с ним разговаривать!

— Halo? («Алло?» — здесь и ниже перевод с польского) — достаточно сухо говорю я, но, тем не менее, подношу телефон к уху.

— Witaj, synu! (Здравствуй, сынок!) — звучит его абсолютно бодрый голос, несмотря на раннее утро и в его стране.

Я киваю, зная, что он этого не увидит, но на том конце провода слышно ему лишь мое неприветливое молчание, означающее, что я, наверное, не прав, но не смогу простить отца никогда.

— Tak, cześć (Ага, привет), — присаживаясь за стол, принимаюсь покатывать по нему шариковую ручку, уже догадываясь, зачем мне позвонил папа, но я не хочу, чтобы он возлагал на меня свои проклятые надежды только потому, что я его единственный ребенок.

Папа тяжело вздыхает. Я могу слышать, как он устраивается в кресле, по всей вероятности, кожаном кресле.

— Słuchaj, jesteśmy z tobą już tyle czasu mówimy o jednym i tym samym, i wszystko w kółko chodzimy, Herman... (Слушай, мы с тобой уже столько времени говорим об одном и том же, и все по кругу ходим, Герман...), — у отца немного сердитый голос, хотя раздражаться должен я — не ему ведь навязывают какую-то там польскую девицу в жены!

Я выставляю руку перед собой, как делаю обычно, когда жутко нервничаю. Я понимаю, что старику этого все равно не увидеть, но представляю перед собой его самодовольную физиономию, длинные волосы до плеч и щетину, — и меня просто накрывает гнев от того, что в последние два месяца он стал все больше напрягать меня идеей о женитьбе на дочери одного влиятельно шоумена.

— Powiedziałem, że nie, tato! Nie! Czego nie rozumiesz? (Я сказал нет, папа! Нет! Чего ты не понимаешь?) — невольно, черт подери, я перехожу на крик.

Мой русский акцент становится более явным, стоит мне повысить голос. Прошлым летом ездил к отцу в Варшаву. Все говорят, я на него жутко похож, но: «Акцент ужасен». На самом деле, мне плевать на это, я ведь не собираюсь жить там, я хочу жить здесь, и мне не нужно никаких «польских красоток», как любит говорить отец.

— Nie rękaj (Не горячись), — в ответ на мою ярость, как назло, папа достаточно деликатен. — Pomyśl dobrze (Подумай хорошо), — с расстановочной интонацией произносит

мужчина. — Wo to dobra propozycja, synu: Wo to dobra propozycja, synu: jej ojciec zostawi ci w spadku swój biznes! (Потому что это же хорошее предложение, сынок: ее отец оставит тебе в наследство свой бизнес!)

Он изрекает каждое последнее слово с таким восторгом, словно увидел что-то чудесное. Я для него товар, что ли? Он поэтому однажды предложил оплачивать мою учебу и квартиру?! Его настойчивость приводит меня к подозрениям, что так оно и есть.

— Nikt nie prosi cię poślubić teraz! Ale zaręczyny jest koniecznością. (Никто не говорит тебе жениться прямо сейчас. Но помолвка является обязательным условием.) — продолжает отец, как ни в чем не бывало.

Грустно усмехнувшись, я качаю головой, уже прикидываю, что мне делать дальше, после того как освобожу свою квартиру, и как теперь буду оплачивать свой контракт. Я что-нибудь придумаю. Да... Я придумаю что-то, но я не хочу больше принимать ничего от, так называемого, папы, которого несколько лет в моей жизни не было вообще. Спасибо, конечно, за то, что он хотел спасти мою маму, и все сделал для этого, однако сейчас, беседуя с ним, я ощущаю себя продажной вещью. Мне это совсем не нравится. Мне всего двадцать, а он уже говорит о какой-то помолвке, которая, кстати говоря, станет удачной для него. Не для меня.

— Herman? — окликает отец, ведь я уже достаточно долго молчу, подавшись собственным размышлениям. Он зовет снова: — Herman?!

И тогда я принимаю решение завершить вызов. Немного подумав, держа в руках мобильный, вовсе отключаю его. Старик будет в бешенстве.

На кухне появляется Лолита, сонная и такая милая, а я не сразу замечаю ее. Она очень забавно потирает кулаками глаза, как маленькая девочка. Улыбнувшись, скрещиваю руки на груди и, оперевшись о кухонную стойку бедром, я смотрю, как и на ее лице расплзается красивейшая улыбка.

Утренняя.

— Доброе утро, — зевнув, Лола подходит ближе. — Покормишь меня?

О, да!

Эмин

Мы все одержимы.

© Чак Паланик «Колыбельная»

В машине на всю мощь звучит песня группы Anberlin, но я выключаю музыкальную систему, только подъехав к посту охраны. Шлагбаум поднимается тот час же, давая мне возможность проехать вглубь. Делая небольшой круг, чтобы... да, чтобы увидеть ее, я, разочарованный, возвращаюсь к банкетному залу «Монако», чтобы припарковаться рядом. Здесь стоят и другие машины персонала, и только сейчас я с удивлением для себя подмечаю, что еще никогда не видел Лолиту за рулем. Я знаю, что у нее есть права, получила она их не с первого раз. Однако не водила. По крайней мере, при мне точно нет.

Я выхожу из своего серого «Фольксвагена», и ко мне уже спешит один из администраторов. Точнее, одна. Это Агния, она была понижена с должности заместителя руководителя отдела продаж в прошлом году, и пока я еще не понял почему, просматривая ее дело. Смело предположить, что причина была личной.

— Эмин... — скоро и громко провозглашает молодая брюнетка, начиная обращение ко мне, но быстро осекается, чуть не назвав еще и мое отчество, поэтому далее она цепляет на свое личико широченную улыбку и медленно сладким голосом выдает: — Босс, доброе утро.

Я в то время снимаю с глаза солнцезащитные очки-авиаторы и приветствую симпатичную девушку, подмигнув ей. Она заливается краской, опустив глаза вниз.

Да ладно?!

— Слушаю, — деловитым тоном отвечаю я, и не думая останавливаться.

Она шагает за мной, еле поспевая, к основному зданию, где и находится, собственно, сам офис. Ее сбивчивое дыхание смешивается с предложениями, что она буквально на выдохе выдает:

— В общем, если коротко, то Марина заболела, и она не сможет координировать Свадебное Шоу! Я не знаю, что делать. Я просила ее связаться с вами, но она не берет трубку уже, — я поглядываю на Агнию, которая прожигает взглядом дисплей своего смартфона, — два часа! Сегодня будний день, в 305 и «Форте» празднуют девичники, работы немного, все на мне оставили, босс. Я в жуткой растерянности, — девушка руками хватается за голову.

Она останавливается тогда же, когда останавливаюсь я, чуть не впечатавшись мне в спину, но вовремя отойдя в сторону.

— Кто такая Марина? — понимая, что теперь должен разруливать все эти чертовы ситуации, потому как являюсь здесь самым главным, я не впадаю в панику, и все же это неприятное ощущение внутри уже набирает обороты.

Агния озадаченно хлопает глазами, потом открывает рот, чтобы, по-моему, что-то сказать, но у ничего не выходит. Несколько секунд. Чуть позже мне все-таки повезло:

— Она — банкетный менеджер. Марина Фролова.

Нет, я ее не помню...

— Ах, да! — выражаю наигранно то, как этот самый менеджер всплыла у меня в голове среди огромной кучи информации, а это и чуть-чуть не так. — Слушай... — принимаюсь жестикулировать ладонью, в которой держу очки. — Я знаю, что я генеральный директор, но у меня есть заместитель, — загибаю пальцы второй руки, — плюс операционный директор, — следующее, и еще один загнутый палец: — Плюс директор по персоналу. Плюс...

Продолжить не удастся, так как я отвлекаюсь на Агнию, что покачивает виновато головой в отрицании, поджав плотно губы. Кажется, она боится. Чего же? Яркое, летнее солнце выкрасило ее черные волосы в светло-коричневый оттенок, и я сначала смотрю, как они колыхаются на слабом теплом ветру, а потом обращаю внимание на голубые глаза, которые она щурит из-за прекрасных природных лучей, попадающих на ее лицо со стороны.

— Что? — подозрительно вопрошаю, готовясь к любому ответу, но не к этому.

Не к тому, что Агния скажет. Она набирает воздух в легкие, но в ту же минуту он покидает ее тело, когда он произносит оживленно и практически мгновенно:

— Вчера ночью прошла вечеринка в «Монако», когда свет вырубили. Я не знала, честное слово! — она прислоняет ладони к груди и хмурит сильно брови. — Босс, я не знала!

Сжав кулаки, задаю один единственный вопрос, играя желваками от злости:

— Кто?

— Все. IP-Директор, руководитель службы охраны, шеф-повар, главный бухгалтер, ваш заместитель... В общем, все...

Я скидываю руку, указывая на банкетный зал за ее спиной, уже собираясь войти в него и устроить жуткий скандал.

— Они там?!

— Утром по домам разошлись, — закусив нижнюю губу, почти хныча, говорит девушка.

Она-то чего ревет? Не ей же влетит!

Я продолжаю свой путь в направлении офиса, а Агния бежит за мной, как я и думал.

— Всем позвони, дозвонись, слышишь? Из-под земли достань, но чтобы после обеда все были у меня в кабинете. ВСЕ! — бросаю через плечо оглушительно.

Агния вздрагивает, а я чувствую себя настоящим чудовищем. Но мне все равно. Они вздумали меня не уважать?! Считают меня не авторитетным, поскольку я — не мой отец?! Хорошо. Пусть так. Сегодня узнает каждый, кто такой Эмин Фаворский. Каждый!

Герман

Только сложится нелегко

Дружба пламени с мотыльком.

© Валерия Меладзе

Катя встречает в, как мы его называем, «камерном коридоре» с ухмылкой на тоненьких губах. Я дергаю ее за длинную косу и приветствую, ударив по ладони. Как и всегда. Первым делом провожаю взглядом Лолиту. Отвлекаюсь только тогда, когда она заходит в общую раздевалку, за угол. И только после я улыбаюсь Кате, хочется услышать, почему ее настроение на подъеме, нам еще почти сутки работать, девичник обслуживать.

— Что случилось-то? — говорю, когда мы входим в бар.

Катя, закинув плетеную косичку за спину, достает натирку из-под двух коробок, поставленных друг на друга.

— Босс бушевал сегодня, — вздернув нос и обнажив ровные зубы, девушка берет из-под стойки винный бокал. — Такой сексуальный, Лаванда! Сейчас приструнивает персонал в кабинете.

Я мотаю в непонимании головой.

— Почему? Что случилось?

Она пожимает плечами и выпячивает нижнюю губу.

— Вчера выключили свет во всем отеле, часа на два, а когда дали, то начальник службы охраны решил в «Монако» его не включать. Созвал туда всех, притащил своего бухла...

Я выпучиваю в глаза в неверии.

— Ты серьезно?

— Слухи ходят именно такие, Лаванда. — Секундой позже Катя, что так не любит Лолиту (и это абсолютно взаимно) дергает меня за край рубашки на локтевой части. — Слушай, ты бы видел, как он тут бегал и кричал... Это просто страсть! Какой сексуальный, Лаванда, какой...

Усмехнувшись, желаю скорее остановить этот ее поток мыслей, который мне вряд ли поможет ночью заснуть.

— Поверь, — посмеиваясь, проговариваю я, — меня не возбуждают мужчины.

Она хмыкает и специально косится в мою сторону, чтобы я разбушевался из-за ее недвусмысленного намека. Достаяю еще одну натирку и шлепаю ею Катю по заднице. Она чуть изумленно гогочет, но отвечает мне тем же. И мы дурачимся довольно долго, пока в баре не появляется Лолита. Вернее будет сказать, пока я не замечаю ее в дверях. Между тем, я останавливаюсь, оглядывая ее в обычной униформе официанта, но без «бабочки» и бейджика. Нет, она не посмотрела на меня ревностно, она лишь бросила на Катю брезгливый взгляд. И меня, наверное, должно было это возмутить, но я, похоже, слишком озабочен тем, чтобы вызвать у Лолы ревность.

ГЛАВА 15.

Трудный день

Герман

Сегодня у Марго выходной, поэтому роль старшего в подготовке огромного шатра к завтрашнему мероприятию выполняю я. Просто отлично. Да еще и приходится работать с командой из пяти человек — четверо из них новички — их выискивают на специальных для того сайтах. Этим занимается кадровый отдел, однако мне все-таки интересно, что за идиоты там сидят, которые даже не могут подобрать нормальных официантов. Ведь тогда мне не придется нервничать через каждые пять или десять минут.

— Эти подойдут?

Парнишка, мой ровесник, окликает меня, когда я делаю очередной глоток кофе. Я поворачиваю к нему голову, стряхнув пепел с сигареты. Думал, покурю, расслаблюсь за шатром, любуясь великолепными садами «Моны», но нет, подчиненные, похоже, не позволят сделать этого.

Я опускаю глаза на бейдж парня, чтобы вспомнить его имя.

— Слушай, Дима, ты сказал, какой у тебя опыт работы?

Тот ребячливо пожимает худыми плечами и на лице его, полном веснушек, расцветает веселая улыбка.

— А я и не говорил.

У меня кончается терпение, я делаю еще пару затяжек, выдыхаю дым в воздух, отвернувшись на миг. Когда снова смотрю на него, он так же улыбается.

— Так какой опыт?

Испытующе на меня глядя, словно размышляя, можно ли мне доверять страшную тайну, этот умник выдает:

— Никакого, если честно.

Нервно ухмыльнувшись, я скалюсь, почувствовав себя полным дураком. Сплюываю на траву, наклонившись вперед, проглатываю весь оставшийся кофе и рукой, что держу белую чашку, киваю на бокалы, что принес Дима.

— Никуда не годится.

Он ловит мой пристальный взгляд. Снова за чем-то размышляет, а потом все-таки делает шаг назад, не отворачиваясь от меня. Дима сильно хмурится, будто, наконец-то, понял, что сделал что-то не так. И сказал что-то не то. Нет, я не собираюсь бежать к начальству и жаловаться. Я привык такие проблемы решать сам. Да и они сами знают, кого набирают. На самом деле, мучиться с такими экспонатами приходится нам, добросовестным официантам, работниками зала, менеджерам. Можно перечислять бесконечно... А те, кто сидят выше... Да им просто плевать. Согласился сервировать столы в шатре на сто пятьдесят персон? Берем. Большего и не надо. Ведь всегда есть другие работники — таким, которым зарплата начисляется не просто так.

— Я говорю, спроси у сервизника Игоря, как выглядят красные винки, — вскинув брови, говорю ему вслед.

Но он, бестолковый, лишь издает какой-то низкий соглашающийся звук, однако в глазах его читается, что ни черта он не понял. Протерев ладонью лицо, обреченно вздыхаю и направляюсь к личной шатерной кухне, что соединена с мойкой. Кладу на стойку, на которую повара во время банкетов складывают блюда для подачи, свою пустую чашку. Младший повар Виталина, положив один локоть на свою часть стойки, нагибается так, чтобы ладонью другой руки растормошить мне волосы.

Я становлюсь в позу: упираю кулак в бедро, напускной хмурый взгляд выражает ярое недовольство. А Вита от этого только смешно, и она повторяет действие, создавая на моей голове настоящую лохматость. Вскинув руку к волосам, цокаю языком:

— И не стыдно тебе, нет?

Девушка хохочет, и ее рыжие локоны разлетаются в стороны, когда рабочая косынка слетает вниз.

— Ой! — вскрикнув, Вита поднимает часть своей униформы, а когда выпрямляется, ее выражение лица вновь приобретает лукавые нотки. — Мне совсем не стыдно, а тебе?

Моя челюсть вытягивается от удивления, но Вита продолжает раньше, чем я успеваю задать свой вопрос.

— Задумчивый весь такой. Сколько сигарет скурил уже? — она сердито указывает на торчащую пачку из кармана брюк. — Все оглядываешься, высматриваешь кого-то... Но мне ничего не сказал.

Я развожу руки в стороны, абсолютно не понимая, к чему девушка клонит. Она такая милая и красивая, солнечная. И не только из-за маленького роста и рыжих волос. Есть что-то в Виталине такое, что притягивает к ней, как к человеку, — душа нараспашку. Хоть это в наше время больше недостаток, чем достоинство.

Увы.

— О чем ты говоришь? — со смешком срывается с моих губ эта фраза.

Вита склоняет голову набок, и теперь упирается локтями о стойку, изогнув одну свою бровь, словно решая, что я сам должен расколотся, прежде чем она ответит. Но я понятия не имею, что эта девушка хочет от меня услышать.

— Я, правда, не...

Но не удается мне закончить, как Вита перебивает меня, поднявшись и чуть позже прислонившись боком о гипсокартонную стену «фальшивой» кухни.

— В кого ты влюбился, Лаванда?

Ощетинившись, я моментально хмурюсь. Сохраняя на своем лице что-то вроде лживого равнодушия, посмеиваюсь над ее словами, глядя на девушку, как на умалишенную.

— Что?! — выдаю быстро и заражаюсь громким смехом. — Ну, ты же не серьезно, да?

— Очень даже серьезно. Я такие вещи сразу вижу.

Достаю автоматически из пачки сигарету и подношу ее к губам, только потом до меня доходит, что я собираюсь курить в неподобающем месте, и хоть камеры в этой части шатра не работают, а из начальства никого нет, все равно такой безалаберности я себе не могу позволить. Поэтому под звонкий голос Виты я ухожу за пределы всего этого великолепия и становлюсь на край деревянного пола, за которым природа. И отделяет меня от травы всего лишь метр прыжка.

— Я вижу, что ты снова куришь! — кричит оттуда Виталина, от чего я только улыбаюсь, затагиваясь сильнее, но думать даже не хочется о том, что, возможно, она права.

Мне такие проблемы в жизни не нужны. Я себя реально оцениваю: тот еще романтик. А моя новая влюбленность не принесет мне ничего, кроме хлопот и неприятностей. Мне стоит относиться к Лолите, просто как к сотруднице, приятельнице, которая иногда у меня ночует... Тем более, что она, бл**ь, замужем!

Пока никто не видит, я замахваюсь и сражаю ногой воздух. Ноздри раздуваются от злости. Я пытаюсь дышать ровно, заставляю себя, по крайней мере. Однако чего мне действительно хочется — так это хорошенько подраться.

Замужем. Замужем! Замужем!

Это слово засело в моем мозгу, и я даже не заметил, как покончил с сигаретой. Выбрасываю окурок вниз. Почувствовав прилив адреналина, захожу снова в рабочую зону, но быстро проскакиваю мимо Виты. Я ощущаю в себе некую жесткость, которую нужно направить в нужное русло. И только я собираюсь отдавать приказы, как на рабочий телефон Марго, временно выполняющий функции моего рабочего телефона, пока отсутствует его хозяйка, звонят. Трехзначный знакомый номер. Проработав в «Моне» такое долгое время, я уже знаю, что беспокоят из ресепшена.

— Да? — нажав на кнопку принятия вызова, подношу трубу, больше похожую на первый большой мобильник, к уху.

Мелодичный голос на том конце провода принадлежит девчонке, что служит отелю не один год.

— Тебя хочет видеть босс.

Я недоумеваю.

— Босс? — первое, что приходит мне в голову. — Какой босс?

Через минуту я жалею об этом, ведь из-за каши в голове я не могу сообразить самые элементарные вещи.

— Который Фаворский, Герман, — устало говорит администратор, и я буквально вижу, как она закатывает глаза. — Который Фаворский.

Следуют гудки, и я отключаюсь. Просто это как-то странно: ни разу ни меня, ни другого официанта не вызывали ни к директору, ни к, тем более, владельцу отеля. Все вопросы решают менеджера, а потом передают нам заключения одних или других проблем.

И что же Фаворскому, интересно узнать, от меня нужно?

Кабинет шефа расположен на самом верхнем этаже. Крохотная приемная, на окнах которой висят жалюзи. Мне известно, что у отеля есть офис в Москве, где сотрудничают вместе два отдела: кадровый и бухгалтерия. Так почему начальству бы тоже не переехать туда? Нужно было им подумать об этом с самого начала. Уверен, все бы чувствовали себя комфортнее, и его симпатичный секретарше не пришлось бы ютиться в этой крохотной коморке.

Секретарша ручкой кивает в сторону массивной на вид двери из красного дерева. Я берусь за позолоченную ручку и, не постучавшись, вхожу. Фаворский восседает в своем кожаном черном кресле, словно хренов король. Почему он меня так раздражает? Может, потому что он — муж Лолиты? Или потому, что строит из себя слишком делового и крутого? Ах, да. Наверное, все-таки по той самой причине, по которой Лола его ненавидит. Этот мудака ее изнасиловал в их брачную ночь, не дал ей развод, и до сих пор продолжает ее терроризировать.

Повернувшись к панорамному окну, из которого виден сад и небольшой фонтан, Фаворский слушает на низкой громкости London Grammar. Я и сам большой поклонник этой британской группы, и меня слегка бесит, что и Эмин, как оказалось, не прочь насладиться такой музыкой.

Ну, ладно уже Герман... Это смахивает на ребячество. Ей Богу!

Сложив руки за спиной, я прочищаю горло, желая привлечь к себе внимание босса, но он нарочито оборачивается ко мне не сразу. А когда делает это, на его лице играет неразгаданная мною ухмылка. Я знаю, что Лолита все еще здесь. Он же не собирается ее

тоже вызвать? Ведь почему-то теперь мне кажется, что разговор пойдет о его недовольстве нашей дружбой.

— Вызывали? Я вас слушаю.

Возможно, в моей интонации он хотел бы услышать толику подхалимства и уважения, однако я не предоставляю ему такого удовольствия. Глубоко вздохнув, Эмин встает со своего места, тут же спрятав ладони в карманах своих, я глубоко уверен, очень дорогих черных брюк. Он, как и чаще всего, без галстука, и в районе шеи пуговицы белой рубашки расстегнуты. Все в нем просто кишит роскошью и богатством, лицемерием и ложью, даже его одеколон воняет напыщенностью и нарциссизмом.

— Герман Левандовкий, — задумчиво озвучивает мужчину, глядя своим стальным взглядом, будто прямо мне в душу.

Истинный дьявол!

— Он самый, — облизнув взволнованно губы, я стараюсь избегать смотреть на него и устремляю взор к окну, оттуда открывается чудесный вид.

Эмин кусает щеку изнутри, зачем-то осматривает собственный офис, а затем снова возвращается ко мне. Он будто не может собраться с мыслями. А без меня нанятые им идиоты сейчас разрушают шатер, сервируя столы совсем не так, как нужно. Ладно... Все же отель — это его лицо. Не мое.

— Слушай, не знаю, каким тебе покажется мой вопрос, но я должен его задать. — После чего он оставляет место для продолжительной паузы. Чтобы вызвать у меня заинтересованность? Ну, что же. Быть может, у него это вышло. — Что у тебя с Лолитой?

Мне нужно сделать удивленный вид? Потом изобразить недопонимание? И спросить:

— С какой Лолитой? С Лолитой Рубинян?

На его скулах напряглись желваки, и я могу отсюда ясно различить, как ладони в его карманах сжались в кулаки. Кое-то разозлился? Но мужчина вбирает в себя воздух, усмехается, опустив голову, но когда поднимает ее снова, подбирается и сам ко мне ближе.

— Не-не-не, — быстро выдает Эмин. — Ее фамилия — Фаворская. И мне абсолютно не нравится, что ты, как я уже понял, развлекаешься с моей женой.

Палец босса устремляется мне в грудную клетку. Я чувствую давление с его стороны, и в физическом плане тоже. Медленно вскинув руку, я убираю палец Эмина от себя, не сделав, при этом, ни одного шага назад. Выдержав на себе его взгляд, полный отвращения и цинизма. Вытерпев просто мерзкий запах его одеколona, который так любит Лола... Черт!

— Я с ней не развлекаюсь, если вам это интересно. Между нами ничего не было.

Не знаю, почему он слетает с катушек. Понятно, почему он посмел насильно взять свою жену... С таким-то темпераментом. Да еще и будучи пьяным. Сопоставить два и два, взять несколько письменных заключений у психолога — и можно смело шагать в здание суда.

Даже не собираясь взять себя в руки, даже не попытавшись, этот козел посмел поднять на меня руки. Он толкает меня так, что я впечатываюсь в дверь позади себя. Надеюсь, это было не слишком громко, не хотелось бы, что его секретарша подняла шумиху. Мне кажется, у всех секретарей прописано в трудовом договоре — сплетничать и преувеличивать; доплата + 5 %.

— Ничего и не может быть, сосунок. Ты что, не понимаешь? Лола — моя! Она всегда будет моей. И тебе не стоит лезть в наши отношения, ты понял?!

Я кривлю губы в усмешке, не намереваясь, разумеется, еще больше разозлить Эмина, однако он разгорячен до невозможности.

— Ваши отношения? — будто не расслышав, подношу ладонь к уху. — А она, вообще, знает о том, что они у вас есть?

Фаворский уже и так близко, но когда я говорю следующее, он врзает мне по челюсти:

— После изнасилования, имею в виду.

Проклятье. Удар был слишком сильным. Я хватаюсь за подбородок в надежде, что все цело. Кажется, просто больно. Просто очень больно, но ничего не сломано и не выбито. Поднявшись на ноги, я решаю не оставаться в долгу, но ударить в ответ мне не удастся, поскольку Эмин хватает меня за воротник рубашки и прикладывает спиной к двери так плотно, что мне с трудом удастся дышать. Черт возьми, он же сильнее и мощнее меня раза в полтора. А это совсем нечестно!

— Через полчаса приказ о твоём увольнении будет подписан! — выдавливает босс, держа свой локоть прямо у моего горла.

— Отлично, — тяжело сглотнув, почти по слогам отвечаю я, — тогда ты лишишься ее навсегда. Самый быстрый путь к сердцу любимой — уволить человека, только что ставшего ей другом.

Эмин, пораскинув мозгами, спустя полминуты отодвигается, тем самым, отпустив меня, но я буквально валяюсь на пол, схватившись за связки, резко вдыхая и выдыхая воздух.

— Это шантаж? — глядя на меня сверху вниз, проговаривает Эмин с ненавистью в голосе.

Я опускаю веки, лихорадочно думая, что ответить, однако понимаю, что ответ только один: сам того не осознавая, я прикрылся Лолитой, лишь бы не быть уволенным.

Желая просто промолчать, я поднимаюсь на ноги. Голова гудит, пока я привожу себя в порядок, а после, не удостоив Фаворского взглядом, выхожу прочь из его кабинета, сильно хлопнув дверью.

ГЛАВА 16.

Обреченные на провал

Лолита

Хотелось бы ломать тебе пальцы, а затем целовать тебе их, чтобы ты понял, как выглядят твои “извини” после твоих поступков.

©Lana Del Rey

Долго думая над гардеробом, я все-таки останавливаю выбор на маленьком черном платье от Stone Island с кружевными вставками спереди и сзади в районе ключиц и лопаток. Оно довольно приталенное, но юбка из сжатой сетки выглядит слегка пышной. Да и к тому же, у меня есть подходящий клатч и босоножки от Diesel. И это будет лучшим нарядом, чтобы спровоцировать гостей свадьбы на разговоры о моей, увы, уже скромной персоне. Я все еще хочу, чтобы отец вернул мне мое положение, но пока во время наших разговорах по телефону он даже не выдает того, что его может не устраивать. Я думала, он сам узнает, где я сейчас тружусь, однако, похоже, мне придется проинформировать его самой.

Приложив к губам ярко-красную помаду, я опускаю глаза на мгновение вниз, чтобы оценить длину платья — весьма не внушающую, что не может меня не радовать. Рост я имею небольшой — всего лишь средний, а значит, двадцатисантиметровые каблуки и короткие юбки — это мое.

Когда я наношу туш на ресницы, звонит мой телефон. Мелодия из фильма «Ванильное небо» заполонила всю крошечную квартиру. На экране высвечивается имя Германа, и я отвечаю на вызов, включив режим динамика, чтобы успевать собираться, если наша беседа

будет продолжительной.

— Думал, придется разговаривать с автоответчиком, — бубнит Лаванда.

И я усмехаюсь, наводя макияж. Так, где румяна?.. Эти чертовы румяна!

— Тебе повезло общаться со мной лично, — говорю в ответ я, предварительно положив мобильный на тумбу у громадного зеркала в прихожей.

Он вздыхает.

— Твоя смена закончилась, и ты ушла.

По всей видимости, он собирается меланхолизироваться? Пожалуйста, только не сегодня, когда у меня от волнения дрожат колени.

— Логично, — пожав плечами, зная, что он этого не увидит, фыркая я и нагибаюсь за пудрой.

Я открываю круглую деревянную коробку и шарики, представляющие из себя эту самую пудру, выкатываются к черту на пол. Господи, я все уронила. Выругавшись, наклоняюсь, чтобы собрать их и не упустить ни одного шарика, поскольку этот элемент моей косметички стоит космических денег, которых какое-то время у меня не будет. Слово «экономить», к сожалению, стало частью моего лексикона...

— Эй, ты знаешь, что девушкам материться совсем не идет? — возмущается Герман на том конце провода.

Но я рассержена, ведь уже испортила прическу, не закончила макияж, да еще и своими коленями помыла пол. Давно бы пора. И тряпочкой, тряпочкой...

— Слушай, мне сейчас не до твоих моральных стереотипов, Лаванда.

Закончив с пудрой, быстро перехожу к тональному крему, чтобы кое-что замаскировать. Кое-что совершенно незначительное, но я ведь хочу выглядеть превосходно, чтобы Эмину даже в голову не пришло ругать меня за не восточное одеяние, которое я терпеть не могу, и он об этом знает. Мужчинам повезло: насколько бы глупым ни было тематическое мероприятие, почти всегда они приходят в костюмах. Вся ноша переносится на плечи хрупких женщин, которым необходимо вытворять со своей внешностью черт знает что, чтобы пройти дресс-код.

— Тебе обязательно идти с ним на эту свадьбу? — горечь в голосе Германа чувствуется, даже когда мы на расстоянии.

Я уже понимаю, что ему хреново от того, что мне придется проводить время с Эмином. Левандовский боится, что тот мне может навредить снова, но я уверила его в том, что ничего плохого не произойдет. Самое паршивое заключается в другом — я переживаю, как школьница, о встрече с ним. Хочу скорее увидеть, сердце из груди выпрыгивает... Герман — мой друг. Я не думала, что мы так сплотимся, но, черт подери, в этом мире кто-то должен быть с тобой рядом, иначе сломиться очень просто, и так странно, что в моем окружении теперь он, а не те девушки, увешанные золотом. В смысле, скажи мне кто о таком полгода назад, я в жизни не поверила бы!

Да, Герман — мой друг, и мне приятно, что он заботится обо мне, что боится за меня. Однако мне жутко неудобно перед ним за свое поведение, поэтому я стараюсь не выдавать, как жажду увидеть Фаворского снова. Да и Эмину я не собираюсь показывать, что чувства еще свежи... Не знаю, как все сложится, но сейчас точно не время.

— Все будет нормаль-но, — повторяю я по слогам, приблизив свое лицо к микрофону сотового. — Пожалуйста, не переживай. Я не хочу, чтобы ты волновался.

Его молчание длится достаточно долго, поэтому я продолжаю, слыша в трубке только

спокойное дыхание Германа:

— У тебя выходной. Посмотри классный фильм, пригласи девушку на свидание, приведи ее после в квартиру... Ну, не мне тебе объяснять, да? — посмеиваюсь над ним, пряча все ненужное в белую косметичку. — Я надеюсь, мы оба проведем хорошо этот вечер. Хотя насчет себя я сомневаюсь.

Я улавливаю, как Герман после моих слов глубоко вздыхает.

— Лола, я кое-что сделал. Кое-что сказал, — произносит, мне кажется, с тяжелым сердцем Левандовский, пока я мучаюсь с застежкой на щиколотках. Даже самые дорогие босоножки полны подобных проблем!

— Что ты сделал... или сказал? — не придавая особого значения, его словам поправляю прическу, прислушиваясь, чтобы не пропустить входящий звонок от Эмина по второй линии.

Солнечный свет проникает в квартиру через открытое окно. На одном из верхних этажей живет глупая девушка, которую когда-то изнасиловал собственный муж, и теперь она борется с чувствами к нему, не желая и не имея возможности его избегать. Как только я осмысливаю весь ужас ситуации, у меня понижают плечи. А правильно ли я поступаю? Точнее, уже поступила, согласившись сопровождать его? Господи...

— Кое-что нехорошее... — голос Германа врывается в мое сознание. Я понимаю, что он до сих пор на связи, а мне не хочется, совсем не хочется его слышать.

Потому что мне просто нужно побыть наедине со своими мыслями. Быстро перебив Левандовского, я хватаю мобильный телефон в руки:

— Лаванда, я не могу говорить, Эмин приехал! — с лживым энтузиазмом щебечу я и отключаюсь.

Из глаз неожиданно брызжут слезы. Я настолько удивлена, что даже провожу пальцами по щекам, желая убедиться в правоте своих предположений. Это действительно слезы — горькие и соленые, черные, как это платье, клатч и обувь. И нет, тушь у меня не потекла, макияж не испортился, однако слезы... совершенно темные, как душа у Эмина, как мои чувства к нему. Чувства, которые не получается обуздать. Стоит ему появиться в моей жизни, кое-где нагрубить, кое-где надавить, а потом признаться в любви, как я таю, не в силах себя сдерживать.

Какой-то мазохизм. Это мазохизм, Лолита. Этот человек тебя изнасиловал три года назад. И плевать, что он твой муж! Плевать, что он влиятелен! Это когда-нибудь кончится?! Мне не стоило волноваться, что я пропущу звонок от мужа — вызов отдается эхом в ушах, экран светится, но теперь уже и не знаю, хочу отвечать, или нет.

Стоит, или нет?

В машине Фаворского пахнет приятно мятой и лимоном, а еще к этому нужно добавить его собственный одеколон с мускусным ароматом. Прекрасные составляющие для того, чтобы любая девушка, впервые севшая в автомобиль, потеряла голову. Ну, и конечно, взгляд хозяина... Чертовски хорош. Решила поехать. Все потому, что обещала. Я зачем-то представила в голове образ Германа, когда принимала решение, и спросила саму себя, как бы он поступил на моем месте, дав обещание сделать что-то. И как бы он чувствовал себя после того, как если бы не сдержал его.

Эмин закрывает дверь за мной, а потом садится на место водителя, и как раньше, много лет назад, не пытается меня поцеловать, пока я застегиваю ремень безопасности. Сам он даже не думает позаботиться о своей жизни. Даже в Мадриде его не волновало то, что за

вождение не в пристегнутом виде все время получал штрафы. Дорожная полиция, наверное, помнила его в лицо, однако отнимать права у сына Фаворского никто не рисковал.

— Тебе тоже стоило бы, — говорю я, многозначительно приподняв брови, и пальцами дергаю за ремень.

Заводя машину, Эмин смеется в голос.

— Ты же знаешь, Ло, я — осторожный водитель.

Я хмыкаю.

— Может быть, — отвечаю уклончиво, — но каждый день мимо тебя проезжают сотни неосторожных водителей.

Он снова беззаботно смеется, но, держа ногу на педали, оттягивает ремень и все-таки защелкивает его около своего бедра.

— Видишь, — обернув ко мне свое красивое лицо, произносит мужчина, — твоя взяла.

Раньше Эмин называл меня крошкой, деткой, любимой, и я не жду этого от него сейчас, конечно, нет. Ведь я сама определила дистанцию, которую мы выдерживаем. Точнее, ту дистанцию, которую, по словам Фаворского, ему нужно выдерживать, и он сделает это, если нужно. Сделает все, чтобы добиться моего расположения снова. Это то, что Эмин сказал. Я лишь прокручиваю эти предложения в памяти. Опять и опять, в то время как мы движемся по ночным дорогам, минуя один километр за другим.

Свадьба проходит в центре города, в знаменитом грузинском ресторане. Не знаю, почему они остановили выбор на таком месте, когда сами являются представителями другой национальности, а ведь для них это очень важный вопрос.

По-моему, полная чушь... Папин брак очень долго обсуждали его родственники. Я была маленькой, но я все помню: ссоры, скандалы, возгласы тетя в нашем доме, настроенных против моей мамы. Я помню, как она плакала, я не забуду ее слезы и никогда им их не прощу.

— Кто приглашен? — встряхнув головой, думаю докучать Эмина своим любопытством.

Эмин, просто пожимая плечами, спешит ответить:

— Все. И твоя нелюбимая двоюродная сестра Лиза.

При этом глаза у него пристально следят за дорогой. При упоминании имени кухни вспоминается девочка, ее теска, которая вылечилась от рака, и думать о сестре становится как-то легче. Мне было бы лучше, если бы она растрезвонила все отцу про то, что знает. Однако она почему-то решила играть в «молчание — секрет попадания в рай»! Почему бы ей не рассказать всем, что знает о том, где я спала пару ночей? Ку-ку, в квартире Германа. Официанта. Слухи та-а-ак быстро дойдут до отца, и он вернется, или заберет меня. И я снова смогу тратить деньги, много денег, не обслуживать столы и не терпеть на себе взгляд толстых козлов с тремя разводами за спиной и целой оравой детей.

— О, Господи, — приставив локоть к краю закрытого окна, я усмехаюсь в ладонь. — Я надеюсь, что разговор с ней выйдет коротким, если она, конечно, захочет заводить беседу...

Эмин, наконец, отвлекается от вождения и обращает на меня серьезный, но мимолетный взгляд.

— Почему ты думаешь, что не захочет? Лиза та еще болтушка. Она вместе с твоими подружками присутствовала на нашей свадьбе в Москве, и было очень весело, отчасти, благодаря тому, что твоя сестра веселила всех нас.

Я прислоняюсь спиной к бежевой спинке сидения и задираю голову, чтобы взглянуть на крышу автомобиля, обтянутую... да черт знает, как называется этот материал. Я скидываю

руку, чтобы провести по нему пальцами, и они прямо скользят по внутренней части крыши. Так гладко. Так приятно.

— О-о, — промычав, умоляюще начинаю, — только о свадьбе ничего не говори...

Он не сразу отвечает, но его непоколебимый голос вновь вторгается на мою территорию.

— Почему?

— Ну, хотя бы потому, что после свадьбы Амины и Кости со мной из моих «подружек», — пальцами в воздухе изображаю кавычки, — никто не общается. Я просто перестала звонить и писать. Господи, — повторяю я и провожу ладонями по длинным волосам, — просто перестала... а оказалось, никому не нужна.

Хотя, возможно, Лиза в подробностях, да еще и приукрасив, разболтала им о нас с Германом. Мм?

Да неет. Вряд ли. В таком случае, они бы написали мне, хоть одна из них, чтоб посплетничать, узнать обо всем у первоисточника. Так что, судя по тому, что мало кто пока знает о том, в каком я дерьме, Лиза держала рот на замке. В первый раз в жизни мне нужно от нее прямо противоположное, и эта рыжая мымра снова меня разочаровывает.

Мы подъезжаем к ресторану. Парковщик сразу предлагает взять на себя ответственность за размещение автомобиля Эмина в наиболее выгодном месте, и мой муж, недолго думая, отдается тому ключи. Фаворский приглашает взять себя под руку, как только мы останавливаемся у не очень длинной, белой лестницы, ведущей к парадным дверям. Я уже знаю, что мы опоздали на начало фуршета, но это не очень страшно.

Перед нами открываются двери, двое швейцаров держат их, каждый со своей стороны, пока мы, регламентируя себя, как пара, проходим в зал, украшенный разноцветными воздушными шарами, яркими платьями женщин и строгими костюмами мужчин. Сразу вспоминаю, как Эмин, ожидая меня у машины около моего подъезда, отчитал за короткое платье, что совершенно не входит в рамки дресс-кода. Однако никто не остановил нас, и мы спокойно вошли внутрь.

Склонившись к моему уху, Фаворский неожиданно произносит:

— Ты превосходно выглядишь. Просто бесподобно. Не смей сомневаться в себе.

Его голос звучит очень искренне, однако этот восточный колорит вокруг, который выражает себя не только в нарядах девушек, но и в убранстве столов, в дизайне стульев, развешанных вокруг фотографий, вгоняет меня в краску.

Я становлюсь поводом для обсуждений, но это его друзья женятся сегодня — не мои. Я даже не знакома ни с женихом, ни невестой. В дальнем углу банкетного зала, у выхода на веранду, замечаю Нину и Милану — тех самых девчонок, которых считала своими лучшими подругами. Одними из. И снова встреча. И снова свадьба.

Какое совпадение, дьявол всех вас побери.

ГЛАВА 17.

На страже защиты Германа Левандовского

Лолита

Местная богема ожидает приезда группы БИ-2. Выступление должно было уже начаться, но музыканты опаздывают, а их официальный представитель пытается успокоить жениха, который, как я уже поняла, является ярым фанатом рок-коллектива. Жених, имени чьего я так и не запомнила, собственно, как и имени невесты в слишком, на мой вкус, пышном и старомодном платье, размахивает руками, быстро идет к президиуму, хватает со

стола пачку сигарет с зажигалкой и, толкнув дверь на веранду, выходит покурить, пугая некоторых гостей своей восточной несдержанностью. Его темперамент напоминает мне об Эмине, бессменно держащем свою руку на моей талии. Однако мой муж, даже когда еще не был им, никогда не нервничал из-за таких вещей — из себя его выводило то, что с бизнесом что-то не так, или с нашими отношениями.

Я ловлю на себе взгляды многих присутствующих здесь девушек и женщин. От этого становится неловко, но я стараюсь этого не замечать. С тех пор, как ведущий после церемонии впустил гостей в банкетный зал, они просто не спускают с нас глаз. Мы с Эмином стоим у горки шампанского, где один из официантов подливает сверху этот божественный напиток. Здесь он, и правда, очень вкусный. Не вижу, что написано на этикетке, так как поверх нее красную бумажную салфетку.

— Почему они так смотрят? — бурчу я про себя раздраженно.

Фаворский, услышав, наклоняется к моему уху:

— Они завидуют.

Это вызывает у меня тихий смех.

— Не льсти себе, Эмин.

Посмотрев вверх, на него, я замечаю, что он улыбается, приложив край бокала к губам. Я всегда была без ума от его улыбки — какой-то не до конца для меня разгаданной, словно Эмин что-то скрывал, что-то не договаривал. В конце концов, все именно так и оказалось. Но сейчас... все то же самое? Или это его привычка — улыбаться так, будто ты что-то задумал.

Я отвлекаюсь от собственных мыслей и подобно Эмину отставляю бокал в сторону, когда ведущий просит пройти всех за столы. Наши места за 4, что ближе к президиуму. Похоже, это довольно близкие для Фаворского друзья, которых он недавно приобрел, потому что я о них ничего не знаю, зато я не могу игнорировать, как моя кузина Лиза, сидя за шестым столом, буравит меня взглядом. Вскинув подбородок, отворачиваюсь от нее. Как раз в этот момент Фаворский наклоняется, чтобы поцеловать меня в плечо, которое натянуто кружевом. Он не отнимает губы от меня и поднимает глаза, мы встречаемся взглядами, от чего сразу пересыхает в горле. Мельком посмотрев на Лизу, я замечаю, что она так и не решается отпить вина из бокала, который поднесла к губам. Кузина полностью сконцентрировала внимание на нас, пока ведущий горло рвет, чтобы попытаться развлечь молодоженов и их гостей. А мне, на самом деле, хочется скорейшего окончания этого вечера. Но дело в том, что я не знаю, что теперь будет... Как теперь быть? Когда Эмин продолжает на меня так смотреть. В прошлую нашу встречу он просил прощения, сказал, что до сих пор любит меня, он нисколько не изменился: все такой же щедрый, красивый (даже стал еще более сексуальным), умный, интересный и после той ночи... жестокий. Для меня — жестокий. Черт. И что с этим делать? Как поступить?

В сознание прорывается голос молодого парня, басом обращающегося в микрофон к залу, слушающему его в пол уха, так как большинство уже налегает на еду, словно ни разу в жизни ее не видели.

Господи...

Совсем скоро звон вилок и стаканов сменяется на суматошную болтовню, а еще спустя пару минут в зале раздаются бешеные аплодисменты, поскольку ведущий, уже будто выжатый, как лимон, объявляет БИ-2. Жених вскакивает с места и хлопает стоя. Сначала Шура и Лева поздравляют новобрачных, пожелав им всего самого лучшего, а мне в этот

момент вспоминается, что на нашей свадьбе в Мадриде исполнял песни знаменитый испанский певец. Имя его только забыла... Наверное, потому что, несмотря на его славу, мне он показался слабоватым. Организацией мероприятия занимался Эмин самолично, вот и выбрал этого певца, однако мне не понравилось, а сейчас думаю, почему мы не пригласили никого из шоу-бизнеса выступить на нашей свадьбе в Москве? Я ведь люблю БИ-2, и это было бы круто, если бы Лева и Шура в свое время поздравили нас с Эмином тоже. Хотя... вряд ли это изменило бы то, что случилось...

Группа начинает свой мини-концерт для нас с песни «Компромисс», и некоторые гости начинают подпевать, в отличие от жениха они делают это тихо. Тот же, напротив, за неимением микрофона поет почти громче самих музыкантов. Ребята чудесно играют на инструментах, и приехали они раньше, чем Лева и Шура, успев все настроить перед началом грандиозного представления. На мой взгляд. Потому что мурашки по телу так и бегут. Фаворский тоже, наконец, полностью сосредоточен на сцене.

Далее следуют хиты «Молитва» и «Полковнику никто не пишет». На последней я встаю со своего места, чем приковываю к себе стальной взгляд Эмина. Вопросительный. Я указываю пальцем на веранду и жестами, без слов, говорю ему, что просто хочу подышать воздухом. На улице пение птиц уже переменялось стрекотанием сверчков. Высокие дворовые лампы зажжены и выставлены по всей территории большого сада. Отхожу где-то на несколько метров от стеклянных дверей, достаю из своего клатча пачку сигарет, щелкаю зажигалкой по сигарете, а когда затягиваюсь, ощущаю настоящий... кайф! Как мне этого не хватало среди удушающей фальши там, в той неуютно огромной пирушке. Не хочу туда возвращаться, но, похоже, придется. Мысли переносятся к Герману. Я думаю о том, чем же он там сейчас занимается? Мне интересно. Мне действительно интересно. И не успеваю достать мобильный, чтобы написать тому сообщение с вопросом, как я слышу голос приближающейся кухни. Она шагает ко мне манерной походкой в своем приталенном сиреневом платье с идеально уложенной копной рыжих волос.

— А твой муж в курсе, что ты куришь?

В то время она сама достает из своей миниатюрной сумочки сигарету, а я, выдержав на себе ее ожидающий взгляд, прикуриваю ей. Выдохнув первую порцию дымовых колец вверх, она снова поворачивается своей довольно ухмыляющейся физиономией ко мне.

— У вас, я слышала, был разлад в отношениях?

И так мне хочется выколоть ей ее наглые глазенки. Если раньше я желала того, чтобы Лиза на весь мир прокричала, что, по ее мнению, я сплю с официантом, то сейчас для этого совсем не время. А алкоголь и пьяная Лиза — не лучшее сочетание.

Пожав плечами, как ни в чем не бывало, отвечаю ей:

— Теперь все хорошо.

Кухина опускает уголки губ вниз и вроде бы понимающе кивает, однако за этим что-то скрывается, уверена.

— Значит, Эмин знает о твоих отношениях с этим... как его... Герман, да?

Я смеюсь.

— Ах, ты даже это разузнала...

Лиза не отстаёт:

— Конечно, дорогая сестренка. Мы же с тобой давно друг друга недолюбливаем, я тебя — за то, что ты красивее, а ты меня — за то, что я умнее, — произносит она медленно и с выражением, подкрадываясь почти незаметно — и вот уже эта стерва стоит рядом со мной,

очень близко. Ну, насчет «за то, что я умнее» я бы поспорила. — Если ты не телезвезда, и про тебя желтая пресса не пишет, это не значит, что у меня нет надежных источников.

Ее еще один шаг в мою сторону, — и следующее кольцо дыма достигает моего лица, после чего, конечно же, я отмахиваюсь. Мы не в том обществе и не в той ситуации, чтобы я могла прилюдно оттолкнуть кузину, но отойти от нее назад у меня возможность есть. Лиза усмехается, приложившись голым плечом к стене из дорогого белого камня.

— Ох, милая моя сестренка, как же мне тебя жаль. Все-то ты потеряла. Уже и в официантки подалась. Стыдно, наверное?

Служащие ресторана открывают стеклянные двери нараспашку, и из них в ту же минуту «высыпаются» гости, один за другим. Мужчины закуривают, а женщины, что сопровождают их сегодняшним вечером, следуют за ними. Из зала слышатся первые нотки песни «Мой рок-н-ролл», что в этот раз Лева и Шура исполняют без Чичериной. Не знаю, где логика в этом всем, где связующее звено, но во мне просыпается невиданная ранее храбрость. Я раскидываю руки в сторону, прежде потушив сигарету в специальной урне. Задом наперед иду в сторону цветов, в сторону прекраснейших клумб, сразу притягивая к себе интерес окружающих. Среди них обнаруживаю Фаворского, но тем лучше.

— Да, представьте себе, дорогие гости! Я работаю официантом! Я, жена известного бизнесмена, Эмина Фаворского, работаю официантом! И только что меня в этом упрекнули. — Все это время я смотрела на Лизу, которая открыла рот от полного изумления, шока и неожиданности, но теперь я оглядываю каждого. Народ из зала начинает прибывать в большом количестве. — Да, вы не ослышались, меня упрекнули в этом. — Я усмехаясь сказанным мною словам. — Знаете, что? — Приблизив руки к груди, я собираюсь с мыслями, но Эмин уже рвется вперед. — Это раньше было самым большим страхом — опозориться вот так. Точнее, я думала, — акцентируя на этом слове свою речь, продолжаю, — что это позор. А теперь я так не думаю. Меня бросили родители, сказали, что стать самостоятельной — отныне моя нынешняя задача, но они, наверное, ожидали, что я стану каким-нибудь офисным клерком, однако так сложилось, что я обслуживаю столы в бутик-отеле «Мона».

Я не успела даже сосчитать, сколько ахов и вздохов собрала моя тирада. Эмин уже рядом и, схватив меня за локоть, он требует, чтобы я прекратила и пошла с ним. Но я больше не та девчонка, которую он знал, поэтому, вырвав руку, я толкаю его. Так, как хотела сделать с Лизой. Он пятится, но моей силы не хватит, чтобы крепкий и накаченный Фаворский упал. Выставив палец, я предупреждающе говорю с ним:

— Не надо обращаться со мной, как с ребенком. Я говорю!

Официанты закрывают двери, оставляя БИ-2 с несколькими зеваками, сидящими за столиками — это, в основном, пожилые и старые люди, очарованные всем, что видят и слышат. Но я вижу, как даже обслуга с интересом наблюдает за мной, а девчонки и парни уже достали мои телефоны и снимают «час моей славы».

— Я теперь умею сама зарабатывать деньги, — счастливо улыбнувшись, говорю им я, но, кажется мне, что это заслуга вкусного шампанского и вина. — Я подружилась с прекрасным человеком! — Снова положив руки на груди, я протягиваю слово «прекрасный», вытянув шею. — Его зовут Герман Левандовский, ему двадцать лет, он учится в университете и летом работает в «Моне», да-да, в том же самом шикарном отеле! — Мне хочется восклицать каждое произнесенное предложение, как будто я, ей богу, читаю стихи. — И я, если вам это интересно, конечно, ночью в его квартире время от времени.

Не знаю, что там сейчас отобразилось на лице Эмина. Какая именно эмоция, но то, что непрекращающиеся перешептывания и возгласы проходят в толпе — это факт.

Жирный, большой факт.

Я спешу отрицательно махать руками, повышая голос на октаву.

— О, нет, нет! Мы не спим вместе! Я же говорю, он стал моим другом. — Пьянс засмеявшись, уточняю у гостей: — Или я не рассказывала об этом? Ну, ладно, — взмахнув ладонью, кривлю носом, — ничего, теперь-то вы точно знаете. И мне плевать, верите мне вы, или нет, честное слово! Я таааак рада, что избавилась от этой вашей лжи и богемной низости, от привязанности к вашему паршивому обществу! И самое интересное, — прождав секунду, облизываю пересохшие губы, — только сейчас я это поняла, — а дальше шепчу тихо-тихо: — Спасибо... спасибо кому угодно за это. Спасибо Герману за это.

Никакого гула больше, никаких оханий, никаких изумленных вскрикиваний. Они просто стоят и тарачатся на меня. В этом объемном саду, заполненном великолепными растениями, стоят они, зараженные эгоизмом, нарциссизмом и напыщенностью, и во все глаза на меня пялятся, успевая, естественно, все это снимать на свои очень дорогие телефоны. Каждый стоит столько, что можно обеспечить целый детский дом или приют для животных.

Плотно прикрыв глаза, ощущаю, как касаюсь ресницами нижних век. Я не буду плакать. Не буду плакать. Спрячу нафиг свою сентиментальность и не позволю испортить все перед ними своими рыданиями. Ни за что! Я разрешаю себе повернуться к Эмину, одиноко стоящему одной из пышных клумб в свете луны и фонарей. Он будто дожидался того, что я обращусь к нему, поэтому только сейчас становится в статную позу и прячет ладони в карманах брюк. Стараюсь даже не обращать внимания на Лизу, что разглядывает меня, просто-таки «подружившись» с чертовой стеной. Я уже не и слышу голосов солистов рок-группы. Возможно, они взяли небольшой перерыв, тем более что в данный момент никто не обращает на них внимания. Зато я оказалась в центре всего этого. И завтра утром я буду винить только саму себя, ибо все было сделано, все было сказано лишь по моей инициативе, и вся ответственность лежит на мне.

Эмин выглядит оскорбленным. Он, скорее всего, чувствует себя последним дерьмом, каким я и считала его последние три года, особенно после постоянных его отказов дать мне развод. Я его люблю и ненавижу одновременно. Не знаю, есть ли название этому чувству, которое граничит между двумя, абсолютно друг другу противоположными. Это настоящее, дьявол побери, безумие. Чертова одержимость им все эти годы. Ощущение досады, что не сложилось, что все с самого начала было не настоящим, а потом — ощущение самой глубокой неприязни, словно мной воспользовались, как дешевой шлюхой. Вот, что я испытывала. Поэтому и не знала, как простить.

Но сейчас... Не знаю, что будет завтра, послезавтра, через неделю, через год, но прямо в эту минуту, когда я, к счастью, выговорила, сделав это очень нестандартным образом, у меня будто бы с плеч спала ноша. Я представляю, что носила на себе огромный камень, весом в целый центнер, но он только что упал мне под ноги и разбился, подобно кусочкам льда. Он все это время был айсбергом в моей душе. Все эти три года. Но весна наступила, и растаял кошмар и ужас, хранившийся внутри меня.

Какой-то идиот решает прямо в этот момент устроить фейерверк. За моей спиной взрываются салюты, но я чувствую, что никто из тех, кто следит за мной, не двигается с места. Небо окрашивается во все цвета радуги, и пока они, эти циркачи, ждут от меня какие-

либо следующих действий, я не могу оторвать глаз от Эмина. Я смотрю на него и моргаю, чтобы слезы не полились градом. В эту секунду наибольшего напряжения, когда я просто с треском провалила день для одной пары, что пожелала сегодня, мне кажется, мне так кажется, я прощаю его. Прощаю Фаворского. Вот прямо сейчас. Не знаю, так ли сильно я пьяна, чтобы совершить очередную глупость, но я открываю беззвучно рот, поднимаю руку и указываю на мужа ею, а он, тем временем, смирившись с тяжелейшей участью и обреченностью, прикрывает веки. Я думаю, Эмин не боится. Я думаю, он уже представлял, что я захочу признаться, все рассказать.

— А он, — дрожащим голосом говорю я. — Он... — мне не удастся сказать больше ничего, дыхание подхватывает ветер, которого, наверняка, тоже раздражает непрекращающийся фейерверк. Ох, эти мелькающие разноцветные огни... — Он... - снова произношу.

Хочу твердо проговорить: «Изнасиловал меня», но потом встряхиваю себя мысленно. А зачем, Лола? Прости его, прости. Ты стала сильной и смелой. Это твое новое задание, без завершения которого дальнейшая жизнь не наладится. Ничего не будет хорошо, пока в сердце живет злость.

— Он..., - еле лепечу я, ощущая, как позади кто-то подходит ближе, кто-то же обступает со стороны. Быстро опустив руку, я уговариваю себя вдохнуть воздуха больше. — ...Не заслуживает такой непутевой жены, как я.

Салют закончился. Никто не расходится. Я и Эмин так же стоим на своих местах, разделенные приличным расстоянием. Кажется, что никто из сотни любопытных зрителей не дышит, но телефонные камеры, по звукам ясно, продолжают снимать и фотографировать.

Кстати, о телефонах... По-моему, мне пора удалиться, потому как свою роль я на этой свадьбе сыграла. Я не буду желать ничего хорошего жениху и невесте перед уходом, мне бы хотелось сказать им, чтобы они постарались быстро не разводиться, но подумала, что это будет очень грубо. Даже для меня.

Прежде чем покинуть сад, я достаю из клатча свой телефон, такой же ужасно-ужасно дорогой, как и у других здесь собравшихся, и бросаю его в урну рядом с собой, чем заслуживаю непонимающие восклицания и оклики. Через банкетный зал, мимо чудесных музыкантов, я выхожу наружу, прямо на оживленный ночной проспект. Удастся быстро словить такси. Хотела выбросить клатч, но хорошо, что не сделала этого. Водитель принимает ценные бумажки в оплату услуг.

Да и выкинуть телефон при всех, зомбированных, как и я, гаджетами — пожалуй, более символично.

ГЛАВА 18.

Ты продаешься, сынок?

Герман

Он никогда не прогибался и любил говорить мне, что не скопил ничего, кроме собственного достоинства, а его-то не отдаст никому. Никакой вере, никакой церкви, никакому учению.

© Салли Гарднер «Червивая луна»

Марго заходит в раздевалку рано утром, когда все остальные мои коллеги выходят из нее, а я остаюсь переодеваться. Снимаю с себя футболку, не стесняясь ее присутствия. И после ее откровения в тот день мне вовсе хочется задушить эту женщину, но гнев быстро проходит, когда я вспоминаю, что за убийство человека мне светит срок. Остается только

непонимание и неприятное ощущение внутри, как будто каждый, просто каждый человек, что общается с тобой, чего-то от тебя хочет. Даже родной отец.

— Я тебя внимательно слушаю, — бросаю на нее взгляд через плечо, прежде чем схватить серую футболку с эмблемой своего университета и надеть на себя.

Сначала Рита глубоко и шумно вздыхает, и во вздохе ее сквозит нервозность, но после она начинает говорить, спотыкаясь буквально на каждом слове.

— Мы с тобой... мы с тобой... были друзьями, Герман. Мы... я бы хотела, чтобы ты... чтобы мы...

Обернувшись к ней, двигаюсь к раковине с достаточно грозным видом, чтобы женщина захотела замолчать. Она так и делает, непрерывно следя за моими действиями.

— Мы никогда не были друзьями. Мы вместе работаем, — отрезаю, опустив голову и намочив слегка волосы.

Я провожу по ним ладонями, разбрасывая влагу по каждой короткой пряди. И все равно их пора стричь, поскольку отросшие концы достигают уже основания шеи, а мне это не совсем нравится.

Марго встает за моей спиной, я могу видеть ее отражение в зеркале. Ненастоящий, виноватый вид. А может, настоящий... Да мне плевать! Если ей хочется спать дальше с моим отцом, пускай спит! Пусть развлекается с ним, пока нужна ему, но вскоре он выбросит ее из своей жизни, как и всегда поступает с женщинами, считая, что так и полагается делать звезде шоу-бизнеса. Обиднее всего то, что мы действительно с ней хорошо общались, я рассказывал Марго прошлым летом, как отец все время бросает в лицо то, что сделал для меня, то, что был рядом, когда маме было плохо, когда она умирала... И Рита понимала меня. Казалось, понимала... поддерживала. И как только увидела этого придурка с длинными волосами, тут же прыгнула к нему в койку, а рассказать мне об этом удосужилась лишь недавно, что и испортило наши отношения.

Бесповоротно.

— Лаванда, я понимаю, что ты злишься...

Повернувшись к ней, я выставляю вперед предупреждающе указательный палец.

— Не называй меня так, — произношу практически по слогам, чтобы она поняла, что так я разрешаю обращаться к себе лишь друзьям.

Она согласно вскидывает ладони, но продолжает стоять там же, где и стояла, продолжает на меня смотреть. Все, я уже устал от этого, серьезно. Не хочу я больше ни папы, давящего на меня, в своей жизни, ни его глупых любовниц.

— Надеюсь, — подойдя к своему рюкзаку, смело озвучиваю мысль, — что папаша подарил тебе незабываемые ощущения.

Досадливо усмехнувшись, я застегиваю рюкзак, предварительно поместив в него все вещи, принадлежащие мне. За ремень забрасываю его на плечо и прохожу к выходу, но у арки моментально оказывается Марго, которая наивно полагает, что своим хрупким телом сможет противостоять моему уходу.

— Давай на этой веселой ноте, — иронично начинаю я, — закончим эту утомительную для меня беседу.

И я прорываюсь, оттолкнув несильно Риту, иду вперед по коридору, жалея о том, что в мой выходной, в то время как Лола отдыхает на свадьбе друзей со своим мужем, я согласился выйти на работу, потому как один какой-то там идиот решил не приходить. Ладно, но уже глубокая ночь, почти утро. И я ухожу отсюда.

— Герман, подожди! — менеджер бежит за мной, даже когда я открываю дверь, выходя в гостевую часть, в которой, конечно, больше никого нет.

Останавливаюсь, не в силах бороться с собой, у маленького прохода, небольшой дорожки, по обеим сторонам которой выросли высокие стены. Здесь я впервые столкнулся с Лолой, посмеив посетить уборную для гостей. Та наша встреча не состоялась бы, не прими я тогда это решение.

Марго воспринимает мою сентиментальность, связанную только с личными переживаниями, за то, что я готов слушать ее, но я не собираюсь. Она снова нагоняет меня, а ведь только успела отдышаться, остановившись у дверей в мужской и женский туалет. Я, выйдя, через большие стеклянные двери, сталкиваюсь с густой ночью и по гравийной дорожке иду к посту охраны, но Марго не отстает.

— Хватит! — резко остановившись, я поворачиваюсь к подстилке своего отца, и она чуть было не врежется в меня, но держится крепко на ногах, тоже встав, как вкопанная.

— Герман, ты можешь меня выслушать?

— Я ничего слушать не хочу от тебя. Я просто с тобой работаю, я твой подчиненный! А ты — моя начальница. Вот и все, — выдыхаю, осознав, что превысил допустимую громкость своего голоса в стенах отеля.

Не нужно было так кричать, ведь гости спят в своих номерах, они могут пожаловаться, за что у меня могут вычесть из зарплаты какую-то часть, а то и вовсе уволить.

— Герман...

— Все, — быстро говорю я, скрещивая руки, — все. Баста!

Она подбегает и, схватит меня за локоть, смотрит прямо в глаза мне.

— Да послушай же ты, идиот! Я люблю его!

Предполагаю, что теперь и Марго рискует остаться без работы.

— И он, — дрожащей ладонью, менеджер указывает мне за спину, — он... там...

Я поворачиваю голову, с ужасом замечая, как горят фары иномарки у шлагбаума. Да, это мой папа. Какое идеальное окончание рабочей смены. Вырвав локоть из захвата Марго, я в последний раз смеряю ее недовольным взглядом и смело шагаю навстречу охранникам. В их тесной будке я показываю секьюрити свой рюкзак, забираю из камеры хранения телефон, кошелек, ключи от дома и, попрощавшись, выхожу оттуда.

За рулем машины сидит отец, но я намеренно прохожу мимо. Пройдясь по убитому асфальту, сворачиваю к районной площади, но свет, отражающийся впереди меня, и звук соприкасающейся с асфальтом резины говорит мне о том, что папа на своем новом автомобиле едет за мной. Я ускоряю шаг, и тогда он громко сигнализирует несколько раз, заставляя меня замедлиться, а после — остановиться.

Снова.

Дверца автомобиля хлопает. Его шаги по земле отдаются у меня в ушах. Через полминуты отец уже стоит передо мной в просто кошмарно дорогом костюме, бессовестно дорогом. Засунув ладони в карманы брюк, он внимательно изучает мое лицо.

— Czego chcesz? («Чего тебе?» — здесь и ниже перевод с польского) — бросаю я со скучающим видом, подняв глаза к небу. — Już ci wszystko przez telefon wyjaśnił. (Я тебе уже все по телефону объяснил.)

Папа вздыхает, следуя за моим взглядом, но позже возвращается глазами к моему лицу, вглядываясь в него.

— Podoba maszyn? (Нравится машина?) — говорит он, кивнув головой на тачку позади

него.

Это Bentley Bentauga светло-коричневого цвета, кажется. Да, не буду скрывать, если бы я мог заработать на такую, то с радостью бы купил. Однако я не собираюсь отвечать, чего и не делаю, и не хочу принимать от этого человека никаких подарков.

— Dlaczego nic nie mówisz? Podoba lub nie? (Почему ты молчишь? Нравится, или нет, сынок?)

Я грустно усмехаюсь и делаю попытку убраться отсюда подальше, но папа ловит меня за руку, заставив оставаться на месте.

— Chcę do domu. (Я хочу домой.) — Опять пытаюсь обойти его, но отец и в этот раз не позволяет мне этого сделать.

В свете фар вижу, как длинноволосый мужчина с идеально остриженной бородой изгибает бровь, ожидая от меня чего-то другого, помимо стремления покинуть площадь. Вдруг он хватает одной рукой меня за плечи и поворачивает к своей все еще заведенной машине.

— Patrz (Смотри), — говорит он, тыча пальцем в бампер так настойчиво, — to może być twoja! I jeszcze dziesiątki takich samych, Herman! (она может стать твоей! И десятки еще таких же, Герман!)

Я не желаю дальше выслушивать его бред и, отпихнув отца, все же разворачиваюсь и быстрым шагом иду к дороге. Какое-то время мужчина только выкрикивает мое имя, настаивая на том, чтобы я не совершал, по его мнению, глупость. Наверное, достает ключи из драгоценного «Бентли», а позже, и правда, вновь слышится звук хлопанья двери, а потом его форсированный шаг в моем направлении. Я тоже ускоряюсь, но этот козел же бежит каждое утро, поэтому прямо после того, как я перешел дорогу у спортивного зала, он догоняет и кладет руку на предплечье. Я смахиваю ее к черту.

— Basta, tato! (Баста, папа!) — опу я несдержанно, выходя из себя ко всем бесам.

— Mi to nie jest potrzebne, rozumiesz? Mi nic nie trzeba z tym, że ty mi tak ładnie pokazujesz! I nie mam zamiaru żenić się z córką swojego przyjaciela, bo kocham inną kobietę. W przeciwieństwie do ciebie, nie zamierzam zdradzać swoje uczucia dla korzyści! (Мне ничего этого не нужно, понимаешь? Мне ничего не нужно из того, что ты мне так красиво рекламируешь! И я не собираюсь жениться на дочери своего друга, потому что я люблю другую женщину. В отличие от тебя, я не собираюсь предавать свои чувства ради выгоды!).

Выдав все это на одном духу, мне остается только наблюдать за его реакцией — за неким шоком, что отразилось на его уже немолодом лице. Он вскидывает брови, расширяет глаза, округляет рот, не зная, что мне сказать.

— Jesteś zakochany, Herman? (Ты влюблен, Герман?) — ошарашенно вопрошает отец.

Я хмыкаю.

— Gdyby oprócz przelewu pieniędzy na moje konto, to i interesował się moim życiem, tato... to byś o tym wiedział... Ale nigdy nie miałem ojca, któremu potrzebny był ja, jego syn. (Если бы кроме перечисления денег на мой счет ты бы еще и интересовался моей жизнью, папа... ты бы об этом знал... Но у меня никогда не было отца, которому я был бы действительно интересен.)

Горечь в моем голосе ни скрыть, ни убавить. Он надламывается на последних словах, и я спешу замолчать, чтобы не выглядеть совсем уж жалким перед ним. Рядом проходит парочка, они держатся за руки, пьют пиво и, миновав нас, оглядываются, с интересом оглядывая, через несколько секунд вновь предавшись своему увлекательному разговору о

прошедшей вечеринке.

— Miłość nie jest wieczna, synu, (Любовь не вечна, сынок.) — говорит отец, облизнув губы, и уперев кулаки в бедра.

Я киваю, с ненавистью произнеся:

— Tak, ty to udowodniłeś. (Да, ты доказал это.)

Отец, которого мне вовсе не хочется так называть, негромко смеется, чуть-чуть приближаясь.

— Nie bądź głupi. Twoja pasja i wieczne, na pierwszy rzut oka, zasady nigdzie cię nie zaprowadzą! (Не будь глупым. Твоя увлеченность и вечные, на первый взгляд, принципы никуда тебя не приведут!)

Так и схожу с ума от желания плюнуть ему в лицо. И ему про любовь, про увлечение, про влюбленность рассуждать! Этому лживому ублюдку! Он бросил нас с матерью, которая в нем души не чаяла, на произвол судьбы. Даже не интересовался, есть ли что-то у нас поесть, где мы теперь живем, хожу ли я в школу, нужно ли нам что-нибудь. Мама читала газеты, видела, как он поднимается, и радовалась за него... Сволочь он! Сволочь! И сейчас, вспоминая это, во мне просыпается злость. Я разрешил ему снова стать частью моей жизни, потому что, как мне казалось, он искренне хотел выздоровления матери. Да, он отдал огромное количество денег на ее лечение, но это не значит, что тогда теми средствами и средствами, перечисленными за мое обучение в эти два последних года, папа меня купил.

— Oddam ci wszystko. Stopniowo, (Я отдам тебе все. Постепенно.) — еле-еле проговорил эту фразу, я отчаянно вздыхаю и отхожу назад.

На один шаг, на два, на три.

Папа, качая головой, с непониманием спрашивает:

— O czym ty mówisz? (О чем ты говоришь?)

Но мне больше нечего ему сказать. Поправив на плече ремень рюкзака, я отворачиваюсь к темной тропинке, охватываемой деревьями, и шагаю вперед, не слушая его крики, которые уверяют меня, что мне лучше вернуться.

Похоже, все, я не смогу вернуться в университет осенью и с квартиры мне нужно съезжать. Черт! Просто не стоило принимать его помощь, нужно было сразу заподозрить его в чертовой двуличности. Дьявол бы его побрал!.. И, возможно, мне удалось бы избежать множества разочарований, связанных с этим человеком.

Дома пусто. В этой квартире все не так, когда здесь нет Лолы. Сегодня я признался человеку, которого презираю, что люблю Лолиту. Боже мой, и как меня угораздило во все этом погрязнуть. Чертов романтик! Я бросаю рюкзак на полку в прихожей, скидываю ладони и лохмачу волосы на голове. Щелкаю выключателем, зажигается свет, освещая половину кухни, поскольку дверь в нее открыта. Я смотрю на свое отражение в зеркале и завидую тому парню, которым был два года назад, до университета. Несмотря на смерть мамы, в душе поселилась какая-то беззаботность. Запечатав квартиру в нашем городе, я сел на поезд и уехал в Москву. Шлялся по улицам, как беспризорник восемнадцати лет. А потом со мной связался папаша и предложил то, что предложил.

Мысли медленно переносятся к Лоле. Что она делает сейчас? Уютно ли чувствует себя с мужем? Мне не должно быть до этого дела. Хороший, или плохой, но муж у нее все-таки есть, и ему нужно заботиться о ней, переживать о ней, а я все равно, как полный придурок, с ума по этой женщине, старшей меня на пять лет, схожу. Дурак. Полный дурак.

Сентиментальный идиот. Меньше лиричной музыки Талькова, меньше кофе на ночь,

меньше любования ночным звездным небом — и, может быть, удастся выбросить Лолиту Фаворскую из головы.

Фаворскую.

Замужнюю женщину, вскружившую мне голову своим эгоизмом и нетипичным для меня образом мысли. Нетипичными для меня взглядами на жизнь. Ее любовь к роскоши раздражала, ее самовлюбленность бесила. И, в конце концов, я, как настоящий, как истинный придурок, клюнул на все это. На все ее пороки, на все ее изъяны. И каждый ее недостаток я полюбил, как достоинство. Каждый дефект ее души я ощущал и мысленно целовал.

Я влюблен в Лолу. Пора бы уже осознать это наверняка.

ГЛАВА 19.

Столкновение характеров. Вспомним былое

Лолита

Я уехала домой на такси, в свою маленькую квартиру — единственно место, где я могу чувствовать себя, черт возьми, защищенной. Но я видела его машину, которая следовала за мной, и я не удивлюсь, если в скором времени он позвонит в мою дверь, начнет бить в нее кулаками и ногами. Я боюсь Эмина Фаворского, потому что однажды он уже причинил мне боль. И я понятия не имею, как мне реагировать на сложившуюся ситуацию, на то, как я облажалась, по сути, просто сказав то, что на самом деле думаю. Но в нашем мире это никогда не было правильным: тебе затыкает рот общество, чтобы ты меньше твякала, и лишь составляла хорошую достойную партию своему супругу. В мире богачей, суперзвезд, теледив непринято выражать мнение таким презренным способом. Видео с моими откровениями попадут в Интернет... А разве это не то, чего я хотела с самого начала? Чтобы родители узнали, в каком дерьме я нахожусь, и захотели вытащить меня отсюда. Только сейчас я уже не уверена, что хочу выбираться. Невзирая на ненавистную работу, все равно было много хорошего в том, что я пережила за эти недели. Мне не хотелось бы это забывать.

Я не успеваю снять с себя платье, зайдя в ванную, потому что в дверь действительно звонят. Я уже знаю, кто беспокоит меня в столь позднее время. И почему-то мне хочется ругать Эмина за то, что сел за руль выпившим, хоть он и довольно трезв, но аварии не избежать, допусти он хоть одну ошибку в таком состоянии. А если еще учесть его нелюбовь к ремням безопасности...

Туфли, которые я забыла скинуть, стаскиваю по пути к двери. Мне даже не нужно смотреть в глазок, я просто открываю ее, сорвав цепочку. Эмин, рассерженный и разозленный, стоит на пороге. У него очень хмурое выражение лица, но я делаю вид, что мне несколько не страшно и держу руку на дверном косяке, глядя Фаворскому прямо в его серые-серые глаза.

— Довольна? — будто бросая мне вызов, говорит с надменным видом.

Он выходит из себя и бьет по отсеку над моей головой, да так, что я вздрагиваю. Незаметно для него, очень неспешно я ставлю одну ногу назад, и когда собираюсь отойти, чтобы закрыть перед его носом дверь, он хватает меня за руку и встряхивает, притягивая к себе.

Сейчас Эмин в угрожающей близости от меня, просто в устрашающей интимности, и это селит страх в сердце, заставляя его быстро-быстро биться, словно бешеное.

— Ты довольна? — повторяет Фаворский. — Ты этого хотела?!

Потом он стремглав, не дав мне даже слова сказать, захлопывает дверь за своей спиной,

прежде заведя нас в мою квартиру. Он отшвыривает меня к зеркальному гардеробному шкафу. Точно животное подкрадывается, а когда достигает цели, хватает меня ладонью за горло и заставляет поднять подбородок. Я могу видеть его свирепое лицо, его горящие глаза. О чем я только думала, устроив целое шоу на свадьбе друзей Эмина, которые, по его словам, важны ему по рабочим делам?! Но и сам виноват. Не нужно было брать меня в спутницы.

Я достаточно долго отказывалась, однако Фаворский не прекращал уговаривать.

Я сдалась, а сейчас очень об этом жалею.

— Почему ты не отвечаешь? — шипит он мне на ухо, тесно прижавшись своей щекой к моей.

Я кладу пальцы обеих рук с длинными ногтями на его ладонь, схватившую меня за горло, и с усердием стараюсь поцарапать Эмина, сделать ему больно, но ничего не выходит. Несмотря на то, что кожа на его руке уже окровавлена, этот урод даже виду не подает, а лишь ухмыляется. Тогда я, вцепившись ногтями в его плечи под пиджаком, оставляю кровавые следы на белой рубашке. Эмин ревет и мигом отскакивает от меня. Я уже было перестала надеяться, что это произойдет. Спиной прижавшись к зеркалу, я хватаюсь одной рукой за шею и дышу, что есть силы. Оказывается, желание жить у человека не проходит даже тогда, когда кажется, что все в полном дерьме.

— Ненавижу тебя, — шепчу я полностью охрипшим и осипшим голосом, благодаря жестокой сволочи, стоящей рядом со мной.

Он не успевает и шагу в мою сторону сделать, как я выставляю ногу вперед и ударяю ее в его живот. Что ни удивительно, мне удается попасть, ведь он точно не ожидал этого от меня. Никакой борьбой я не занимаюсь, никогда не была замечена ни в каких драках, даже женских. А минуту назад Эмин получил от меня под дых. Похоже, мой удар был сильный, поскольку муж сложился пополам. Немного придя в себя, я приближаюсь и добавляю ему по спине пару раз, после чего убегая на кухню, закрываю дверь на замок, сажусь на пол у окна и думаю... что я полная дура, потому что даже телефон забыла взять с собой.

Идиотка! Я же в ловушке теперь на четырнадцатом этаже.

Просто прелесть.

Я слышу его шаги по паркету. Не вижу, но по звукам различаю, что он снял с себя пиджак и бросил его куда-то, может, на диван, а, может, на кресло. Потом его болезненный стон... Наверное, Эмин проверяет раны на своих плечах, которые ему подарила я. На память оставила! И так ему и надо! Подумать только... я призналась сама себе, что люблю его, все еще люблю. Призналась про себя, что прощаю его, что после того, так унизила на свадьбе, простила Фаворского. Простила, черт возьми! А теперь это... Он держал меня за шею, нет, он не душил меня, но было так ужасно неприятно, словно ему хотелось, чтобы я умерла.

— Вы-хо-ди, — теряя терпение, медленно и по слогам проговаривает Эмин.

Вскоре, через пару минут бессмысленных хождений по гостиной, слышится снова, но более настойчиво:

— Выходи! Ло-ла! Выходи же...

Последний раз, не понимаю, почему, это звучит отчаянно, как будто муж совсем в безвыходном положении. Как будто ему плохо, будто бы он задыхается в этих стенах. Но на деле все прозаично: Эмин просто не любит ждать.

— Значит, работать официанткой и обслуживать чужих мужей — это для тебя нормально? — сердясь, изрекает он. — А с собственным мужем ты поговорить не хочешь?

Я продолжаю молчать, прижавшись спиной к батарее, глядя наверх, на подоконник

прям над головой. Лучше мне не болтать лишнего, да? Тогда я окажусь в более выгодном положении. Лучше просто помалкивать.

— Ничего не хочешь мне сказать? — эти слова тоже звучат враждебно, но потом он сбавляет он:

— Давай нормально обсудим наши отношения, Лола. Я бываю жестоким, я знаю, зачастую схожу с ума, слетаю с катушек, особенно, когда что-то идет не по моему плану. Но я... — Эмин замолкает на мгновение, — ... я тебя очень люблю. Я люблю тебя так много лет, несмотря на то, что с самого начала это было просто сделкой, и я уговаривал себя смириться с участью всю жизнь прожить с женщиной, которую еще даже не видел и не знал. Это началось с увлечения, влюбленности, стало любовью, а превратилось в одержимость. Ты навеки в моей голове. Мне с этим ничего не сделать, — глухо говорит Фаворский, и я могу представить, как он садится на пол, потому как именно это и выдают звуки за дверь.

Сама я, преодолев страх и сомнению, ползу к своей стороне двери, разделяющую кухню и гостиную. Приложив ладонь к деревянной поверхности, я пытаюсь уловить его дыхание. Мне хочется дальше слушать и слушать Эмина. Слушать и слушать... Мы оба одержимые, мы оба с ним ненормальные. После всего того, что я с ним испытала, после всего того, что было сегодня, я все еще хочу быть с ним, потому что знаю, что ни с кем другим не буду чувствовать такой огромной, всепоглощающей меня любви. Это невероятно хорошее и одновременно ужасное ощущение счастья и падения. Словно ты поднимаешься и падаешь. Поднимаешься и падаешь, а золотой середины нет, остановиться невозможно. Чувства все время на пределе, эмоции напряжены, и нет никаких гарантий в следующем дне.

— Я не собираюсь оправдывать то, что сделал с тобой три года назад, Ло. Мне нет прощения. Я даже думал, что нет у меня шансов на твое прощение, я и сейчас не уверен, есть ли, а сейчас, выставив себя в таком свете, заставив тебя спрятать, я совсем не улучшил свое положение, понимаю. Просто... — голос Эмина такой грустный, такой невинный, словно ничего плохого этот мужчина в жизни не совершал, — ...мне очень важны связи с Артуром. Это жених со свадьбы, которую мы посетили сегодня, — объясняет спокойным ровным тоном Фаворский.

Спиной откинувшись на дверь, я так же не издаю ни звука, анализируя все события, что произошли с нами за последние годы. Да, наша встреча фактически была подстроена нашими отцами, но мы полюбили друг друга! Невзирая на их давление, на их стремления, на их планы, касательно нас, нашлось время для любви, которая прошла сквозь годы и оказалась здесь, в этой довольно тесной квартире в центре мегаполиса.

— Я у тебя вечно буду просить прощения, — глухо произносит Эмин, находясь на большой дистанции от меня, и сидя на полу, я не убираю руку от двери, таким образом, как будто передавая часть себя через нее.

Будто я так чувствую его лучше, а он — меня.

— Но ты готова к тому, что я снова могу перестать себя контролировать, и сорви ты снова мне что-нибудь в работе, я могу вновь причинить тебе боль? Я не могу принуждать тебя к этому теперь, зная, как поступил с тобой три года назад. Сейчас я понимаю, что бываю жестким и неблагоразумным, и если ты готова любить меня такого, то выйди, Ло. А если нет — через пять минут меня в этой квартире уже не будет. В твоей жизни тоже.

Шокировано я открываю рот и прикрываю его ладонью свободной руки, пока по щекам градом струятся слезы от горьких воспоминаний, от его слов. Он сказал, что может уйти из моей жизни? Это значит, что он готов...?

В дополнение моих мыслей Эмин серьезно выдает:

— Я дам тебе развод, Ло. Отпущу тебя наперекор моему отцу. Обещаю.

Вдруг становится так тихо, что слышно тиканье часов. Первый лучи солнца восходят, одаряя небо в окне красивейшими красками красного и оранжевого цветов. Улица светлеет, так же как и кухня, в которой я сижу. И хоть прекрасно понимаю, что время идет, не стоит на месте, но ничего не могу поделать с тем, что не могу сдвинуться с места. Пять минут уже прошли? Шаги Эмина возобновляются. Я улавливаю то, как ткань его пиджака соприкасается с тканью накрахмаленной рубашки, а затем он тихо выходит из гостиной, не бросив ни одного слова на прощание. Тогда-то во мне что-то и зарождается. Дух сопротивления. Дух борьбы. Борьбы за наши отношения, которых может вот-вот не стать. Как бы я ни думала раньше, что они давно кончились, на самом деле всему наступит конец сейчас, когда Фаворский выйдет из моей квартиры, а я не успею его остановить.

Хочу ли я этого?

— Стой! — Даже не поняла, как оказалась в гостиной, как открыла дверь и на ватных ногах добралась до дивана, сжимая в кулаке его обивку.

Горло сжимается, а слезы не перестают катиться. Мне и хотелось бы их остановить, но кажется, это сильнее меня. Это то, что не поддается моему влиянию. Мое собственное тело.

— Стой, — уже тише говорю, замечая, как Эмин застыл у входной двери, стоя ко мне спиной.

Он поднимает руки и кладет их наверх, на дверной проем, а потом соприкасается к этой самой двери лбом. Он словно не доволен тем, что я для себя решила. Словно он хотел этого, но это никогда не было бы лучшим для нас решением. Да я и сама это прекрасно знаю.

— Я тебя люблю, Эмин, — в тишине, нарушаемой только визгом шин на проезжей части у моего дома, произношу я.

Но он не шевелится. Не делает никаких попыток выпрямиться и подойти ко мне. В какой-то момент я спрашиваю себя: может, нам обоим стоит друг друга отпустить? Может, мы оба друг друга мучили, а мне просто так кажется, что жертвой всегда была я? Что, если моральным палачом для Фаворского была я? Что, если он сгорал от желания все мне рассказать те годы, что мы были вместе, до нашей свадьбы, и каждый раз ему не позволяло сделать это чувство страха.

— Я люблю тебя, — повторяю с большей уверенностью. — И я тебя простила. Извини и ты меня за то, что сегодня было.

Эмин дергается, но все еще не решает совершать кардинальные действия. Поэтому все, что я могу — это просто ждать. Ждать, когда он или выйдет за эту дверь, или вернется ко мне. Присев на край дивана, я продолжаю смотреть на спину Эмина, которая заметно напряжена. Мне становится жаль все то время, что было потрачено зря, но одно изнасилование очень сложно простить за короткий срок. Для этого понадобились годы, и все же мне ужасно обидно, что с нами случилось то, что случилось. И уже, откровенно говоря, не важно, кто виноват: Эмин, наши родители, или я.

Наконец, собравшись, кажется, с силами, Фаворский громко вздыхает. Его правая рука падает на ручку, и он практически ее поворачивает, а я сдерживаю себя, чтобы не ахнуть от удивления. Как бы я ни была уверена, что смогу смириться с любым его решением, это не так-то просто. Я обнимаю себя руками и внутренне подталкиваю себя к худшему, но потом внезапно Эмин оборачивается ко мне. Довольно быстро, ведь мне даже не удастся сообразить, что он решил остаться. Он принял решение.

И хочет остаться!

Меньше чем через минуту мужчина уже ласкает пальцами мои скулы и наклоняет голову, впиваясь своими губами в мои ласковым поначалу, а потом уже безудержным поцелуем, полным огня и страсти. Нам обоим не стоит себя сдерживать сейчас, да и не получится этого, ведь столько эмоций, в основном, негативных, ждут своей очереди, чтобы вырваться наружу. А интимная связь между двумя ненормальными — это отличный способ высвободить своих демонов.

Эмин кусает мою нижнюю губу, после лаская ее языком. Мы прокляты. Я это чувствую. Мы с ним будто прокляты. Два сумасшедших, безумных человека, целуясь неудержанно, наконец-то, могут признаться в том, что кто-то их проклял. Сама жизнь, полагаю.

Сама жизнь.

Может, мы никогда и не должны были познакомиться, а уж тем более — пожениться. Быть может, из-за того, что наша встреча, наше совместное будущее было искусственно создано, подстроено, нас и прокляли. Возможно, именно поэтому все у нас так и случается. Но даже если бы я узнала наверняка, что именно так все и есть, не смогла бы отказаться от Эмина, а он — от меня. Мы уже проросли друг в друге намного больше, чем думаем. Мы нуждаемся друг в друге, и это никак не перечеркнуть. Наш брак, в каком-то понятии, можно считать ненастоящим. Пусть так. Я все равно люблю его. Я все равно горю только от его прикосновений и поцелуев. Как и сейчас, когда практически падаем на пол, а Эмин пригвозждает мои руки к полу, у меня над головой. Но теперь мне больше не страшно, что он может навредить мне. Я такая же порочная, как и Фаворский. Такая же дьявольская.

Дети черта.

ГЛАВА 20.

Ты — моя женщина!

Лолита

Я знаю, что засосы на моей шее, вероятно, ярко-красные, придется прятать под шарфом, и не имею ничего против этого, если это будет шейный платок от Burberry. Боже, я снова могу думать о моде! О красоте! Достаточно было почувствовать рядом настоящего мужчину, шикарного и независимого, как я вновь стала самой собой. А это определенно не может не радовать!

— Ты — моя женщина, понимаешь? Моя!

В его серых волчьих глазах появляется одержимость, которую я наблюдала и раньше. В ту ночь, три года назад.

Мой только начавшийся протест на его слова обвенчался провалом. Эмин пригвозждает меня к кровати, на которую мы переместились с пола, еще сильнее. Его губы у моих губ. И шепотом:

— Даже спорить не смей.

Я прикусываю его палец зубами легонько, чем вызываю у него довольную ухмылку. Он все еще не вышел из меня, и я могу чувствовать, как Эмин вновь возбуждается. Его член принимается несмело двигаться во мне, словно Фаворский не знает, хорошая ли это идея. Хотя сомневаться не в его правилах. Однозначно не в его. Мы только что кончили, и мужчина даже не высунул из меня свой пенис, который вновь начинает увеличиваться в размере, становясь эрегированным. Мне всегда нравилось, когда Эмин делал так раньше. И сейчас ничего не изменилось.

— Ты своим привычкам не изменяешь, — шепчу ему в губы, когда он убирает руку,

чтобы поцеловать меня.

Он тихо смеется, почти что безмятежно меня касаясь, легко-легко целуя, попутно запутываясь пальцами в моих длинных волосах. Я задерживаю дыхание, когда он в очередной раз толкается, потом опять и опять, создавая приятное, слегка болезненное напряжение внизу живота.

— Ужасно хорошо с тобой, — шепчет Эмин мне в ухо, положив руки на подушки по обеим сторонам от моей головы. — Как я по этому скучал. Как я за тобой скучал!

Его движения становятся более ритмичными, и я опускаю ладони на его ягодицы, чтобы подбодрить своего мужчину. Своего мужа. Мужа... Мне приятно думать о том, что Эмин — мой. Принадлежит мне. И теперь, возможно, когда мы лишились обид прошлого, у нас все может стать хорошо. Я хочу этого больше всего в жизни. Даже больше, чем все остальное, что раньше имело такое большое значение.

— Мне тоже, — отвечаю, блаженствуя от того, что его сперма внутри меня, а когда он кончил, то я почувствовала то тепло, которое не испытывала уже давно.

И это не из-за того, что у меня не было мужчин, кроме Эмина, просто я знаю, что ни с кем другим не испытала такого никогда. Я думала, что после той трагичной для нас обеих ночи мы больше не сможем быть близки так, как мы это любим. Я думала, что даже если прощу его, то мы не сможем вернуться к прежним чувствам и ощущениям. Но как же я ошибалась! Главное — любить достаточно сильно, чтобы разглядеть в монстре образ дорогого человека. Главное — понимать, что ничто не было сделано специально, а виной тому необдуманый поступок. Но нельзя позволить сломать всю жизнь только лишь одной ошибке.

— Ты любишь меня? — на выдохе спрашивает Эмин, меняя положение рук — теперь он держит меня за бедра, чуть привстав.

Я выгибаюсь в спине от того, что его погружение такое глубокое.

— Очень, очень люблю, — прикусив щеку изнутри, я хватаюсь ладонями за простыни, не сдерживая стонов.

Да и не нужно. Мы здесь одни. Мы здесь совсем одни. И мы любимы.

Истинное счастье...

Эмин приподнимает меня, а сам ложится на нижнюю сторону кровати, и теперь я сверху. Я веду в этом танце страсти, огня и любви. Он держит меня за талию, заставляя двигаться быстро, от чего сам издает звуки получаемого удовольствия, а так же помогает мне бедрами, врезаясь в меня все резче и интенсивнее. И, клянусь, с каждым его толчком все плохое, что преследовало нас эти долгие месяцы, исчезает. Еще, еще и еще... чтобы не осталось ничего кроме нереального, воистину небесного наслаждения.

— Боже, — не выдержав более находиться в прежнем положении, Эмин поднимается и вбирает грубо в рот сосок левой груди.

Он покусывает его, чтобы позже облизать. Внизу живота у меня растекается сладость. По-другому и назвать нельзя, ведь так хорошо и приятно... Господи, как сладко! То, что Эмин ласкает мою грудь, только усиливает напряжение и удовольствие от него. Я очень соскучилась по Фаворскому, по сексу с ним и вообще — по сексу. Женщине так же плохо без половой связи, как и мужчине. Благо, спасало самоудовлетворение...

Я обнимаю его крепко за шею и принимаюсь целовать кожу в районе ключиц, поднимаясь выше, оставляя следы, которые напомнят обо мне позже, когда он вернется в свой дом, когда он посмотрится в зеркало и подумает о своей любимой, занимающейся

своими делами на другом конце города. Но мне даже не хочется думать о том, что мы опять можем расстаться, хоть ненадолго.

— М-м-м, — слышу я от Эмина, губами касающегося моего лба, пока я покусываю мочку его уха.

Наш секс превратился из горячего в более нежный, плавный. Мы хотим наслаждаться друг другом и удовлетворять более медленно. Смена темпа в сексе всегда нравилась Эмину, он любил перестраиваться, как машина на дороге, в другой ряд. Это его всегда заводило, точно автомобиль, мчащийся по трассе.

Вот и сейчас мой личный горный джип буквально бросает меня на постель. Эмин на мгновение высовывает член, чтобы потом лечь на меня, придавить своим телом, как я это люблю, напоминая мне, какой он большой и мощный, и, упираясь руками о матрас, войти снова. На всю длину.

— Ох, Боже! — кричу я, выгнув спину и запрокинув голову назад.

Фаворский беспощаден. Его нажим яростный. Он вбивается меня, словно обезумевший, целуя мое лицо и шею, не пропуская ни одной точки, ни одной клеточки. А то, как он просовывает язык в мой рот, не оставляя возможности дышать. Его буйный и жесткий поцелуй точно оставит мои губы в том состоянии, в каком они были в начале вечера, когда мы даже не предполагали, что все закончится вот так. Что мы будем бешено трахаться несколько часов подряд.

Заканчивать и начинать снова.

Снова...

— Ты — моя, — говорит вновь Фаворский, тесно прижавшись ко мне накаченным торсом. Еле заметная, но ощутимая щетина слегка раздражает мою нежную кожу на щеке, к которой он прислонился своей. — Ты — моя женщина?

Неожиданно он останавливается, вскидывает ладонь к моему лицу, уверена, уже с покрасневшим от его щетины подбородком, и сильно сжимает пальцами мои скулы. — Ты меня поняла? Ты меня хорошо услышала?

Я себя вмиг ощущаю какой-то маленькой девочкой, которой обязательно нужно чувствовать себя защищенной, которой нужны гарантии, что ее не обидят. Несмотря на яркий взгляд Эмина, я знаю, что он больше никогда не повторит былого. Никогда.

Все, на что меня хватает, это просто кивнуть в ответ. Я дрожу в ожидании нового оргазма, который практически ускользнул, когда Фаворский прекратил меня трахать. Но сейчас он поглощает меня новой порцией умопомрачительного поцелуя, буквально всасываясь в мои губы, и возрождает движения, что сводят с ума. Они то ритмичные, то замедленные, как спецэффект в крутом кино. Эмин то ласков со мной, то в следующую минуту уже с колотящимся сердцем сжимает в кулаке мои запястья и намеревается причинить грубость, которая в сумасшедшем сексе не только допустима, но и желанна.

Мною желанна.

— Давай же, давай, — подталкивает меня к грани мужчина, почувствовав, что мои ноги, которые обхватили его бедра.

Он скользит ладонью вверх по моему колену, поднимается к бедру и сжимает внешнюю его часть, не прекращая с пылкостью вбиваться в меня. Я кончаю, прислонив свой лоб к его плечу и плотно закрыв глаза. Дрожу, вся горю. И слеза, лишённая грусти, печали, сожалений, скатывается по моей щеке вниз. Одинокая слеза счастья. Я долго ее ждала.

Я ее заслужила.

Следом за мной до оргазма доходит и Эмин. Он поднимает мою голову и прижимается своими губами к моим. Он страстно меня целует, снова полностью изливаясь в меня.

Я тосковала по этим прекрасным ощущениям.

Телефон навязчиво звонит снова и снова. И я даже сначала не могу понять, что это такое, снится ли мне это, пока Эмин, обнимающий меня сзади, не начинает шевелиться. Разомкнув с трудом веки, я оборачиваюсь к нему, практически мирно спящему, а потом, наконец-то, перевожу взгляд на экран моего смартфона, где высвечивается неизвестный номер. Этот абонент, что, хочет сообщить мне нечто важное?! Серьезно? В день, когда я помирилась с мужем... Если звонят из «Монь», то из постели сегодня меня не вытащить никаким способом и никакими деньгами. Тем более что их начальник и мой начальник — один человек — мой муж. А уж с ним-то я сумею договориться. Погодите. Я же выбросила мобильный в урну... Ах, да! Эмин, дьявол его побери, прежде чем побежать следом за мной, достал мой телефон из мусора. Оставил еще на тумбочке у моей стороны кровати. Какой внимательный...

Пол Маккартни поет свою великолепную песню из незабываемого фильма, пока я не провожу пальцем по сенсору, решая принять вызов в... четыре часа дня. Черт!

— Да? — говорю сонным голосом, однако всерьез пытаюсь придать своему тембру мелодичности, чтобы создать хоть малейшую видимость, что я не сплю в такое время.

И что не занималась сексом с мужем все утро.

— Добрый день! — в трубке звучит женский, бодрый и довольно задорный голос, чисто славянский — никакого акцента. — Лолита, верно? Лолита Рубинян?

Краем глаза поглядываю на Эмина и говорю спасибо всему святому за то, что он не слышал этого.

— Фаворская, — тихо исправляю ее я, пробурчав буквально фамилию мужа в трубку.

— О! — сразу говорит девушка, явно сбитая с толку. — Я очень прошу прощения! Просто ходили слухи, что вы расстались, так как в социальных сетях...

Да, да, да! Инстаграм не полнится фотками о вашем совместном отдыхе и вечных поцелуях, словно вы друг от друга не отлипаете — явный признак расставания. Вот какие ценности в двадцать первом, мать его, веке.

— Хорошо, — перебиваю я быстро, — я вас поняла. У вас что-то конкретное? Какие-то вопросы ко мне? И вы так и не представились, — напоминаю услужливо, убирая тихо и осторожно свою руку из-под Эмина, чтобы ею пригладить свои волосы, которые точно в полном беспорядке в данный момент.

— Лолита, меня зовут Юлия! Я представляю телеканал «Ю». Вы, наверняка, о нас слышали! Хотела бы, если есть возможность, связаться с вами снова, назначить встречу. И вы сможете прокомментировать видео с вашим участием, которое появилось сегодня в Интернете и вызвало много шумихи! — она выпаливает все на духу с таким веселым и уверенным тоном, как будто я действительно хочу и даже обязана с ней встретиться, а эта девчонка и их гребанный телеканал делает мне одолжение!

Какой, кстати, это нахрен за телеканал?! Я не смотрю телевизор. И что за видео? Какое еще...? Молча открыв рот в бесшумном испуганном вздохе я прикладываю ладонь ко рту, закрывая его, ощущая, как в уголках глаз уже скапливаются слезы обиды и позора.

— Лолита? Лолита, вы здесь? — не унимается Юлия на том конце провода.

Но я встаю с постели, уже не заботясь о том, чтобы разбудить Эмина. Надо сказать, я

совсем даже и забыла о нем на несколько мгновений, пока эпизоды вчерашнего вечера, испорченной свадьбы незнакомых мне людей всплывают в моей голове. Кадр за кадром. Слайд за слайдом.

Какой кошмар! И сколько счастья для Лизы и моих «подруг»! Вот черт! Поначалу хочу поругать Эмина, взяться за его волосы и спросить, какого хрена он меня не остановил, ведь был там со мной?! А потом... потом я вспоминаю, что он пытался, а я, напившись, оттолкнула его, все выдав, как есть. Все сказав, что думаю. Теперь все испорчено. Вся моя репутация. Господи...Теперь ВСЕ знают, где я работаю. Я хотела, чтобы это было лишь слухом, который перейдет постепенно к родителям, и они вернутся обратно. Я не хотела такого исхода, но сама напортила. Это целиком и полностью моя вина.

Юлия до сих пор пытается выйти со мной на связь.

— Ло-ли-та? — по слогам произносит она, почти отчаявшись. — Вы меня слышите? — Потом она, кажется, обращается к кому-то рядом с ней: — Похоже, со связью что-то... Может, перезвонить?..

— Не надо! — говорю я резко, повернувшись к Эмину, продолжающему наслаждаться сном.

Нагишом отправляюсь на кухню и, закрыв за собой дверь, склоняюсь над столом, одну руку уперев в зеркало, пытаюсь отдышаться. Тяжело.

Как можно было быть такой дурой?!

Дурой!

— Не надо перезванивать, — уже спокойнее говорю я. — Я все слышала.

Девушка собирается меня перебить, что-то дополнить, но я говорю раньше, чем она успевает полностью сделать вдох:

— Я даже не знаю, что сказать... Это какая-то нелепица... Вы не можете удалить видео?! — мой голос звучит громче, чем я того бы хотела, чем я вообще от себя ожидала.

В трубке первое время не слышно ничего, а потом вновь звонкий голос Юлии прорывается через долгую тишину:

— К сожалению, это не в наших силах. Вам нужно обратиться к первоисточнику. То есть, нужно просить удалить его у того, кто выложил в сеть. — И сразу же следует быстрая речь, которая и сбивает с толку, и ставит точки над і — им не выгодно, чтобы видео было удалено. Но зато, если вы станете с нами сотрудничать, Лолита, у вас будет возможность объясниться перед людьми! Возможно, вы хотели бы что-то опровергнуть? Или, может быть, вы были под воздействием наркотиков, когда говорили вчера вечером о Германе и об... Вы можете так сказать! Про наркотики! — даже не озвучив до конца свою мысль, она перешла к следующей, еще и с таким энтузиазмом.

Я же хмурюсь все сильнее. Меня начинает раздражать эта выскочка. Хотя ладно... Может, она и нормальная, и просто выполняет свою работу, во время которой у нее есть установка, как общаться с потенциальными «звездами» их канала. Но это все равно не оправдывает ее версии про наркотики. Я перебиваю далее последовавший бред из ее уст:

— Стоп! Стоп! Я НЕ СОБИРАЮСЬ давать вам интервью, это ясно? — отвечаю довольно грубой форме, но это заставляет ее заткнуться. — И мне не нужна ваша помощь, хотя вы мне и так ничем помочь не можете..., - лепечу, взявшись за голову.

Юлия жаждет сказать свое слово, которое, как ей кажется, будет достаточно основательным, чтобы я передумала.

— Вы не правы...

Хлопнув по столу ладонью, уже кричу на нее. Не потому что зла на собеседницу. А потому, что зла на себя за вчерашнее. Зла на того жалкого засранца, который выложил мой позор в Интернет. И мои родители...

— ХВАТИТ! — говорю я громко и строго. — Просто хватит! Всего вам доброго. Я решу вопрос сама.

Бросив трубку, я буквально так же бросаю ее на гранитную поверхность стола, но потом вновь беру его в руки, захожу в телефонную книгу и листаю ее пальцем вниз, пока не останавливаюсь на одном маленьком слове, состоящем из четырех букв. Мама. Вероятно, стоит вовсе выключить мобильный? Ведь кто-то другой из прессы сможет связаться со мной. Боже. Только не это. Только не снова! Я могу заявить со всей серьезностью, что ненавижу журналистов и всех тех, кто работает на них — их персональных операторов, бывающих такими назойливыми и надоедливими...

Я все пытаюсь решиться набрать номер мамы. Или папы. Нет, лучше мамы. А потом думаю не делать ни того, ни другого. Стоит ли мне предупредить их раньше, чем они наткнутся на это видео, или пока им кто-нибудь его не скинет? А вдруг, уже узнали? Тогда бы позвонили. Тогда бы точно уже позвонили... Значит, еще не узнали. Господи, если я не позвоню, то будет плохо. Но если поговорю об этом с ним, нет никаких гарантий, что будет лучше, что можно будет что-то исправить. Черт! И что делать? Как решать проблему?

ГЛАВА 21.

Непоправимые последствия

Лолита

Я уже оделась и пересматриваю раз, наверное, в десятый тот самый позорный ролик, который теперь на «ютюбе», ВКонтакте, Инстаграмме и... давайте я не буду перечислять, потому что нервничаю еще больше. Эмин категорически против, чтобы я сидела за столом и пялилась в планшет. Мы собирались выйти прогуляться перед тем, как он отправится на работу, а я буду слоняться по городу дальше, прикрыв лицо огромными, просто огромными солнцезащитными очками.

Я жду, когда Фаворский будет готов, но он собирается так долго только потому, что долго принимал душ после того как я вышла из ванной, начав одеваться. Буду выглядеть неприметно в белых обтягивающих брюках, бежевой простой майке и шейном платке с изображенными на нем маленькими цветами в тон топу, который закрывает засосы, над которыми постарался муж.

Кстати, о нем. Фаворский появляется сзади так неожиданно. Он выхватывает из моих рук с планшет и не терпит возражений, но я все равно возмущаюсь, вскакивая со стула и пытаюсь отобрать у него гаджет. Но этот засранец высокий. Просто задернув руку высоко, он лишил меня возможности достать планшет. Может, это и к лучшему. Пора уже перестать видеть свою пьяное лицо и открывающийся рот, что выдает глупость за глупостью.

— Все, — просто произносит он, абсолютно спокойно. И выглядит так шикарно в темно-синем костюме и белоснежной рубашке! — Все, — снова говорит и выставляет указательный палец у моих губ. — Я сказал, все, — еще медленнее, еще ровнее, еще спокойнее.

Словно чертов будда!

— Эмин... — вставляю я, но он и слушать ничего не хочет.

В конце концов, мне приходится сдаться, сесть обратно и просто наблюдать за его превосходством и грацией, с которой он перемещается по комнате, пряча планшет, двигаясь

в сторону кухни, чтобы заняться приготовлением кофе. Подойдя к окну, мне остается лишь смотреть на шумный город и надеяться, что он меня не сожрет. Забавно: много лет я чувствовала себя в нем королевой, а теперь такое ощущение, что меня могут растоптать, будто я жаба какая-то. Может, просто дело в том, что я никогда и не была королевой, только возомнила себя такой?..

Да и хрен с этим. Я уже знаю, что моя эгоистичность выходила за пределы допустимого, но я не одна здесь такая — люди, имеющие положение в разы ниже и денег в разы меньше, умеют заявлять о себе в этом мегаполисе не хуже меня. И не все из них выживают, но все пытаются. Я не настолько уж и плоха, мне просто хотелось быть лучшей, а получилось стать... посмешищем. Несколько мыслей очень быстро проносятся, их посыл таков, что я должна винить во всем Германа, но прижав их рукой за горло, я давлю их. Давлю без пощады, представляя, закрыв глаза, как кровь вытекает из их естества. Я не могу винить в случившемся его. Только не его. Мой телефон Эмин выключил все-таки, и если Герман уже видел ролик, и не может дозвониться до меня, надеюсь, ему в голову не придет приехать ко мне. Это будет самой неудачной мыслью у него когда-либо возникавшей. Эмину точно не понравится все это.

Аромат свежесваренного кофе щекочет ноздри, а через пять минут Эмин появляется позади меня и, поставив обе чашки с горячим напитком на широкий гранитный подоконник, обнимает мою талию со спины и утыкается щекой мне в затылок.

— Я тебя люблю, ты меня слышишь? — говорит он в сотый раз о своих чувствах, и так искренне, что это просто не может надоесть. — Я тебя никому не отдам. И этим чертовым СМИ не позволю тебя растерзать. Ты меня понимаешь? — он дергает меня за палец, и я киваю.

Что-то достав из кармана, он подносит это к моему безымянному пальцу на правой руке, я ахаю, так и не решившись повернуться.

— Нашел его в шкафчике в ванной. Твое обручальное, малыш, — шепчет Эмин у моего уха, а следом демонстрирует мне свою руку, где так красиво блестит его кольцо, напоминающее нам, что мы женаты.

Никакого развода я уже не хочу. Я так сильно ему доверяю и очень люблю. Выставив ладонь горизонтально, позволяю Фаворскому надеть на свой палец великолепную смесь белого золота и бриллиантов. Оно чудесное! Как и тогда, три года назад.

— Ну что, госпожа Фаворская? — шепотом говорит Эмин, еще крепче меня обнимая. — Готовы переехать к своему законному супругу в его пентхаус с видом на Москву-реку? — его голос полон веселых ноток, но в то же время абсолютно серьезен. — Готовы ли вы уволиться с должности официантки? Ваш супруг готов вас полностью обеспечивать. Он обязуется делать это, — и невинное чмоканье в щечку, а потом зарывание носом в волосы.

Как это приятно. Я улыбаюсь, но не уверена, что именно ему ответить. С одной стороны я ужасно соскучилась по шикарной жизни, полной своих привилегий, к которым привыкла. А с другой — новая жизнь тоже оставила большой отпечаток в моей душе. И Герман...

— Эмин, — спокойным голосом начинаю я в надежде, что скандала можно будет избежать.

Но перебивать меня — это самое любимое занятие Фаворского. Самое любимое, вашу мать!

— Ты только подумай, — маняще протягивает муж, лаская мои обнаженные руки нежно-нежно, от предплечья до запястья, — у меня в пентхаусе панорамные окна даже без

перегородок, малыш... И когда на город опускается ночь, или даже сумерки... О, Боже, как это красиво смотрится! Какой потрясающий вид открывается, Ло! Море огней, вода, протекающая внизу, отражающая свет фонарей и фар тысяч автомобилей. Прохожие, хорошо одетые, мирно шагающие по центру. Те, которых ты никогда не узнаешь, но никогда не перестанешь ими любоваться. — Он снова понижает свой тон, прекрасно зная, что меня это возбуждает: — Тебе понравится. Проезжай ко мне.

Я снова складываю руки на груди, и Фаворский продолжает их гладить, несмотря на смену положения.

— Но мне понравилось работать, — все, что удастся пока сказать мне.

Не буду врать, что не обдумываю его предложение — оно ведь восхитительно! Молчание Эмина, в котором сквозит настоящее удивление, вскоре выливается в поток слов:

— Хорошо, Ло, хорошо, у тебя есть специальность. Ты закончила одно из лучших учебных заведений Европы. Давай устроим тебя на классную работу, которая действительно будет приносить тебе удовольствие.

Я собираюсь с силами, чтобы сказать ему то, что думаю. На самом деле, так страшно разговаривать с Эмином, зная, что в любой момент он вспылит, но мой окрепший дух и закаленный за несколько месяцев характер не позволят мне промолчать и согласиться со всем вышесказанным.

— Милый, — начинаю опасливо, но стараюсь, чтобы голос мой звучал ровно, — я не могу пока бросить «Мону». — Чувствую, как он хмурится, как его ладони напрягаются на моих руках, как он борется с тем, чтобы сжать их в кулаки. — Я привыкла к этой работе, я хочу уйти после окончания сезона. Да и Герман... Мы с ним сдружились...

Зажмуриваю глаза, когда довольно резко Эмин отстраняется от меня. Оборачиваюсь к нему, а тот потирает челюсть пальцами, глядя в окно.

— Опять этот Герман... — отзывается Фаворский с враждебной интонацией, полной недовольства и горечи.

Он вдруг снимает с себя пиджак и бросает на спинку дивана, снимает запонки, положив их аккуратно на круглый высокий столик рядом с модной вазой, а потом быстрым шагом направляется в ванную, без объяснений.

— Что это значит? Ты куда? — спрашиваю я, следуя за ним, но Фаворский уже заперся там.

— Побреюсь, — доносится оттуда, — все нормально. Подожди меня немного, — но его голос уже лишен всякого энтузиазма.

Прекрасно.

— Но тебе не нужно бриться. Мне нравится твоя щетина, — облокотившись о стену рядом, признаюсь честно.

На что Эмин деловым тоном отвечает:

— Сегодня важная встреча, так будет лучше.

Он включает воду до упора, как я думаю, специально, чтобы общаться мы не смогли, пока он не закончит свои дела в ванной. Ему необходимо время, чтобы поразмыслить мною сказанное? Я всего лишь назвала его имя и все. Я уже не видела Германа пару дней, и уже по нему скучаю, но Эмин же не так глуп, чтобы думать, что я что-то к этому человеку могу чувствовать... Да он даже младше меня! Ребенок совсем.

Не хочется отходить отсюда, подождать, когда он выйдет, подловить и поговорить с ним. Эмину никогда не нравилось, если я дружила с мужчинами, с которыми не дружил он.

Мы ругались из-за этого во время моей учебы в университете. Он устраивал целые представления дома, если узнавал, что какой-то студент, с которым я неплохо общаюсь, решил меня подвезти, если у Фаворского в тот день такой возможности не было. И я совершенно не разделяю его взглядов, таких радикальных на этот счет, однако больше всего я боюсь, чтобы он не навредил Герману.

Только я подумала о том, что стоило бы включить телефон, как в дверь позвонили. О, нет. О, нет! Это не может быть Герман. Лучше бы это был не он. Лучше бы он не рисковал так и собой, и нашими с Эмином отношениями. Но Герману вовсе не нравится мысль, что мы можем сойтись. Я его понимаю, на его месте я бы так же говорила, но ему никогда не быть в моей шкуре. На ватных ногах я пробираюсь в прихожую, а человек, по ту сторону квартиры звонит снова. Дьявол его побери.

Ладно. Я знаю, что это он. Не буду даже включать видеодомофон. Повернув замок, я открываю дверь нараспашку, заведомо сгорая от стыда, намереваясь объясниться, но моя челюсть отвисает до самого пола. Потому что это не Герман.

Это моя мама.

— Мам? — практически лепечу, не в состоянии и пары слов связать от шока. — Ты здесь? Ты в Москве? — наконец, меня пробивает на речь, в то время как мать залетает в квартиру.

Я запираюсь и иду за ней, она бежит в гостиную, на ее лице, успела заметить, выражение ярости, беспокойства и бешенства.

— Ты что делаешь?! — кричу я и подлетаю к ней, когда она вытаскивает из моего стенового гардероба красный чемодан.

За эти две минуты она и словом не обмолвилась, но моя попытка помешать ей обвенчалась провалом — мама, высокая, статная и с крупной костью женщина, отталкивает меня так, что я падаю на пол, и на лице ее не отображается ни капли сожаления за свой поступок.

— Мам! — искренне возмущаюсь я.

На минуту остановившись и отдышавшись, она поворачивается ко мне, одну руку положив на бедро, а другой кивнув на меня, указывая пальцем.

— Молчи. Ты поняла? МОЛЧИ! — орет мама. — Я все знаю, и твой отец всю ночь убирал в нашем доме разбитую мной посуду. Сам. Сволочи же такие, а. А ты молчала! — она испепеляет меня взглядом, а я сглатываю, ощущая вмиг себя виноватой.

Поднявшись на ноги, я держу дистанцию.

— Я боялась тебе сказать, не хотела расстраивать, но сейчас все нормально. Ты можешь не волноваться, честное слово.

Русоволосая женщина с перекинутой на плечо косой склоняет голову набок, подозрительно на меня смотря.

— Что значит «все хорошо», Лола?

— То и значит, — стараюсь отвечать ей в тон — со всей строгостью и основательностью. Как взрослая, иначе рядом с нею ощущаешь себя маленькой девочкой. — Все хорошо.

Он издает истеричный смешок, быстро подходит ко мне, становится вплотную и дергает меня за волосы с такой силой, что на глаза у меня выступают невольные слезы.

— Хорошо, что ты вчера нас с отцом опозорила, да?! Это хорошо? Что теперь о нас говорить будут? Ты об этом подумала?! Ты почему нам сама не сказала, где работаешь? Кем

работаешь? — Снова смешок, она сильно нервничает. — Ты — дура!!! — со всей дури кричит она мне в ухо, продолжая держать прядь моих волос в кулаке и дергать за них снова и снова. — Самая настоящая дура. Во-первых, не нужно тебе было идти работать официантом... Господи... Даже произносить не хочу этого... — мама кладет руку себе на лоб. Она собирается, чтобы облить меня новой порцией ругательств: — Во-вторых, идиотка, какого хрена ты подружилась... с кем? С Германом? Что там за Герман? Что там за человек такой? Такой же идиот, как и ты, Lolita?! В-третьих, — переводя дух, говорит мама, — для чего тебе давали мы с отцом образование? Для чего ты училась в Мадриде? Мы думали, ты пойдешь по верному пути, станешь самостоятельной и добьешься высот в своей стезе! А ты идешь и становишься официанткой, когда у тебя есть собственная квартира в Москве, о которой мечтает любая дрянь, и огромное количество возможностей с твоим дипломом и фамилией!

Не говорить же мне, что я просто хотела, чтобы они вернулись и вернули мне мои деньги на кредитках, которых лишили с такой легкостью. И что они думали? Что за один день/неделю/месяц я привыкну жить так, как они о том мечтают? Я всю жизнь прожила в окружении конфет. А потом родители уехали, оставив мне только фантики, решив, что все именно так быть и должно. Не было ничего постепенного, лишь резкий их уход.

Я вырываюсь, убираю ее руку, буквально каждый палец по отдельности. Набравшись смелости, собираюсь высказать ей все, что я хочу. Но не тут-то было. Щелчок замка двери ванной комнаты — и вот Эмин надевая пиджак поверх рубашки, покоряя своей сногсшибательной красотой и мужественностью, идет к нам. Он поправляет ворот (ох, как же, гаденыш, хорош!) и, подойдя к моей матери, все еще прибывающей в некотором шоке, добивает ее своей харизмой. Эмин целует ее в щеку.

Он. Целует. В. Щеку. Мою. Мать. Что за черт? У нее открывается рот, и первое время она даже не знает, что сказать, но потом, к счастью, или сожалению, приходит в себя, чтобы вклеить моему мужу, своему тестю знатную пощечину именно в тот момент, когда он говорит: «Здравствуйте, мама!»

Его голова двинулась в сторону, протерев ладонью место удара, муж хмыкает и пожимает плечами.

— Что ж, — говорит он смиренно, — я это заслужил.

Улыбка на лице Фаворского побуждает маму еще раз ему залепить, и это он выдерживает. Просто треплет ее по плечу в ответ, отчего моя мать находится в какой-то прострации от его реакции, а я еле сдерживаю смех, прикрыв рот рукой.

— Я слышал все, что вы говорили Ло, мама, — объясняет Эмин, проходя на кухню, а мама следует за ним.

И я, разумеется, за ней.

— Я вам честно скажу, что упустил очень выгодную сделку, что касается основного фармацевтического бизнеса отца, который позже, естественно, станет полностью моим. Однако, — выставив указательный палец, мужчина сохраняет безмятежность на своем лице, которой позавидовал бы каждый человек в такой ситуации, — неужели мы с вами никогда не совершали глупости? И я сделал кое-что нехорошее по отношению к Лоле!

— Конечно! — вмешивается мама, гневно настроенная. — Ты, твой папаша и мой никудышный муж подстроили ваш брак с моей дочерью, ты внушил ей эту любовь, а она поверила во всю эту фальшь!

Господи, значит, папа ничего не рассказал ей об изнасиловании. Слава Богу. Слава

Богу! Я складываю ладони у груди, скрестив пальцы, внутренне ликуя. Лучше уж ей просто не знать.

— Погодите, — говорит Эмин, — да, брак был подстроен, но любовь — нет. Любовь настоящая, — с уверенностью и непоколебимостью в хриплом голосе отзывается мой мужчина, подмигнув мне.

Я улыбаюсь во весь рот, как ненормальная, и мама, заметив это, ударяет меня несильно по плечу, а потом вновь отправляется в гостиную. Мы с Эмином пару минут наблюдаем за тем, как она забрасывает в хаотичном порядке мои вещи чемодан, платье за платьем, джинсы за джинсами, туфли за туфлями.

— Что ты делаешь? — говорю я с неким страхом.

— Твой отец не решился прийти сюда. Сказал, что и так чувствует перед тобой себя виноватым, так что отчитывать тебя — не его дело. Но я — не он! — громко осведомляет нас мама. — Я сразу сюда прилетела. И я тебя увезу отсюда в Рим.

Оказавшись вмиг у чемодана, я снимаю одежду и обувь оттуда, какую мама уже успела забросить внутрь. Но она настойчиво повторяет всю процедуру снова.

— Я никуда не поеду! — отрезаю я, и Эмин за меня вступается:

— При всем уважении, но Ло — моя жена, и она останется здесь, со мной.

Я качаю отрицательно головой, выхватывая у нее чемодан, но мама вцепилась в него мертвой хваткой. К тому же, она сильнее и больше меня.

— Мы будем подавать на развод, — говорит она, даже не напрягаясь.

После этой ее фразы я выпрямляюсь и бросаю с особой мятежностью:

— Я НЕ БУДУ подавать на развод. Я люблю Эмина!

Мать даже не поднимает на меня взгляд.

— Ну, как же, — хмыкает она. — Любишь... Загранпаспорт твой где?

Она меня даже не слушает. И тогда Фаворский, обойдя меня, хватается за запястье, заставляя на него посмотреть. Мама почти не уступает ему в росте. Их глаза напротив друг друга, Эмин абсолютно безмятежен и спокоен, чего о моей матери не скажешь.

— Я должен сказать, что прошу у вас прощения, — не сводя взгляда с ее лица, говорит он с покорностью. — Я был не прав. Как и мой отец. Как и ваш муж. — А дальше следует: — Но мы все, все без исключения, совершаем ошибки, за которые потом расплачиваемся. Я обидел вашу дочь, но я обещаю, что всю жизнь потрачу на то, чтобы искупить свою вину. Мой отец здесь больше ничего не решает. Если Ло захочет развод, — тяжело сглотнув, Эмин через плечо смотрит на меня, прежде чем снова повернутся к моей матери, — она его получит. Когда угодно. А пока я лишь прошу немного времени, чтобы вы поверили мне, чтобы ваша дочь поверила мне, что я изменился. Я буду хорошим мужем. — Сглотнув снова, Фаворский заканчивает: — По крайней мере, приложу все усилия для этого.

Не знаю, поверила ли моя мама ему, но я — да. Она убирает руки от моего чемодана. Не попрощавшись, не сказав больше ничего, хватается за свою массивную белую сумку и выходит из гостиной, чтобы позже хлопнуть входной дверью, вылетев из квартиры, точно пробка из-под шампанского.

ГЛАВА 22.

Уметь любить. Уметь прощать.

Лолита

Прежде всего, нужно быть влюбленным в женщину, чтобы иметь надежную основу для дружбы.

© Эрнест Хемингуэй

Когда Эмин все-таки отправился на свою важную встречу, я взяла такси и поехала прямо к отелю. Зная, что его там не будет, я хотела сделать то, чему он непременно будет рад — уволиться с работы, хотя, откровенно говоря, я там даже официально и не числюсь, так как все время выдумывала всякие предлоги, только бы не показывать паспорт. И мне повезло, что с выездных сезонных официантов спросу меньше, а зарплату платят после каждого рабочего дня. Им нужна рабочая сила, поэтому они не могли меня выгнать, даже за неимением никаких моих документов. Но теперь я сделаю это сама и облегчу им задачу.

Как и всегда, охранники вежливо здороваются со мной, когда я прохожу около шлагбаума, заходя на солнечную территорию «Моны». Мне будет жаль прощаться с этим местом. Все же, несмотря на каторжную работу, обслуживание, иногда очень заносчивых гостей, боль в ногах и бешеную усталость, это место — райское. Самый настоящий рай посреди Подмосковья. Все это так не складывается в единую картинку, если оценивать сам небольшой город, в котором находятся столь красивые пейзажи. Самая зеленая трава, что я видела, чистейший воздух, благодаря множеству деревьев, солнце здесь будто светит ярче, чем в другом месте. Красивые декорации в саду и маленькие ангелочки, свисающие с ветвей деревьев, создающие особую атмосферу праздника и волшебства. Номера в отеле шикарные, холл, каждый коридор, каждый банкетный зал отделан со вкусом. Хорошо, что этим местом, конечно, владеет мой муж, но вряд ли я захочу приезжать сюда часто, чтобы отдохнуть. Я изменилась, я чувствую это. Люди, работающие бок-о-бок со мной, привыкли к тому, что я просто официант, хотя теперь, благодаря видео, они знают, что это так. И мне стыдно перед ними.

Стыдно перед Германом.

Менеджер по персоналу, благо, в своем кабинете. Женщина с короткой стрижкой с улыбкой встречает меня, когда я стучусь в ее дверь. Она теребит жемчужную сережку в своем ухе и здоровается со мной, свободной ладонью указывая на кресло рядом со столом. Я сажусь в него, положив красную сумку, сочетающуюся с туфлями того же цвета, на колени.

— Чем могу помочь, Лолита? У тебя сегодня выходной же, да?

Она не видела ролик?

Я киваю головой. Может, все не так уж и плохо. Но надолго ли?

— Выходной, — говорю я, кивнув в ответ. — Я к вам по вопросу увольнения.

Менеджер пытается не выдать своего разочарования, поджав губы, но заметно, что настроение у нее слегка расстроилось. Мне жаль. Правда, жаль. Похоже, она неплохой человек, и теперь ей придется искать кого-то на мое место.

— У вас не должно возникнуть трудностей с этим, — объясняюсь я, опустив глаза на свои пальцы, которые то скрещиваю, то ими тереблю ремень сумки, — ведь я не была официально оформлена. Знаю, что поступила неправильно, нужно было принести мне раньше документы, но...

Она прерывает меня ошеломительным заявлением:

— Но известная фамилия мужа не позволяла вам сделать это? — теперь уже с искренней короткой улыбкой говорит она.

Я, наконец-то, смотрю на бейдж, чтобы вспомнить, как ее имя.

Венера. Необычно. В честь планеты или в честь богини?

— Вы знаете? — шокировано спрашиваю я.

— Босс мне все рассказал, — отвечает она, пожав одним плечом и откинувшись

назад. — Он позвонил сегодня, буквально полчаса назад, чтобы сообщить мне это и сказал, чтобы я не требовала у вас документов, иначе вы будете чувствовать себя неуютно.

Она барабанит пальцами по столу, а на ее красивых пухлых губах играет нежная улыбка — такая добрая.

— И еще я обещала никому не рассказывать об этом, так что можете быть спокойны. Босс просил дать вам отработать столько времени, сколько вы сами того захотите.

Венера заметно старше меня, но обращается ко мне на «вы», и мне хочется поправить ее, но я не решаюсь. Эмин сделал это для меня? Он готов вытерпеть Германа, мой каприз насчет «Моны», чтобы только сделать меня счастливой? Сказать честно, я уже не представляю свою жизнь без Лаванды, поэтому очень благодарна мужу за это. Но все равно не смогу остаться после позора, который произошел. Не смогу. Я такая дура.

— Извините, это очень мило с его стороны, но я не останусь, как бы мне того ни хотелось, — посмотрев в окно, на огромный желудь, вырезанный из дерева посреди основного сада, я понимаю, что «Мона» за короткий срок успела прописаться у меня в сердце.

— Почему? Из-за ролика? — Второй за десять минут я открываю рот в надежде сказать хоть что-то, но не могу произнести и звука, в то время как Венера убирает яркую обложку чехла с экрана своего айпада. Она протягивает его мне.

— Можете искать под любым названием, там его больше нет.

Я дрожащими руками принимаю планшет.

— Но... как?

— Мой муж — очень хороший программист. Он живет в штатах, работает там временно. Для него удалить что-то подобное — как двумя пальцами щелкнуть.

Я готова подлететь к ней и расцеловать ее, но вместо этого я лишь подношу к лицу руку и радостно смеюсь, чуть ли не плача.

— Спасибо вам большое! — благодарю ее, положив планшет на край стола. — Даже не знаю, что еще сказать...

Венера кивает в мою сторону.

— Оставайся, — перейдя на «ты», предлагает женщина.

Вновь взглянув в окно, я сама поджимаю губы, не желая ее обидеть ни в коем случае.

— Это видео все равно увидело много человек, даже сотрудники, с которыми я работала...

— ... Ты не знаешь этого наверняка.

— Но это возможно! Это, скорее всего, именно так! — горячо рассуждаю ее, пятерней зарываясь в распущенные волосы.

Я вздыхаю и слышу, что она делает так же, только намного тише и менее обреченно.

— Все совершают ошибки, — Венера пытается поддержать меня так же, как и Эмин.

Я усмехаюсь.

— Сегодня мне звонили с какого-то телеканала, — приложив пальцы ко лбу, пытаюсь вспомнить название. — Не помню, что за телеканал, но это просто ужасно. Они предлагали мне объяснить свое поведение перед зрителями.

Венера воспринимает новость об этом спокойнее, чем я. Она пожимает плечами.

— Даже без своего мужа, ты — достаточно известная личность благодаря родителям. И если ты была в тени, потому как не являешься звездой из ящика, то, как только народ наткнулся на такую новость и осведомился о том, кто ты, благодаря блогерам и

журналистам, сразу начал интересоваться тобой. Кто-то поливает грязью, кто-то — восхищается. — Венера рукой указывает на широкое окно. — Оглянись вокруг, Лолита. Это и есть реальная жизнь. Ты от этого никуда не уйдешь. Просто найти наиболее удобную позицию для себя, откуда ты будешь давать отпор обидчикам. А потом... — она обнажает зубы, отчего у меня на душе становится светло, — ... потом вдохни полной грудью.

Вид из окна, заменяющего стену, а пентхаусе Эмина действительно фантастический. Но самое невероятное, самое потрясающее — это то, что наверху, в отдельной большой комнате, полностью выделенной для длинного широкого бассейна, точно такое же панорамное... не решаюсь назвать это окном. Стеклянная стена, охватывающая два этажа. Как же это красиво. И в Москве-реке, и правда, отображается свет из квартир домов, построенных рядом, а так же все городские огни, словно утонули в воде и продолжают светить оттуда. Я видела многое, бывала в разных местах, но здесь особенный уют, от которого захватывает дух. Я уже люблю это место и рада, что Эмин уговорил меня переехать к нему.

— А отсюда нас кто-то увидит? — спрашиваю я, когда Эмин целует меня ласково в шею, будто извиняясь за большие засосы, который поставил прошлой ночью.

А точнее, утром.

Глупый. Я люблю эти засосы. Если бы их еще было так легко маскировать, не вызывая никаких догадок, не было бы и этих проблем, связанных с ними. Он развязывает верх моего купальника и бросает на кафель за моей спиной, приподнимая меня слегка за талию так, что я локтем касаюсь пластикового шезлонга. Держась за перила лестницы из мрамора, уходящего под прозрачную воду, Фаворский, будто не слыша моего вопроса, принимается сосать сосок моей груди, отчего я запрокидываю от удовольствия голову назад, постанывая.

— Нет, — прекратив приятную пытку, на ухо мне соблазнительным голосом отвечает муж. — Только мы их видим, — на мгновение заглянув за плечо, он улыбается. — Супер, правда?

Я киваю, широко и счастливо улыбнувшись. Крепче притягиваю его к себе и ногами обвиваю узкие красивые бедра.

— Люблю тебя, — бормочу в его мягкие и гладкие губы между поцелуями.

Эмин не позволяет мне наслаждаться легкими прикосновениями к нему, он углубляет поцелуй, жестко действуя языком у меня во рту. Властвуя внутри, касаясь неба, а потом сплетая свой язык с моим. Он целуется чувственно и горячо, и если бы я не была мокрой уже, то сейчас бы точно стала, но дополнительная стимуляция мне не нужна, поскольку я хочу Эмина. Хочу, чтобы он был во мне...

— Войди, — прошу его я, — войди меня!..

Мои слова становятся всхлипом, просьбой, приказом, который должен быть незамедлительно выполнен.

— Подожди, — оторвавшись от моих губ, шепчет Эмин.

Я провожу по его накаченным рукам, достойным восхищения, своими ладонями. Наклоняюсь и ласкаю сначала один трицепс потом другой, языком облизываю каждую клеточку его левой руки, когда очередь доходит до пальцев, Эмин сам по очереди сует мне в рот каждый, потом то же самое проделывает с правой кистью. Я уделяю в конце больше внимания среднему пальцу, заново вернувшись к нему после. Я засовываю в себя до основания его, чтобы потом высунуть и облизать ухоженный ноготь моего мужчины. Как бы

и сделала с его членом. Хочу показать, как бы ласкала его пенис, будь он у меня во рту. Все потому, что у нас дело никогда не доходило до орального секса... Я даже не знаю, почему, но мы никогда им не занимались. Однажды Санчес, наш общий друг, проговорился, что Эмин, будучи моим первым мужчиной, считал меня слишком честной, чтобы попросить ему... отсосать. Я не настаивала, хотя мне хотелось.

Но сейчас я настаиваю.

— Я хочу, — говорю почти неслышно, глядя Эмину в глаза.

Они у него горят огнем. Как я обожаю его светло-серые глаза! Пепельно-дымчатые... Я о них мечтала по ночам, когда мы только-только начинали общаться. Я уже любила их. Еще не любила Эмина Фаворского, но уже восхищалась его невероятными стальными глазами, будучи в них влюбленной.

— Ты уверена? — укусив меня слегка за подбородок, спрашивает он.

Я вижу, что Эмин немного обеспокоен. Бойтся, что мне не понравится? Чушь. Я уже знаю, что хочу доставлять ему удовольствие.

— Конечно, — отвечаю я, прикоснувшись губами к его щеке и опустившись рукой вниз, чтобы оттянуть резинку черных плавок, а потом схватить нежно его эрекцию, провести от основания до головки медленно, а после — быстро-быстро.

Эмин стонет, закусив губу. Он чертыхается, но позволяет мне трогать его, как я делала раньше. Фаворский убирает мою руку, словно пушинку поднимает меня, ни о чем не догадывающуюся наверх, и сам, оперевшись сильными руками о мрамор, выходит из воды. Он моментально впивается страстным поцелуем мне в губы, опуская на пол рядом с шезлонгом. Ногой отталкивает тот, что рядом с ним и, не отрываясь от меня, властно разводит мне ноги в стороны, чтобы уместиться между ними. Упирается эрекцией мне в промежность — я вздыхаю, ахнув. Как же я хочу его внутри себя! Эмин опускается вниз, уделяя внимание всему моему телу, плечам, ключицам, кусая их не очень больно зубами, посасывая затвердевшие соски, лаская живот, область вокруг пупка и, наконец, снимает с меня трусики, потянув за тонкие нитки низа черного купальника от Kiskin. Выдержав мой взгляд, полный желаний и удивления, он сексуально ухмыляется, после чего опускает голову вниз и задевает языком мои половые губы, заставляя меня вздрогнуть. Его рот настойчиво исследует мою киску, а я не стану говорить Эмину, что уже давно мечтала об этом. Мечтала, чтобы именно он сделал это.

Сделала это со мной.

Держа крепко мои бедра, он языком входит в мою дырочку, так же быстро выходит и проводит по клитору, начиная круговые движения. Эмин захватывает его губами, сосет мой центр, и я даже не пытаюсь сдерживать себя. Я могу кричать, сколько хочу в его пентхаусе. И я кричу, стону, извиваюсь. Ни на сантиметр я не могу отодвинуться от него, потому что Эмин крепко захватил меня. Мои ноги дрожат. О, черт!

— Эми-и-ин, — сладко тяну я, зарываясь руками в его слегка длинноватых волосах. — О, Боже-е! Боже-е...

Я подогреваю его своими всхлипами и стонами. Мне кажется, после того, как я простонала его имя, он стал действовать решительнее, словно ждал одобрения от меня. Его язык не прекращает кружить вокруг моего клитора ни на секунду. Приятное удовольствие внутри растекается, я изгибаю стену, готовая вот-вот кончить. Тогда муж присоединяет к своему языку еще и пальцы — средний и указательный. Он плавно вводит их в меня, продолжая работать ртом. Вот черт... черт. Боже! Двигая внутри меня ритмично пальцами,

Эмин посасывает мой клитор, благодаря чему я стремительно кончаю ему в рот, услышав в ответ моим стонам его — довольный.

Ноги продолжаю забрать, когда Фаворский убирает пальцы, но целует мой центр все еще, не спеша поднимаясь вверх, исследуя губами мое тело. Его любимая часть — моя полная грудь — оказывается в его мощных ладонях. Он сжимает их и льнет к моим губам, в которые я шепчу:

— Спасибо, это было так...

— Хорошо? — подсказывает муж, улыбаюсь.

— Лучше, — говорю я, подарив ему темпераментный поцелуй.

Отстранившись, я переворачиваю его на спину, пользуясь тем, что он того не ожидает и поэтому не сможет мне противостоять. Он закрывает глаза, оказавшись подо мной, он уже знает, что я собираюсь сделать. Вторя мужу, опускаюсь вниз, стягиваю с него плавки, обхватив его большой член ладонью. Прекрасно. Нагнув голову, я так же, как и он десять минут назад, смотрю на него в течение нескольких секунд, а потом подмигиваю:

— Приготовься, любимый!

После чего касаюсь языком головки и, услышав его гортанный стон, наклоняю голову ниже, еще ниже, до самого горла...

ГЛАВА 23.

Друзья?

Лолита

Следующим утром, принеся кофе Эмину в постель, я все-таки сообщила ему, что ушла с работы. Я думала, он будет расстроен, так как сам организовал для меня достойные условия, чтобы я могла продолжать работать столько, сколько мне понадобится. И он даже не уволил Германа. Да у него даже причин на это нет, ведь Герман — просто мой друг, и с Эмином никаких конфликтов не имеет, никак с ним не связан. Мне показалось, что Фаворский не расстроился моему решению, а, может, просто не подает виду. Он больше озадачился вопросом, почему я не включаю телефон.

— Не хочу слышать ни мать, ни отца, которые однозначно мне звонили, — печально говорю я, вновь залезая под одеяло, на огромную кровать, любясь великолепным видом на Москву.

Эмин поглаживает мои волосы и плечи, обнимая меня за них.

— Они мне уже звонили, малыш, — как бы нехотя признается Фаворский.

Я тут же скидываю на него глаза, а он пытается меня успокоить, глядя по рукам.

— Почему ты ничего не сказал?

Отпив немного горячего напитка, он ставит чашку с блюдцем на прикроватную тумбу.

— Я не хотел тебя расстраивать, — отвечает Эмин, пряча одну прядь у меня за ухом. — Мой отец тоже звонил. Беспокоился о тебе, о нас, — Фаворский фыркает, давая понять, что не верит словам папы. Как и я. Нисколько.

Я прижимаюсь снова к нему, чувствую себя защищенной в его теплых объятиях.

— А что сказали мои родители? Они спрашивали обо мне?

Эмин смеется.

— Твоя мать невыносима!..

Я смеюсь вместе с ним, без слов с ним полностью соглашаясь.

— А папа лишь сказал, чтобы я берег тебя отныне. Он был короток и строг. Сказал, что в отличие от тебя, он меня не простил. Но отношения с тобой портить не намерен, поэтому

не доверяет мне, конечно, но признался, что ему придется смириться с твоим выбором.

Мои объятия чуть-чуть ослабевают. Я думаю о том, что моей маме ничего не известно об изнасиловании, а я этому очень рада! Она бы этого не поняла. Меня не поняла. Иногда я и сама этого не понимаю.

Эмин пальцем приподнимает мой подбородок, наши глаза встречаются. В его я вдруг замечаю искренние слезы. Они выливаются, стекают по щекам, по его груди скатываются на одеяло и мою руку.

— Прости меня, — произносит он тоскливо, а губы у него дрожат. — Я навечно перед тобой виноват.

Я тянусь и целомудренно приникаю к уголку его губ, обняв за шею. Я простила.

Простила.

Мы собираемся поужинать в Шереметьево, но так как уже неподалеку от свадебного бутика, Эмин все же вымалывает у меня возможность посетить «Мону» для решения некоторых организаторских вопросов по поводу завтрашнего мероприятия. Двести человек, тренинг с квестами, играми и всякими вкусностями. Деньги бешеные! Это не мои слова — его. Ладно, я делаю музыку в автомобильной музыкальной системе громче, когда передают новую песню Сиары. Начинаю двигаться в такт, надолго моих движений не хватает, так как подъезжаем мы очень быстро. И остановив машину у поста с охраной, Эмин предлагает мне выйти из нее в летний, прохладный вечер. Я набрасываю на обнаженные плечи темный вельветовый пиджак и принимаю его приглашение. Фаворский берет меня за руку, и я не могу не обратить внимания на заинтересованные лица охранников. Их глаза... Если они не видели ролика, то им уже рассказал обо всем тот, кто видел. Когда мы ступаем по гравийной дорожке, Эмин внезапно достает из заднего кармана своего пиджака мой выключенный телефон и передает его мне.

— Тебе решать, делать это, или нет, — размеренным тоном сообщает муж, ласково на меня глядя. — Но я бы включил.

Дойдя до главного здания, оснащенного ресепшеном и длинной административной стойкой, Эмин отпускает мою ладонь, чтобы открыть передо мной дверь. С ним начинают все здороваться, уважительно на него посмотрев. Но по их взглядам я понимаю, что все ожидали его появления. Видимо, охрана передала, кто сейчас придет. Я тоже слышу приветствия в свой адрес и отвечаю не менее приветливо, но меня съедает чувство изнутри, что все они фальшивят. Что все они — это старая версия меня. Почему эти люди не скажут мне в лицо, что они на самом деле думают? Да ладно. Я не могу ждать от них риска своим рабочим местом. Будь я в их положении, тоже бы так не поступила. У нас так принято: держи рот закрытым, пока тебя не попросили его открыть.

— Подожди меня здесь, ладно? — обращается ко мне муж, нагнувшись, чтобы поцеловать и провести пальцем по моей щеке.

Его нежный взгляд так приятен. Но потом директор отеля появляется из-за угла, и Эмин вместе с ним поднимается на лифте вверх. Я сажусь на один из коричневых мягких диванчиков у дальней стены, принимаясь рассматривать за стеклянными окнами во всю стену красивый вечер и великолепный сад «Моны», который может похвастаться светодиодным освещением по всей своей территории и мини-прожекторами на газоне, что помогают гостям, выйдя на улицу из помещения, лучше ориентироваться ночью. Я бы хотела посмотреть на цветной бассейн, он таким бывает только в темное время суток, и находится в

заднем саду. Пока Эмина нет, я могу это сделать. Подойдя к стойке регистрации, я прошу нового работника по имени Стас передать боссу, что я жду его у фонтана.

— Конечно, — кивает он с легкой улыбкой, после чего я направляюсь к выходу.

Но еще не успев даже коснуться длинной вертикальной стеклянную двери, я вижу по ту ее сторону Германа Левандовского, шагающего к этому зданию с поникнувшей головой. Радостная, я выбегаю наружу, но не окликаю его, ожидая, когда он сам меня увидит. Мне стыдно за то, что я выключила мобильный, да еще и переехала. Если Герман пытался меня найти, он, наверное, пришел ко мне домой. Звонил и звонил, но никто ему не открыл.

Практически дойдя до дверей, он вдруг видит чьи-то туфли перед собой, поднимается взглядом выше по голым ногам, осматривает джинсовые короткие шорты красный топ, пиджак и черный шейный платок с нарисованными на нем красными розами. А потом его взгляд переходит к моему улыбающемуся лицу, но в ответ я не получаю никакой радости от него, никакого счастья. Ни даже лживого намека на то, что ему приятно встретить меня.

— Привет, — опустив уголки губ вниз, кивает Лаванда с абсолютно непроницаемым для меня выражением на своем красивом лице.

Его голубые глаза больше не горят огнем, требующим путешествий, добра, адреналина. Он совершенно... грустный. Да, вот то самое слово. Герман очень грустен.

— Привет, — я сглатываю, и моя улыбка тоже медленно сползает. — Думала, ты будешь мне рад.

Ну, вот на его губах начинает играть кривоватая усмешка, полная ехидства и сарказма.

— Да? — ироническим тоном спрашивает парень, поправляя ремень рюкзака на плече. Левандовский одет в светлые узкие джинсы и черную футболку, на которой на английском языке написано: «Живи свободно, или умри!». Я скидываю взгляд от надписи к его печальным, бездонным глазам.

— Извини меня, — решаюсь произнести на судорожном выдохе. — Я выключила телефон, потому что мне было очень стыдно.

Он качает головой в недоумении.

— За что?

— За тот ролик, который ты, наверное, уже видел, — посмотрев на свои руки, я добавляю: — Хорошо, что его уже удалили, но мне до сих пор неприятно. От самой себя.

Герман приближается, чего я от него не ожидала.

— На том видео-ролике, — парень ловит прядь моих волос, что только что подхватил ветер, и аккуратно заводит мне ее за ухо, — ты такая настоящая, какой я тебя еще никогда не видел. — Его взгляд блуждает по моим скулам, переходит к губам, а потом он его отводит и хмурится. — И да, я видел его. Я помню каждое слово.

Поправив подол футболки, он обходит меня и собирается зайти в холл, но я ловлю его за руку, заставив вновь обернуться ко мне.

— Почему ты уходишь? Что тогда не так?

— Что не так? — взрывается Герман. — Что не так?! Ты серьезно у меня это спрашиваешь? Ты лучше у себя спроси, знаешь ли, что такое друзья? Я звонил тебе, я приезжал к тебе домой, ехал через весь город, чтобы ты мне не открыла. Ты просто меня проигнорировала, да? Отключила телефон? А, погоди... да, ты же его выбросила... — говорит он, вспоминая фрагмент из ролика, но в его голосе сквозит лютая ненависть. — Но так и не нашла времени, чтобы сообщить мне, что у тебя теперь новый номер. Например, написать мне в социальной сети! — грозно выдав все это, он вырывает свою руку и

собирается зайти внутрь.

И в этот раз я мешаю ему, не давая сделать этого, становлюсь перед ним, чувствуя за спиной кучу любопытных зевак и их взгляды, полные ликования. Их цель — это сплетни и разрушение чужих жизней.

— Хватит, — сдавшись, Герман звучит обреченно. Он старается не смотреть на меня. — Уйди с дороги, Лола. Я думаю, нам лучше перестать общаться. Тебе и не придется, потому что я пришел, чтобы уволиться, — он поднимает на меня глаза и рукой кивает в сторону холла. — Дай мне пройти.

Я пожимаю плечами.

— Нет. И если тебе интересно, я тоже уволилась. И не открыла я тебе, когда ты пришел ко мне, потому что переехала.

Его лицо вытягивается, но странный взгляд заставляет насторожиться. Мне кажется, будто он и хочет спросить меня, где я теперь живу, и боится узнать ответ.

— Куда? — спрашивает, нервно облизнув губы.

Почему я волнуюсь? Почему я не могу просто ответить? Просто сказать правду?

— К Эмину, — отзываюсь негромко, встречаясь с его яростью во вмиг расширенных глазах.

Он делает вид, что ему безразлично, но первоначальные эмоции его выдали. И мне очень жаль, что я сделала ему больно. Наверное, Лаванда думает, что Эмин снова причинит мне боль. Я знаю, что Левандовский за меня переживает, но мне бы хотелось, чтобы он больше времени уделял своей жизни. В том числе, и личной.

— Мы любим друг друга, — пытаюсь оправдать свой поступок.

А он все кивает и кивает.

— Поздравляю, — сухо бросает парень, прежде чем легко одной рукой отодвигает в сторону и тянет дверь в свою сторону.

Опомнившись, я так же быстро и легко закрываю ее.

— Перестань постоянно убегать! — злюсь я. — Давай нормально поговорим!

Лаванда взмахивает руками, потом складывает ладони на затылке, перекрестив пальцы, и принимается ходить то в одну, то в другую сторону, приводя меня в чистейшее замешательство.

— Что ты хочешь от меня услышать? — вопрошает Герман. — Я уже сказал, что поздравляю вас. Я должен сказать, что искренне рад, что ты связала свою жизнь с маньяком?

Вспомнив утренние слезы Эмина, я бросаюсь защищать с такой же исступленностью, с какой тигрица бы защищала своих детенышей.

— Он — не маньяк. Не смей его так называть! — предупреждающе говорю, жестикулируя активно рукой, левой подобрал с плеч пиджак.

В ответ Герман лишь смеется.

— Ну да, конечно же. Извини, что сказал правду.

Подойдя ближе, я наставляю на него указательный палец.

— Ты не имеешь права говорить то, чего не знаешь!

Дождь неожиданно хлынул градом, а мы этого даже не заметили. Он льет, как из ведра, пока Герман, не уступая мне, так же кричит и так же бурно выясняет отношения.

— Ты просто дура! — орет он.

И тогда я бью его кулаками по плечам. Снова и снова. Лаванда хватается меня за руки, после чего я не могу снова ударить его, но гнев внутри меня течет, перемешиваясь с кровью.

— Как, скажи мне, КАК, Лола, можно любить того, кто тебя изнасиловал? — ревет Герман, перекрикивая несчастный дождь, сделав нам мгновенно мокрыми с ног до головы. — Как ты можешь его любить? — Он перестает держать меня за запястья, но отводит руки вверх и захватывает ими мои плечи, а потом с силой меня встряхивает. По моим щекам текут слезы. Хорошо, что, благодаря ливню, Герману никогда этого не узнать. — КАК МОЖНО ЛЮБИТЬ СВОЕГО НАСИЛЬНИКА, СКАЖИ МНЕ?! — со стороны орет парень, вновь меня встряхнув.

Я сдерживаю рыдания, но у меня плохо получается. Уперевшись ладонями в его предплечья, я пытаюсь выскользнуть из его крепкого захвата, но все тщетно.

— Ты же мой друг! — вдруг, сама того не ожидая от себя, прокричала я ему в лицо.

Услышав это, он сам меня отпускает, сделав шаг к назад, к деревьям. Я не хочу дотянуться до него снова, просто мне интересно, что сейчас он сделает или скажет. Мы не замечаем никого вокруг. словно нет больше ничего важнее драмы, что происходит между нами.

— Нет, — качает головой Герман, и только по губам я понимаю, что он говорит мне. — Нет, я не твой друг. — А потом его крик заполняет мою душу и все пространство между нами: — Я не хотел быть твоим другом. Но ты не замечала меня, была влюблена в этого засранца! — Он просто не знает Эмина, поэтому так говорит. — Я никогда тебя не пойму. Я никогда тебя не пойму!

Набравшись смелости, я подхожу к нему, а Лаванда пятится только первые несколько секунд, потом бездвижно стоит на месте.

— Как это ты мне не друг? — еле произношу это, сильно сдвинув брови вместе.

Это все так странно. В этом мире, совершенно новом для меня, я обрела Германа, который изменил меня, научил меня быть другой и сделал меня лучше, а теперь он говорит мне, что мы не друзья? Я не знаю, как это могло бы не ввергнуть меня в шок.

Горько усмехнувшись, Герман, будто знает, что я плачу. Он вытирает мои нижние веки, хотя это бесполезно — капли падающие с неба вновь делают их мокрыми. И слезы, конечно, тоже.

— Я тебя полюбил, Лола, — отвечает он спокойно.

Мое сердце останавливается. Я должна за что-то держаться, чтобы не упасть. Почему я не падаю? Почему мне так больно, но я все еще нахожусь в сознании?

— Нет, — отрицательно качая головой, опровергаю его слова. — Не может быть.

— Может, — кивает парень.

Мне показалось, он только сейчас смирился с той участью, что ему выпала. С тем, что я не люблю его, как мужчину. Ему это удалось, а мне? Как быть мне, узнав об этом?! Лучше бы мне никогда не знать.

Мой взгляд ни на секунду не покидает его лица. Я ошеломлена, шокирована и сломлена. Я не должна была никогда этого услышать. Лучше бы так и было.

— Я сделал кое-что нехорошее. И в тот день, когда ты собиралась на свадьбу с Фаворским, позвонил, чтобы признаться о нашей драке с ним до того, как он покинул в офис. — Эмин мне об этом не рассказывал! Что дальше? Герман собирается продолжать меня неприятно удивлять? Но я слушаю его дальше. — Мы пару раз друг друга ударили. Но от моих кулаков толку мало, — он печально улыбается, демонстрируя свои ладони, — а мне он, ты, наверное, не заметила, поставил синяк, — указав пальцем на левый глаз, он опускает руку вниз. Под нижним веком действительно можно увидеть небольшое желто-синее пятно,

которое практически обесцветилось. — Но в данном случае я не считаю его виноватым, несмотря на то, что это он вызвал меня в кабинет, и это он просил прекратить наше общение. Виноват я, — рассказывает Герман монотонно, только его брови то взлетают вверх, то опускаются вниз, нахмуриваясь, — потому что, когда твой муж пообещал меня уволить, я воспользовался тем, что, как мне казалось, дорог тебе, и напомнил ему об этом, сказав, что если он это сделает, то никогда тебя не завоюет обратно.

Мои плечи поникли. Вся радость от нашего с Эмином примирения, от удаленного видео, от переезда в его жилище, от того, что мои родители со мной посчитались, улетучилась. В один момент все развалилось, как карточный домик!

— Вот поэтому, — добавляет Герман, — я пришел, чтобы уволиться.

— Ты не должен, — мне хватает сил, чтобы начать протестовать, и я вставляю это, поскольку, и правда, считаю так.

— Нет, я должен, Лолита. Ты не понимаешь, ты просто не понимаешь. Мой отец давит на меня, заставляя жениться на какой-то девчонке его бизнес-партнера, и он отказался меня финансировать, хотя мне это больше и не нужно, потому что я сам его послал! Я больше не студент, — разведя руки в стороны, он отходит на шаг, показывая себя таким, какой он есть — распятым, и не единожды. — Я доживаю в своей съемной квартире последнюю неделю, а потом мне нужно съезжать, и я поеду к своему другу в Питер. Я думал... Какой я дурак, — повернувшись в сторону, парень смеется, качая головой и уперев кулаки в бедра. — Я думал, предложить тебе поехать со мной, но теперь вижу, что у тебя и так все отлично без меня, так что ухожу с дороги и желаю тебе только удачи.

Выходя вперед и снова поправляя рюкзак, я думала, он пройдет мимо меня, а я настолько разбита и подавлена, что не смогу остановить его еще один раз. Но нет, сначала он становится вплотную ко мне, прижимается губами к моему лбу и шепчет в ухо:

— Я никогда не забуду день нашей самой первой встречи, когда случайно столкнулся с тобой. И никогда не забуду тот же вечер, когда ты поцеловала меня, — сокрушенным голосом сообщает Герман, потрепав меня по плечу.

А потом он и правда покидает меня. Я оборачиваюсь, чтобы стоять под этим проклятым ливнем и смотреть, как он идет в сторону главного здания «Моны». Я помню... помню, что он тогда ответил на мой поцелуй.

«Понравилось».

ГЛАВА 24.

Ты этого не ожидаешь

Лолита

Пробок нет. Дорога в направлении ресторана в Шереметьево свободна. Эмин продолжает сокрушаться над тем, что я оказалась на улице в дождь, когда должна была ждать его в холле. Ему неизвестно, что случилось, что я встретила с Германом, и что тот мне рассказал. Я даже не знаю, стоит ли мне поднимать эту тему. Смотрю в окно и слышу лишь в пол уха то, что мне горячо говорит Фаворский. Он ведет машину резко, потому что злится, боится, что я могу заболеть и слечь. Беспокоится за меня.

Словив себя на этой мысли, я к нему поворачиваю голову. Не знаю, что такого в моем взгляде, но Эмин из недовольного и свирепого мужчины превращается в милого и хорошего, который принимается извиняться за свои нравоучения.

Машина останавливается на светофоре и, отстегнув ремень, за наличием на себе которого он уже следит, Эмин тянется через пробел между нашими сидениями, чтобы

поцеловать меня в губы, а потом целует в лоб, как недавно сделал это Герман.

Может, не стоит говорить Фаворскому ничего о Лаванде? Его сердце разбито, а я не хочу обсуждать осколки его души с кем-либо. Я хочу, чтобы Герман это пережил и нашел девушку, с которой будет счастлив.

Я улавливаю знакомый мотив, Эмин, похоже, тоже, потому что сразу прибавляет звук. Это наша с ним любимая песня. «How Deep Is Your Love» группы Vee Gees. Муж смотрит туда, что и я, на мою татуировку под правым локтем: «Мы принадлежим друг другу, ты и я» — лучшие слова из данной песни. Эмин, подпевая исполнителям, берет меня за руку и переплетает наши пальцы, а я правой рукой касаюсь левой ключицы через его легкий джемпер. Я знаю, что там набито мое имя.

Лолита.

Final...

— И все? — спрашивает Эмин, лежа на нашей большой кровати у стены и читая книгу, что я написала, под моим внимательным наблюдением.

Пару раз со смехом будущий муж уже бросал в меня подушкой, чтобы я на него так не смотрела, но я не могла иначе, ведь это мой первый роман, собравший массу положительных отзывов. Издатель меня хвалит, требуя продолжение. НО! Как я могу не узнать мнение самого важного человека в моей жизни — любимого человека?

Я забираю у него книгу и заглядываю на страницу, которую он прочел. Она последняя.

— Все! — говорю, выдохнув. Сажусь на кровати, готовясь выслушать любую критику. Ну, почти любую. — Ну, что скажешь? — жестикулируя руками, выпытываю у него я.

Мой сероглазый красавец зарывается ладонями в волосы и лохматит их, а потом ложится вновь на кровать, переворачивается набок, чтобы видеть меня, и подпирает голову рукой.

— Мне не очень понравилось, что Эмин изнасиловал Лолиту, — сморщив нос, признается Фаворский. — Почему он так сделал? Да, он вышел из себя, но если я — его прототип, то я категорически не согласен с его поступком.

В одобрение, я глажу любимого по голове, но он сбрасывает мою руку, хватая запястье и, притворившись вампиром, делает вид, чтобы собирается проткнуть его зубами. Я кричу, мы дурачимся и смеемся, в конце концов, оба падая на подушки рядом с другом и упираясь глазами в потолок.

— Думаешь, это хорошо, что Лола простила его? — посмотрев на Эмина, спрашиваю я. Тот пожимает плечами и опускает уголки губ вниз.

— Я пытаюсь все осмыслить сейчас, но твоему издателю же понравилось. — Потом он добавляет: — Не скрою, что эта книга заставила меня кое-что обдумать...

Я бесцеремонно прерываю жениха. Знаю, что неправильно, но мне необходимо знать.

— Ты бы хотел, чтобы я простила тебя, если бы ты так сделал со мной?

Эмин раздражается.

— Я бы не сделал! — громче обычного отвечает он и поднимается с кровати.

Завтра наша свадьба, и я меньше всего хочу, чтобы наше настроение было испорчено. Я так долго ждала этого дня. Я долго это планировала. Это будет праздником моей мечты. Нашей мечты.

— Ладно, ладно, — иду вслед за ним и обхватываю его со спины за живот, лбом уткнувшись в лопатки Эмина. — Не сердись. Просто для меня твое мнение имеет большое значение.

Мы вместе идем на кухню. Точнее, Фаворский меня тащит, оттаскивает от себя, садится за стол, поворачивает стул и притягивает меня к себе, как маленькую девочку, усадив на колени.

— Хочешь знать мое мнение?

— Очень!

— Мне кажется, тебе не нравится наша маленькая уютная квартирка на Пушкинской, — он обводит рукой то, что находится вокруг. — Больше не нравится.

Но на его губах играет безмятежная улыбка.

— Да брось! — я кулаком несильно бью в его плечо. — Это же всего лишь книга, Эмин! Я лишь хотела показать, что для той Лолы, из романа, деньги вдруг перестали быть центром жизни, хоть и остались занимать важное положение. Но в чем-то она изменилась.

Эмин соглашается, хмыкнув.

— Благодаря Герману. — Жених пускается в рассуждения. — Если прототипы всех персонажей существуют в реальности, то Лаванда...

Я отвечаю быстро, зная, к чему он клонит:

— Герман — мой однокурсник, Эмин, и ничего больше. Мы с ним просто дружим.

Ладонями он крепко сжимает мои бедра, пытливо глядя мне в лицо, но я спокойна, потому что ответила совершенно честно.

— И он поляк? — с интересом Фаворский изгибает бровь.

Я киваю.

— Он, так же, как и другие, не был против, чтобы я использовала его внешность и имя для книги, — говорю ему я и целую.

Но нежный поцелуй вдруг вырастает в страстный. Оторвавшись от моих губ, Эмин с грозным видом вопрошает:

— Ты мне точно правду насчет него сказала?

Засмеявшись, обхватываю его шею руками.

— Точно. Но издатель теперь хочет еще и историю Германа, потому что читатели этого требуют — им интересно, как сложилась судьба у него.

Начав ласкать мою шею, Эмин несерьезно предлагает:

— Напиши, что Фаворский вернулся и зарезал Левандовского.

Я ударяю в шутку его по спине.

— У тебя в голове мозги, а не каша, — утвердительно моргнув глазами, прикусываю нижнюю губу, заметив, что взгляд жениха упал на мой рот.

В ожидании нашего дневного горячего секса я вся горю. Но он вдруг кладет палец на мои губы и предупреждающе произносит:

— Никакой книги для Германа, Ло. Никакого Германа. И как тесно вы общаетесь?

Я кусаю его за плечо, отчего Эмин вскрикивает.

— Ревнивец! — со смехом отзываюсь.

— Никакого Германа, — повторяет Фаворский. — Я, конечно, не богатый бизнесмен, как тот книжный Эмин, но партия Левандовского тебе подходит еще меньше.

Привстав с его колен, я беру в ладони его до умопомрачительности красивое лицо, немного заросшее щетиной, и, глядя Эмину в глаза с абсолютной уверенностью заявляю:

— Мне никто не нужен, кроме тебя. И если я напишу про Лаванду отдельный роман, это не значит, что я тебя предаю. — С неохотой Фаворский закатывает глаза, соглашаясь со мной. — У нас завтра свадьба в «Моне», любимый. Та самая сиреневая свадьба, о которой

мы так долго грезили. Перестань себя накручивать.

А потом я дарю ему долгий поцелуй, на который он отвечает со всей пылкостью, крепче прижав к своей груди.

— И все равно, — между поцелуями бормочет Эмин, никак не успокоившись, — никакого Германа!

А где-то там, на другом конце шумного мегаполиса, собираясь на свадьбу Лолиты, Герман Левандовский закончил завязывать галстук, уложил волосы гелем, последний раз посмотрелся в зеркало и, поправив ворот темного пиджака, подошел к столу в небольшой комнате съемной квартиры. Закрыв несколько вкладок на экране ноутбука, кликнув по мышке. Страница Лолиты Рубинян в социальной сети закрылась не с первого раза. Совсем скоро Фаворской. Шансы, что она когда-нибудь стала бы его — Левандовской, — были практически нулевыми. Он с этим смирился.

Почти.

Он бросает стихотворение Германа Плисецкого, написанного на листочке, в корзину для бумаг, предварительно его хорошенько смяв. Оно ненужно ему, потому что Лаванда помнит его наизусть.

«Я бы тебя на руки взял,
Я бы тебя взял и унёс,
Тихо смеясь на твои «нельзя»,
Вдыхая запах твоих волос.
И, не насытившись трепетом тел,
Стуком в груди нарушая тишь,
Всё просыпался бы и глядел,
Плача от радости, как ты спишь.
Я бы к тебе, как к ручью, приник,
Как в реку в тебя бы взгляделся я.
Я бы за двести лет не привык
К бездонной мысли, что ты моя.
Если бы не было разных «бы»,
О которые мы расшибаем лбы».
Она никогда бы не стала его. Он просто друг
Навечно.

THE END

Больше книг на сайте - Knigolub.net